

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2021. №3 (34)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2021 №3 (34)

май-июнь

Основан в 2015 году

Казань

2021

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 №3 (34) май-июнь

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru

Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,

Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-04, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,

П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, КНИТУ
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., АН РТ
Киселев С. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН
Мингалеев Г. Ф. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р.С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Сергеев С. А. – д-р полит. наук, проф., К(П)ФУ
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ

Ответственный секретарь: Л. З.Фатхуллина

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axuyanov A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S.A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L.A. – Dr. Sci. (Econ.), KNRTU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch.I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., TAS
Kiselev S.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS
Mingaleev G. F. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R.S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Sergeev S. A. – Dr. Sci. (Polit.), Prof., KFU
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU

Executive Secretary: L. Z. Fatkhullina

ISSN 2499-992X © Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Валиуллин Р. З., Махиянова Р. Р., Мингалеев Г. Ф., Трутнева А. А.</i> Повышение финансовой устойчивости предприятия как задача оптимизации структуры его баланса	5
<i>Галлямова Д. Х.</i> Мировой и региональный рынок нефти в условиях четвертого энергетического перехода	10
<i>Дуленинских Л. Н., Светлаков А. Г.</i> Тенденции и перспективы развития сельских территорий	15
<i>Вафин Э. Я., Киселев С. В.</i> Прогнозирование устойчивости системы пенсионного обеспечения Республики Татарстан в условиях современных макроэкономических и демографических вызовов на период до 2035 года	22
<i>Трутнева А. А., Мингалеев Г. Ф., Сафаргалиев М. Ф.</i> Экономические детерминанты мониторинга сетевых производственных процессов для принятия управленческих решений	30

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З.</i> Национально-культурная матрица коммуникации в студенческой среде: результаты эмпирического исследования	37
<i>Головчин М. А.</i> Ограничения дизайна государственной политики в направлении развития школьного образования: по данным контент-анализа	44
<i>Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.</i> Институционализация новых коммуникационных и деятельностных цифровых форматов в работе с молодежью	56
<i>Спиридонов А. Г.</i> Реализация государственной молодежной политики в регионах Приволжского Федерального округа. Межрегиональный проект «Позитив улиц»	63
<i>Сухова Е. А.</i> Потенциал и реализация социальной активности городской и сельской молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа	68
<i>Зинурова А. А.</i> Формирование визуального образа городской среды средствами графического дизайна (на примере городов России)	74
<i>Петровская Ю. А., Фитисов К. В.</i> Инновационный потенциал молодежи (опыт исследований в Республике Карелия)	81

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Блинникова А. В., Большедворская М. В.</i> Целевое обучение как способ обеспечения образовательных организаций психолого-педагогическими кадрами	89
<i>Павлова И. В., Лаврова О. М.</i> Разработка модели адаптационного инкубатора для иностранных студентов в российском инженерном вузе	97
<i>Прохоров М. А., Юхимук Р. А., Лыкова М. А.</i> Методика оценивания эффективности педагогических инноваций в условиях дистанционного обучения	102
<i>Старишинова Т. А.</i> Интегративная психолого-педагогическая подготовка на различных уровнях многоуровневого образования в инженерном вузе	108
<i>Фомина Е. А., Соломонов В. А.</i> Проявление жизнестойкости молодежи в ситуации вторичной профессиональной адаптации	115

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Valiullin R. Z., Makhiyanova R. R., Mingaleev G. F., Trutneva A. A.</i> Improving the financial stability of an enterprise as a task of optimizing the structure of its balance sheet	5
<i>Gallyamova D. Kh.</i> The global and regional oil market in the context of the fourth energy transition	10
<i>Dulepinskikh L. N., Svetlakov A. G.</i> Trends and prospects for the development of rural areas	15
<i>Vafin E. Ya., Kiselev S. V.</i> Forecasting the sustainability of the pension system of the Republic of Tatarstan in the context of modern macroeconomic and demographic challenges for the period up to 2035	22
<i>Trutneva A. A., Mingaleev G. F., Safargaliev M. F.</i> Economic determinants of monitoring network production processes for making management decisions	30

SOCIOLOGY

<i>Zinurova R. I., Nikitina T. N., Fatkhullina L. Z.</i> National and cultural matrix of communication in the student environment: results of empirical research	37
<i>Golovchin M. A.</i> State policy design restrictions in the direction of school education development: according to content analysis	44
<i>Zinurova R. I., Tuzikov A. R.</i> Institutionalization of new communication and activity digital formats in working with youth	56
<i>Spiridonov A. G.</i> Implementation of state youth policy in the regions of the volga federal district interregional project «Positive streets»	63
<i>Sukhova E. A.</i> Potential and implementation of social activity of the city and rural youth of the Yamal-Nenets autonomous district	68
<i>Zinurova A. A.</i> Formation of the visual image of the urban environment by means graphic design (on the example of russian cities)	74
<i>Petrovskaya Yu. A., Fitisov K. V.</i> Innovative potential of young people (research experience in the Republic of Karelia)	81

PEDAGOGICS

<i>Blinnikova A. V., Bolshedvorskaya M. V.</i> Targeted training as a way to provide educational organizations with psychological and pedagogical personnel	89
<i>Pavlova I. V., Lavrova O. M.</i> Development of a model of adaptation incubator for foreign students at russian engineering university	97
<i>Prokhorov M. A., Yukhimuk R. A., Lykova M. A.</i> Methodology for evaluating the efficiency of pedagogical innovations in the conditions of distance learning	102
<i>Starshinova T. A.</i> Integrative psychological and pedagogical training stages in the framework of multi-level education at engineering university	108
<i>Fomina E. A., Solomonov V. A.</i> Manifestation of viability of youth in a situation of secondary professional adaptation	115

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.45

Р. З. Валиуллин, Р. Р. Махиянова, Г. Ф. Мингалеев, А. А. Трутнева

ПОВЫШЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ЗАДАЧА ОПТИМИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ЕГО БАЛАНСА

Ключевые слова: экономико-математическая модель; финансовая устойчивость; оптимизация структуры баланса; математическая задача; показатели финансовой устойчивости

В статье рассматривается задача повышения финансовой устойчивости предприятия на основе экономико-математической модели, которая обеспечивает получение рекомендаций по выходу на заданный уровень устойчивости при минимальных изменениях структуры баланса. На практике предприятие стремится улучшить свою финансовую устойчивость, как можно меньше отклоняясь от фактических показателей своей деятельности, то есть повысить финансовую устойчивость наименьшими затратами. Учитывая это, в данной работе предлагается математическая модель в виде задачи нелинейного программирования, целевой функцией которой является сумма квадратов отклонений расчетных величин агрегатов бухгалтерского баланса от их фактических значений. Ограничениями предлагаемой модели выступают условия соответствия структуры оптимизируемого баланса уровню финансовой устойчивости и платежеспособности, который характеризуется допустимыми значениями определенных коэффициентов. Приводятся результаты решения задачи по фактическим данным ПАО «Туполев». Финансовое состояние данного предприятия является неустойчивым, а баланс предприятия нельзя назвать абсолютно ликвидным. Анализ полученных результатов показывает, что при реализации полученных решений существенно улучшится финансовое состояние предприятия, тем самым ПАО «Туполев» будет иметь нормальную финансовую устойчивость, о чем свидетельствует трехмерный показатель типа финансовой устойчивости $S\{0;1;1\}$. Данный показатель гарантирует платежеспособность предприятия, такое соотношение соответствует положению, когда успешно функционирующее предприятие использует для покрытия запасов различные «нормальные» источники средств – собственные и привлеченные.

R. Z. Valiullin, R. R. Makhyanova, G. F. Mingaleev, A. A. Trutneva

IMPROVING THE FINANCIAL STABILITY OF AN ENTERPRISE AS A TASK OF OPTIMIZING THE STRUCTURE OF ITS BALANCE SHEET

Key words: economic and mathematical model; financial stability; optimization of the balance sheet structure; mathematical problem; indicators of financial stability.

The article discusses the problem of increasing the financial stability of an enterprise on the basis of an economic and mathematical model, which provides recommendations for reaching a given level of stability with minimal changes in the balance structure. In practice, the company seeks to improve its financial stability, deviating as little as possible from the actual performance of its activities, in other words, to increase its financial stability at the lowest cost. Taking this into account, this paper proposes a mathematical model in the form of a non-linear programming problem, the objective function of which is the sum of the squares of the deviations of the calculated values of the balance sheet aggregates from their actual values. The limitations of the proposed model are the conditions for the structure of the optimized balance to correspond to the level of financial stability and solvency, that is characterized by the permissible values of certain. The results of solving the problem based on the actual data of PJSC «Tupolev» are presented. The financial condition of this enterprise is unstable, and the balance sheet of the enterprise cannot be called absolutely liquid. The analysis of the results obtained shows that the implementation of the solutions obtained will significantly improve the financial condition of the enterprise, thereby PJSC Tupolev will have normal financial stability, as evidenced by a three-dimensional indicator of the type of financial stability $S\{0;1;1\}$. This indicator guarantees the solvency of the enterprise, such a ratio corresponds to the situation when a successfully functioning enterprise uses various «normal» sources of funds - its own and borrowed ones - to cover its reserves.

Устойчивость организации является одним из важнейших факторов оценки ее платежеспособности, а также конкурентоспособности, поэтому все большее количество ученых начинает вовлекаться в исследования этой проблемы. Существуют разные подходы. В частности, для решения задачи улучшения финансового состояния предприятия используются экономико-математические модели [1-5].

В данной работе рассматривается задача повышения финансовой устойчивости предприятия на основе экономико-математической модели, которая обеспечивает получение рекомендаций по выходу на заданный уровень устойчивости при минимальных изменениях структуры баланса.

$$\sum_{i=1}^n (x_{iф} - x_i)^2 \rightarrow \min, \quad (1)$$

где $\sum_{i=1}^n (x_{iф} - x_i)^2$ – сумма квадратов разностей между фактической величиной и соответствующей ей расчетной величиной параметров;

$x_{iф}$ – фактическое значение изучаемого параметра;

x_i – расчетное значение параметра, получаемое по модели;

n – количество параметров.

В целях уменьшения размерности экономико-математической модели условной оптимизации все статьи бухгалтерского баланса сгруппированы в агрегаты.

Введем обозначения:

x_1 – наиболее ликвидные активы (А1);

x_2 – быстро реализуемые активы (А2);

На практике при улучшении финансового состояния предприятие стремится как можно меньше отклоняться от фактических результатов своей деятельности, то есть повысить финансовую устойчивость наименьшими затратами и с использованием наименьшего количества ресурсов. Поэтому в данной работе предлагается математическая модель, целевой функцией которой является сумма квадратов отклонений расчетных величин агрегатов бухгалтерского баланса от их фактических значений. Решая данную задачу, находим оптимальное состояние путем минимизации квадратов отклонений между фактическими значениями и соответствующими им расчетными величинами параметров:

x_3 – медленно реализуемые активы (А3);

x_4 – трудно реализуемые активы (А4);

x_5 – наиболее срочные обязательства (П1);

x_6 – краткосрочные пассивы (П2);

x_7 – долгосрочные пассивы (П3);

x_8 – постоянные пассивы (П4).

Ограничениями предлагаемой модели выступают условия соответствия структуры оптимизируемого баланса уровню финансовой устойчивости и платежеспособности, который характеризуется допустимыми значениями определенных коэффициентов. А именно, были выбраны следующие условия (табл. 1):

Таблица 1 – Ограничения по финансовым коэффициентам

Наименование показателя	Алгоритм расчета	Норматив
1. Коэффициент автономии	СК/ВБ	от 0,5 до 0,7
2. Коэффициент обеспеченности запасов	СОС/Запасы	от 0,6 до 0,8
3. Коэффициент финансирования	СК/(ДО+КО)	от 0,7 до 1,5
4. Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	СОС/ОА	от 0,1 до 0,5
5. Коэффициент маневренности собственного капитала	СОС/СК	от 0,3 до 0,5
6. Коэффициент финансового левериджа	(ДО+КО)/СК	равен 1
7. Коэффициент финансовой устойчивости	(СК+ДО)/ВБ	от 0,7 до 0,9
8. Коэффициент абсолютной ликвидности	(ДС+КВФ)/КО	от 0,2 до 0,5
9. Коэффициент быстрой ликвидности	(ДС+КВФ+КДЗ)/КО	от 0,7 до 1,5
10. Коэффициент текущей ликвидности	ОА/КО	от 1,5 до 2,5

где ОА – оборотные активы;

СК – собственный капитал;

КВФ – краткосрочные финансовые вложения;

КДЗ – краткосрочная дебиторская задолженность;

ДС – денежные средства;

КО – краткосрочные обязательства;

ДО – долгосрочные обязательства;
СОС – собственные оборотные средства;

ВБ – валюта баланса.

Так же ограничениями задачи являются условия ликвидности:

$$1) A1-П1 \geq 0$$

$$2) A2-П2 \geq 0$$

$$3) A3-П3 \geq 0$$

$$4) П4-A4 \geq 0$$

Таким образом, экономико-математическая модель повышения финансовой устойчивости предприятия имеет следующий вид:

$$\sum_{i=1}^n (x_{iФ} - x_i)^2 \rightarrow \min$$

При ограничениях:

$$x_1 - x_5 \geq 0$$

$$x_2 - x_6 \geq 0$$

$$x_3 - x_7 \geq 0$$

$$x_8 - x_4 \geq 0$$

$$0,2 \leq x_1/(x_5+x_6) \leq 0,5$$

$$0,7 \leq (x_1 + x_2)/(x_5+x_6) \leq 1,5$$

$$1,5 \leq (x_1 + x_2 + x_3)/(x_5+x_6) \leq 2,5$$

$$0,5 \leq x_8/(x_5+x_6+x_7+x_8) \leq 0,7$$

$$0,6 \leq (x_5-x_4)/x_3 \leq 0,8$$

$$0,7 \leq x_8/(x_5+x_6+x_7) \leq 1,5$$

$$0,1 \leq (x_8 - x_4)/(x_1+x_2+x_3) \leq 0,5$$

$$0,3 \leq (x_8 - x_4)/x_8 \leq 0,5$$

$$(x_5+x_6+x_7)/x_8=1$$

$$0,7 \leq (x_7+x_8)/(x_5+x_6+x_7+x_8) \leq 0,9$$

Также следует учитывать, что сумма активов равна сумме пассивов баланса $\sum A = \sum П$:
($x_1+x_2+x_3+x_4$) = ($x_5+x_6+x_7+x_8$).

Введем следующее ограничение, в котором сумму активов приравниваем к ее фактическому значению, то есть ищем оптимальную структуру баланса при неизменной величины валюты баланса:

$$x_1+x_2+x_3+x_4 = x_{ф1} + x_{ф2} + x_{ф3} + x_{ф4}.$$

Поставленную задачу будем рассматривать для ПАО «Туполев».

По результатам комплексного финансового анализа следует, что финансовое состояние предприятия является неустойчивым, а баланс предприятия нельзя назвать абсолютно ликвидным [6].

С целью повышения финансовой устойчивости предприятия ПАО «Туполев» необходимо произвести оптимизацию бухгалтерского баланса путем корректировки статей бухгалтерского баланса с учетом рекомендуемых значений финансовых показателей.

Для решения задачи повышения эффективности производственной деятельности предприятия, обеспечивающий заданный уровень устойчивости и платежеспособности, использовался инструмент «Поиск решения» табличного редактора Microsoft Excel.

Предлагаемые изменения представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Сравнение фактических значений агрегатов бухгалтерского баланса с их рассчитанными оптимальными значениями

Агрегат	2019 год		Оптимальное значение		Изменение	
	Значение, тыс. руб.	Удельный вес, в %	Значение, тыс. руб.	Удельный вес, в %	Значение, тыс. руб.	Удельный вес, % пункты
A1	28770704	12,85	46033126	20,56	17262422	7,71
A2	59555843	26,6	44043359	19,67	-15512484	-6,93
A3	49524182	22,12	55444301	24,77	5920119	2,65
A4	86027404	38,43	78357347	35	-7670057	-3,43
БАЛАНС	223878133	100	223878133	100	0	0
П1	90445878	40,4	46033126	20,56	-44412752	-19,84
П2	8761165	3,91	14017864	6,26	5256699	2,35
П3	34286770	15,31	51888076	23,18	17601306	7,87
П4	90384320	40,37	111939067	50	21554747	9,63
БАЛАНС	223878133	100	223878133	100	0	0

Исходя из данных таблицы 2, видим, что все условия ликвидности выполняются, то есть баланс имеет абсолютную ликвидность:

$$46033126 \geq 46033126, \text{ то есть } A1 \geq П1;$$

$$44043359 \geq 14017864, \text{ то есть } A2 \geq П2;$$

$$55444301 \geq 51888076, \text{ то есть } A3 \geq П3;$$

$$78357347 \leq 111939067, \text{ то есть } A4 \leq П4.$$

По результатам решения задачи видим, что для улучшения финансового положения

необходимо увеличить наиболее ликвидные активы – А1 на 60 %, в результате их удельный вес увеличится на 7,71 процентных пункта (п.п) и составит 20,56 %. Оборотные активы (A1+A2+A3) необходимо увеличить на 9 %, в результате их удельный вес повысится на 3,43 п.п.

Также анализ таблицы 2 показал, что в оптимальном балансе кредиторскую задолженность необходимо снизить на 49 %, а собствен-

ный капитал увеличить на 23 % по сравнению с их фактическими значениями.

На рисунке 1 представлена структура пассивов до и после оптимизации структуры баланса. На нем видим, что структура пассивов

предприятия ПАО «Туполев» существенно улучшится в связи с увеличением собственного капитала и сокращением заемных средств.

Далее проанализируем финансовую устойчивость (рис. 2)

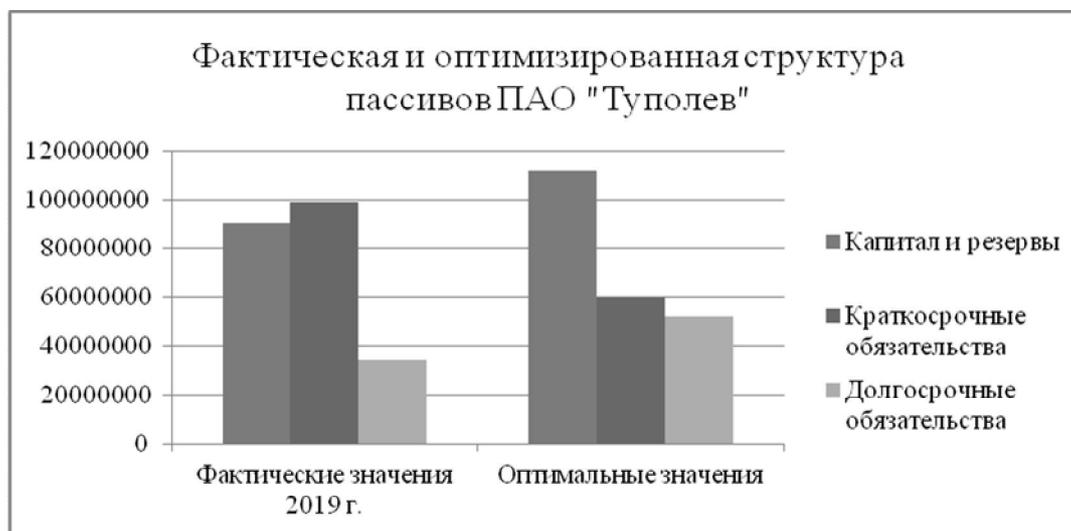

Рис. 1 – Фактическая и оптимизированная структура пассивов ПАО «Туполев»

Наименование показателя	Фактические значения 2019 г.	Оптимальные значения
1. Источники собственных средств	90384320	111939169
2. Внеоборотные активы	86027404	78357418
3. Собственные оборотные средства	4356916	33581751
4. Долгосрочные обязательства	34286770	51888178
5. Наличие собственных и долгосрочных заемных источников формирования запасов и затрат	38643686	85469929
6. Краткосрочные обязательства	99207043	60050990
7. Общая величина основных источников формирования запасов и затрат	137850729	145520919
8. Величина запасов и затрат	48962630	55444434
9. Излишек (недосток) собственных оборотных средств	-44605714	-21862682
10. Излишек (недосток) собственных и долгосрочных заемных средств покрытия запасов и затрат	-10318944	30025495
11. Излишек (недосток) общей величины основных источников финансирования запасов и затрат	88888099	90076486
12. Трехмерный показатель типа финансовой устойчивости	(0;0;1)	(0;1;1)

Рис.2 – Сравнение фактических значений показателей с их рассчитанными оптимальными значениями

На основании данных рисунка 2 видим, что при реализации полученных решений существенно улучшится финансовое состояние предприятия, тем самым ПАО «Туполев» будет иметь нормальную финансовую устойчивость, о чем свидетельствует трехмерный показатель типа финансовой устойчивости $S\{0;1;1\}$. Данный показатель гарантирует платежеспособ-

ность предприятия, такое соотношение соответствует положению, когда успешно функционирующее предприятие использует для покрытия запасов различные «нормальные» источники средств – собственные и привлеченные.

Таким образом, на основе предложенной экономико-математической модели опти-

мизации структуры бухгалтерского баланса были найдены показатели структуры активов и пассивов, к которым ПАО «Туполев» необхо-

димо стремиться с целью повышения уровня платежеспособности и финансовой устойчивости.

Литература

1. Грачев А. В. Многофакторная модель оптимизации бухгалтерского баланса // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 3. С.57-69.
2. Закирова Л. З., Валиуллина А. Р. Анализ эффективности управления текущими обязательствами путем экономико-математического моделирования. В сборнике: VII Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам. 2018. С.120-124.
3. Валиуллин Р. З., Загидуллина А. З., Бабушкин В. М., Зилянова О. Е., Костерин А. В. Повышение эффективности производственной деятельности предприятия в условиях ресурсных ограничений // Вестник Казанского государственного технического университета им А.Н. Туполева. 2017. Т. 73. № 3. С. 66-69.
4. Валиуллин Р. З., Хузина З. Р. Об одной математической задаче улучшения финансового состояния предприятия. В сборнике: Новые технологии, материалы и оборудование российской авиакосмической отрасли – АКТО-2016 /Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2-х томах. 2016. С.813-818.
5. Чекунов А. С., Коваленко Н. В. Направления государственной поддержки конкурентоспособности гражданского авиастроения РФ в современных условиях // Управление устойчивым развитием. 2019. №4. С. 48-56.
6. Бухгалтерская отчетность ПАО «Туполев». URL: [https:// www.e-disclosure.ru](https://www.e-disclosure.ru) (дата обращения 21.03.2021).

Сведения об авторах:

©**Валиуллин Рафик Зуферович** – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Махиянова Римма Рафисовна** – студента института инженерной экономики и предпринимательства Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Мингалеев Газиз Фуатович** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления на предприятии Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Трутнева Анна Андреевна** – старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

Information about the authors:

©**Valiullin Rafiq Suferovic** – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, associate Professor of the Department of Economics and enterprise management Kazan national research technical University. A. N. Tupolev – KAI, the Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

© **Makhiyanova Rimma Rafisovna** – student of Institute of engineering Economics and entrepreneurship Kazan national research technical University. A. N. Tupolev – KAI, the Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Mingaleev Gaziz Fuatovich** - Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Management at the enterprise of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI, Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru

© **Trutneva Anna Andreevna** - Senior Lecturer of the Department of Economics and Management at the enterprise of the Kazan National Research Technical University. A.N. Tu-poleva - KAI , Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

УДК 338.46

Д. Х. Галлямова

МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК НЕФТИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Ключевые слова: мировой рынок нефти, энергетические переходы, ценообразование на сырьевом рынке, нефтехимическая отрасль, возобновляемые источники энергии (ВИЭ)

В представленной статье содержится анализ мирового и российского рынка нефти в разрезе формирования цен и возможных перспектив развития отраслей экономики, связанных с добычей в условиях четвертого энергетического перехода. В работе приводятся основные технологические и экономические изменения, которые уже наблюдаются в рамках современного перехода. В частности, выделены следующие: электрификация транспорта, доминирование ВИЭ в новых мощностях в электроэнергетике, декарбонизация других отраслей экономики, углеродный налог на импорт в ЕС. В работе дается анализ структуры конечного потребления нефти в мире до 2020г., на базе чего делается вывод о том, что доля отраслей, не имеющих возможности отказаться от потребления нефти, составляет приблизительно 30%. Рассмотрены показатели российского экспорта нефти и газа, которые позволили определить, что по самому пессимистичному сценарию, до 2050г. Россия может потерять до 300 млн.т. экспорта нефти и нефтепродуктов и до 140 млрд. куб. м экспорта природного газа. В статье подчеркивается, что для нефтяной отрасли России в краткосрочной перспективе важным является участие в сделке ОПЕК+. Также выделяется необходимость обеспечения внутрироссийских механизмов реагирования на сокращение квот по добыче. Делается вывод о том, что региональным властям, учитывая пессимистичный сценарий развития отрасли, будет необходимо в ближайшей перспективе выводиться из эксплуатации нерентабельные месторождения, переориентировать инвестиции с топливного сектора в нефтехимию, а также уделить внимание развитию иных, не связанных с нефтью отраслей (IT-сектор, сельское хозяйство, компоненты водородной энергетики).

D. Kh. Gallyamova

THE GLOBAL AND REGIONAL OIL MARKET IN THE CONTEXT OF THE FOURTH ENERGY TRANSITION

Keywords: global oil market, energy transitions, commodity market pricing, petrochemical industry, renewable energy sources.

The article presents an analysis of the world and Russian oil markets in the context of price formation and possible prospects for the development of economic sectors related to production in the conditions of the fourth energy transition. The paper presents the main technological and economic changes that are already being observed in the framework of the modern transition. In particular, the following are highlighted: the electrification of transport, the dominance of renewable energy in new capacities in the electric power industry, the decarbonization of other sectors of the economy, the carbon tax on imports to the EU. The paper analyzes the structure of final oil consumption in the world until 2020, on the basis of which it is concluded that the share of industries that are unable to abandon oil consumption is approximately 30%. The indicators of Russian oil and gas exports are considered, which allowed us to determine that, according to the most pessimistic scenario, until 2050. Russia may lose up to 300 million tons of oil and oil products exports and up to 140 billion cubic meters of natural gas exports. The article emphasizes that participation in the OPEC+ deal is important for the Russian oil industry in the short term. The need to provide domestic mechanisms for responding to the reduction of production quotas is also highlighted. It is concluded that the regional authorities, taking into account the pessimistic scenario of the industry development, will need to decommission unprofitable fields in the near future, reorient investments from the fuel sector to petrochemicals, as well as pay attention to the development of other non-oil industries (IT sector, agriculture, hydrogen energy).

Развитие мировой энергетики вступает в активную фазу четвертого энергетического перехода, который заключается в широком ис-

пользовании возобновляемых источников энергии и вытеснении ископаемых видов топлива.

Термин «энергетический переход» был предложен Вацлавом Смилом (чешско-

канадский исследователь и аналитик) и используется для описания изменения структуры первичного энергопотребления. Необходимо отметить, что энергетический переход не означает полного отказа от старых источников энергии, они могут сосуществовать вместе с новыми, даже в рамках одной страны. В то же время, новый источник энергии по экономическим или иным (политическим, экологическим) причинам становится преобладающим, то есть наиболее массовым и приоритетным в использовании. [1]

Важный аспект в четвертом энергопереходе – удовлетворение потребностей человечества должно осуществляться без ущерба для экосистемы, в том числе должно быть минимизировано воздействие на климат, вызванное антропогенной эмиссией парниковых газов (ПГ). Хотя данная зависимость оспаривается многими учеными, политические решения уже приняты, в массовом сознании необходимые установки уже сформированы.

Таким образом, альтернатив в выборе основного направления энергетического развития уже нет, общественно-политическая дискуссия в основном закончена. Вопрос только в сроках и масштабах.

ЕС в декабре 2019 г. провозгласил «Зеленый курс», цель которого – достижение климатической нейтральности к 2050 г. К 2030 г. предусматривается сокращение выбросов CO₂ на 55% к уровню 1990 г. и повышение доли ВИЭ в энергобалансе до 38–40% (в электроэнергии – до 65%). При этом к 2030 г. ЕС предполагает сократить потребление угля на 70%, а нефти и газа – на 30 и 25% по сравнению с 2015г [2].

Китай в сентябре 2020 г. заявил об углеродной нейтральности к 2060 г., в октябре 2020 г. с заявлениями о достижении углеродной нейтральности к 2050 г. выступили Япония и Южная Корея.

США при новом президенте ДЖ. Байдене заявили о возвращении в Парижское соглашение.

Инвесторы по всему миру отказываются от финансирования секторов, связанных с высокими выбросами. Крупнейшие инвестиционные фонды, контролирующих в совокупности активы на сумму свыше \$14 трлн., присоединились к обязательствам в отношении сектора ископаемых видов топлива, в результате чего добывающие компании теряют привлекательность, из этого бизнеса начался отток капитала.

Можно выделить следующие основные технологические и экономические изменения, которые уже наблюдаются в рамках четвертого рамках энергетического перехода:

– *электрификация транспорта, электромобили.*

Сама по себе электрификация транспорта означает не отказ от выработки движущей энергии, а лишь ее перемещение от двигателя автомобиля (где первичный энергоноситель – нефть и газ) на электростанцию. А на электростанции первичным энергоносителем могут выступать уже не только уголь, газ, нефть, но и атом, вода, ветер, солнце. Происходит изменение структуры потребления первичных энергоносителей.

– *доминирование ВИЭ в новых мощностях в электроэнергетике.*

Вклад ВИЭ (без гидроэнергии) в производство электроэнергии в мире вырос от 2 % в 2003 году до почти 10 % сейчас, к 2040 году ожидается 21-34 % (с гидроэнергией даже до 50 %).

В 2020 г. в целом по ЕС выработка электроэнергии ВИЭ впервые превысила ее выработку с использованием ископаемого топлива. Ранее это наблюдалось только в Великобритании и Германии.

В 2020 г. на ВИЭ пришлось около 90% прироста всех генерирующих мощностей в мире, эта тенденция продолжается.

Существенным недостатком ветровых и солнечных ВИЭ является случайный, плохо предсказуемый объем выработки даже на горизонте нескольких дней.

Способ, в теории позволяющий обеспечить стабильную поставку энергии от ВИЭ – использование в комплексе с ними накопителей энергии, аккумуляторов. В настоящее время (пока еще) накопители промышленных масштабов очень дороги и экономически неэффективны. Одним из возможных вариантов аккумуляции энергии стала концепция водородной энергетики: ВИЭ производят электричество, а оно направляется на производство водорода из воды электролизом. Данная технология безуглеродная, водород в ней признается «зеленым».

При этом технологии производства водорода из метана (российского природного газа, например) и угля являются углеродными, водород в них не признается «легитимным» в соответствии с «Зеленым курсом».

А Франция заявляет, что будет производить водород на атомных станциях («бирюзовый»).

Пока же энергосистемы ЕС вынуждены сохранять полный набор традиционной «управляемой» энергомощности. Задача ее заключается не столько в генерации электроэнергии в то время, когда ВИЭ снижают выработку, но и в постоянном маневрировании мощностью.

– декарбонизация других отраслей экономики, помимо электроэнергетики.

Этот процесс также будет наращиваться, но с определенным временным лагом, так как технологии декарбонизации в отраслях, где уголь, нефть и газ выступают частью технологического процесса (например, металлургия, нефтехимия, производство азотных удобрений) еще только предстоит разработать.

– углеродный налог на импорт в ЕС.

Введением углеродного налога ЕС преследует две цели. Первая, имиджевая и декларируемая политиками - поддержка декарбонизации вне ЕС. Вторая, (не афишируемая) - поддержка конкурентоспособности европейских товаропроизводителей. Дело в том, что безудержная поддержка развития ВИЭ в ЕС за

Таблица 1 – Структура конечного потребления нефти в мире до 2020 г [3]

Отрасль	Объем, %
Транспорт	54,6
Автотранспорт	43,0
Авиация	6,0
ж/д и речной транспорт	1,8
Морской транспорт	3,8
Промышленность	25,1
Нефтехимическая	12,6
Прочая	12,5
Прочие отрасли	15,6
Электроэнергетика	5,1
Сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, прочие (в том числе механизмы и техника с двигателями на топливе)	10,5

Из таблицы видно, что доля отраслей, не имеющих возможности отказаться от потребления нефти, составляет приблизительно 30 % (это авиация и промышленность). Авиационный транспорт использует преимущественно нефтепродукты (керосин, бензин, дизель), а для промышленности нефть выступает основным технологическим сырьем. Таким образом, в связи с реализацией программы «зеленого курса», в долгосрочной перспективе возможно сокращение потребления нефти на 70 % от существующего уровня. В мировом масштабе снижение добычи будет происходить за счет месторождений с высокой себестоимостью (прежде всего сланцевые в США, высоковязкие в Канаде и России). Сланцевая нефть отличается высокой себестоимостью для рынка – от 50 до 60 долларов за баррель.

счет тарифа потребителей привела к значительному росту стоимости энергии для бизнеса (например, Германия уже стала мировым рекордсменом по цене электроэнергии). В результате ценовая конкурентоспособность европейских производителей снижается. Введение углеродного налога подразумевает, в том числе, и нивелирование преимуществ в энергозатратах товаропроизводителей вне ЕС.

Можно сказать, что заявленная борьба за сохранение климата из цели развития превращается в инструмент нового экономического передела мира – в инструмент «зеленого протекционизма».

Рассмотрим структуру потребления нефти в мире (таблица 1).

Вслед за сокращением спроса можно ожидать снижение цен на нефть до уровня 20-30 долл./баррель (в ценах 2021г.). При этом, с учетом инфляции доллара, в перспективе 50-60 лет номинальные цены могут даже вырасти.

Что касается природного газа, сокращение может быть еще значительнее, так как доля потребления газа в качестве технологического сырья – не более 10 %.

При этом, как было сказано выше, России необходимо готовиться не только к снижению цен, но и объемов экспорта. Расчеты, выполненные ИНЭИ РАН совместно с МШУ «Сколково», показывают, что даже при самых умеренных ожиданиях энергопереход приведет к сокращению российского экспорта энергоресурсов на 16 % к 2040 г. Рассмотрим показатель российского экспорта нефти и газа (таблица 2)

Таблица 2 – Показатели российского экспорта в ЕС [4]

	ед. изм.	2019	2020
Добыча нефти	млн. т.	561	512,1
Экспорт нефти	млн. т.	266	238,6
в тч. экспорт в ЕС	млн. т.	155	н.д., оценочно более 150
Добыча газа	млрд. куб.м.	738	н.д.
Экспорт газа	млрд. куб.м.	180-200 в разные годы	
в тч экспорт в ЕС	млрд. куб.м.	120-140 в разные годы	
доля газа, направляемого в ЕС на выработку электрической и тепловой энергии	%	более 50%	
Экспорт нефтепродуктов в ЕС (преимущественно топливо для транспорта)	млн.т.	142,7	141,8

Экспорт нефтепродуктов в ЕС более 140 млн.т. в контексте четвертого энергоперехода также можно рассматривать как экспорт нефти, но уже переработанной в продукты потребления.

Таким образом, по самому пессимистичному сценарию, до 2050г. Россия может потерять до 300 млн.т. экспорта нефти и нефтепродуктов и до 140 млрд. куб.м экспорта природного газа (соответственно – снижение добычи на данные объемы).

Альтернатива экспорту в ЕС – переориентация экспортных объемов в Юго-Восточную Азию – требует уже в ближайшие несколько лет строительства транспортной инфраструктуры. Это экспортные терминалы и продуктопроводы от месторождений, то есть многолетние и капиталоемкие проекты. Однако, в условиях нарождающейся волатильности спроса на нефть в долгосрочной перспективе, когда основные потребители в ЮВА (Китай, Япония и Южная Корея) также объявили о декарбонизации, инвестировать в эти проекты не будут ни частные компании, ни госструктуры. Таким образом, сокращение добычи нефти и газа в России – единственный сценарий развития. Вопрос только в том, насколько глубоким будет это сокращение и за счет каких компаний оно произойдет.

Для нефтяной отрасли России в краткосрочной перспективе важным является участие в сделке ОПЕК+. Квоты производства в рамках сделки будут сокращаться. Поэтому уже сегодня приобретают значение внутрисекторские механизмы обеспечения такого сокращения.

С точки зрения российского правительства, в условиях роста производства и экспорта, льготы позволяют нарастить добычу и вернуть

недополученные за их счет средства через другие налоги – налог на прибыль, НДФЛ и страховые выплаты с фонда оплаты труда, НДС и экспортные пошлины. Суммарный эффект как для экономики в целом, так и для госбюджета как правило положительный [5].

Однако картина меняется, когда добычу необходимо сокращать. Если рассматривать экономику страны как единую систему, нелогично производить сокращение за счет экономически наиболее производительных месторождений и скважин, необходимо это делать за счет наименее прибыльных. Тогда, для корректного сопоставления различных месторождений встает задача постановки их в равные условия.

Поэтому ликвидация льгот по НДС и выравнивание регуляторных экономических условий для месторождений в новом экономическом контексте (с точки зрения федеральных экономических властей) правильно и нацелено на рыночное, а не административное ограничение добычи, когда хозяйствующие субъекты сами принимают решение, какие месторождения и новые проекты приостанавливать. В результате отсекаются будут, прежде всего, трудноизвлекаемые (высоковязкие, высокосернистые) и капиталоемкие (в регионах Севера и Арктического шельфа), то есть менее экономически эффективные месторождения. К тому же, высоковязкие и высокосернистые нефти стоят дешевле на рынке и снижают цену российской трубопроводной смеси Urals.

Однако в региональном разрезе сокращение будет неравномерным, будут закрываться преимущественно старые месторождения Поволжья и Урала (в том числе в Татарстане и Башкортостане), новые проекты по добыче на Севере и в Арктической зоне (с суровыми

условиями и отсутствующей инфраструктурой).

Но реальная экономическая политика – процесс не только экономический, но и политический. Поэтому ликвидация льгот по НДС для старых месторождений, также как и внедрение банка качества нефти для доступа в трубопровод Транснефти в нулевых годах, долгое время сдерживались успешным лоббированием региональных властей.

В условиях ограничений экспорта нефти следующий, после отмены льгот, логически вытекающий шаг Правительства РФ – введение и распределение экспортных квот на нефть на аукционах (в настоящее время экспортные мощности распределяются пропорционально добыче). Более эффективные компании смогут заплатить больше, будут выигрывать аукционы и смогут поддерживать уровень добычи или даже расширять ее, а менее эффективные будут вынуждены сокращать объемы производства нефти. Произойдет сокращение отрасли естественным, рыночным путем, но

экономическая эффективность отрасли в целом должна повыситься.

Однако реализация инициативы по введению аукционов в ближайшей перспективе представляется нам сомнительной, прежде всего, по политическим мотивам. Это связано с тем, что преимущественно государственная компания Роснефть, обладающая высоким лоббистским потенциалом, в настоящий момент имеет снижающуюся экономическую эффективность, поэтому подобные аукционы для нее крайне невыгодны.

Что касается региональных властей, безусловно, им необходимо в ближайшей перспективе, учитывая пессимистичный сценарий развития отрасли, выводить из эксплуатации нерентабельные месторождения, переориентировать инвестиции с топливного сектора (непосредственно добыча нефти и производство нефтепродуктов) в нефтехимию (производство полимеров, к примеру). Также следует уделить внимание развитию иных, не связанных с нефтью отраслей (IT-сектор, сельское хозяйство, компоненты водородной энергетики).

Литература

1. Алексеенко С. В. Новый этап четвертого энергетического перехода // Энергетика и промышленность России (Спецвыпуск «Будущее энергетики»). 2019. № 18 (374). С. 18.
2. Митрова Т. А. Четвертый энергопереход: риски и вызовы для России. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/31/856101-chetvertii-energoperehod> (дата обращения 21.05.2021).
3. Официальный сайт ОПЕК. Monthly Oil Market Report. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/338.htm (дата обращения 15.04.2021).
4. Официальный сайт Росстата. О рынке нефти в 2020 году. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/33.htm (дата обращения 18.04.2021).
5. Садыкова Р. Ш., Зюзина О. Ю. Анализ состава и структуры капитала крупнейших нефтяных компаний России // Управление устойчивым развитием. 2018. №3. С. 31-34.

Сведения об авторе:

©**Галлямова Динара Хамитовна** – доктор экономических наук, профессор Высшей школы бизнеса, Казанский федеральный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: din77.77@mail.ru.

Information about the author:

©**Gallyamova Dinara Khamitovna** – Doctor of Economics, Professor of Higher School of Business, Kazan Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: din77.77@mail.ru.

УДК 338.43

Л. Н. Дулепинских, А. Г. Светлаков

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: уровень жизни, жители сельских населенных пунктов, сельские территории, направления развития муниципальных образований

Статья посвящена проблемам текущего состояния и перспективам развития сельских территорий Российской Федерации. Вопросы комплексного развития сельских территорий в настоящее время приобретают особую актуальность. Основные факторы развития негородских территорий связаны с политической, экономической и социальной стратегией развития страны. В связи с этим цель нашего исследования – установление связи между показателями социально-экономического развития сельских территорий России, выявление ключевых противоречий, которые влияют на развитие страны.

Для достижения цели, мы обозначили следующие задачи: определить основные показатели, отражающие развитие негородских территорий; выявить современные противоречия, препятствующие комплексному развитию сельских территорий; разработать ключевые направления стратегии развития сельских территорий. Рассматривая динамику изменения количества муниципальных образований, мы наблюдаем уменьшение числа сельских населенных пунктов. Анализируем основные причины данной ситуации: снижение численности сельского населения, уменьшение количества родившихся на селе, ежегодное снижение естественного прироста населения, рост умерших в сельской местности. Существование множества проблем жизнедеятельности в деревнях и селах подтверждается и при социологическом опросе сельских жителей. Сложившаяся система управления развитием сельских территорий определенно имеет положительные результаты, но в основном там, где сохранилось и работает производство. Предприятия, ведущие производственную деятельность на селе, чаще всего бывают градообразующими. Они помогают муниципалитету решать экономические и социальные задачи. Эти организации участвуют в программных проектах развития территории со своей долей софинансирования. Они в первую очередь заинтересованы в создании достойных условий жизни на селе, увеличении количества трудоспособного населения, рабочих мест, притоку населения в сельские территории. Нами выявлены основные противоречия, которые препятствуют комплексному развитию негородских территорий, способствуют оттоку сельских жителей и вымиранию деревень. А ведь именно показатель «Численность населения» является одним из определяющих при расчете дотаций в территории на выравнивание бюджета, на решение вопросов местного значения, связанных с строительством и ремонтом школ, содержанием дорог, обслуживанием жилищно – коммунального хозяйства, обеспечением питьевой водой и т.д. В статье определены основные направления, по которым нужно осуществлять дальнейшее развитие сельских территорий, чтобы улучшить социально – экономическую ситуацию на селе. Исследование в области развития сельских территорий является актуальным, имеет практическую значимость и будет интересно широкому кругу лиц.

L. N. Dulepinskih, A. G. Svetlakov

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS

Keywords: standard of living, residents of rural localities, rural territories, directions of development of municipalities

The article is devoted to the problems of the current state and prospects for the development of rural areas of the Russian Federation. The issues of the integrated development of rural areas are currently acquiring special relevance. The main factors in the development of non-urban areas are associated with the political, economic and social development strategy of the country. In this regard, the purpose of our study is to establish a connection between the indicators of the socio-economic development of rural areas of Russia, to identify the key contradictions that affect the development of the country. To achieve this goal, we have identified the following tasks: to determine the main indicators reflecting the development of non-urban areas; to identify modern contradictions that hinder the integrated development of rural areas; to develop key directions of the strategy for the development of rural areas. Considering the dynamics of changes in the number of municipalities, we observe a decrease in the number of rural settlements. We analyze the main reasons for this situation: a decrease in the rural population, a decrease in the number of births in the countryside, an annual decline in

natural population growth, an increase in deaths in rural areas. The existence of many problems of life in villages and villages is confirmed by a sociological survey of rural residents. The existing system for managing the development of rural areas definitely has positive results, but mainly where production has been preserved and operates. Enterprises that carry out production activities in the countryside are most often city-forming. They help the municipality to solve economic and social problems. These organizations participate in program projects for the development of the territory with their own share of co-financing. They are primarily interested in creating decent living conditions in the countryside, increasing the number of able-bodied people, jobs, and the influx of people into rural areas. We have identified the main contradictions that hinder the integrated development of non-urban areas, contribute to the outflow of rural residents and the extinction of villages. But it is the «Population» indicator that is one of the determining ones when calculating subsidies in the territory for leveling the budget, for solving local issues related to the construction and repair of schools, maintenance of roads, maintenance of housing and communal services, provision of drinking water, etc. The article identifies the main directions for the further development of rural areas in order to improve the socio - economic situation in the countryside. Research in the field of rural development is relevant, has practical significance and will be of interest to a wide range of people.

В настоящее время в условиях пандемии особую актуальность приобретают вопросы целостного развития сельских территорий. Комплексное развитие негородских (сельских) территорий является одной из основных потребностей во всем мире. Проблемы, которые существуют на селе, характерны как для России, так и для зарубежных стран. Изучение опыта зарубежных стран в развитии сельских территорий свидетельствует о том, что большая часть мер по повышению уровня жизни населения направлена на городские центры, которые способствуют миграции сельских жителей в города, другие регионы или за границу в поисках лучших условий для проживания. Но в сельскохозяйственных странах мира (Аргентина, Китай, Камбоджа, Молдова, Румыния и другие) большое внимание уделяется развитию аграрного сектора экономики [8].

Нужно отметить, что агропромышленный комплекс играет важную роль в экономике России. И его развитие является важным фактором национальной безопасности. И при успешном развитии АПК станет основой экономического развития России. Главным звеном АПК является сельское хозяйство. Кроме источника производства сельхозпродукции сельское хозяйство является источником важных общественных благ:

- обеспечение продовольственной независимости страны;
- создание рабочих мест в смежных отраслях экономики;
- формирование культурного ландшафта;
- сохранение сельского расселения и сельского образа жизни;
- обеспечение социального контроля на негородских территориях;
- уменьшение геополитических рисков [9].

Одним из важнейших условий развития агробизнеса является повышение качества жизни на селе. Органы власти всех уровней понимают серьезность поставленной перед ними задачи, но из-за ряда противоречий сельские территории все равно отстают от городских в развитии.

Изучая взгляды различных экспертов на социальные проблемы в сельских территориях в современных условиях, мы сделали вывод, что существует взаимосвязь социальных проблем с развитием аграрного сектора экономики. [5].

Российские и зарубежные ученые достаточно часто в своих трудах изучают факторы развития негородских территорий. Некоторые из них считают, что в первую очередь нужно развивать экономику территории, а другие – социальную сферу [9].

Мы считаем, что в целостном развитии сельских территорий социальная сфера и экономика одинаково важны и взаимосвязаны.

Выделим основные факторы, которые связаны с экономикой, политикой, стратегией социального развития государства, влияющие на развитие регионов:

- значение обеспечения продовольствием населения в экономическом развитии страны;
- степень развития бюджетной системы, налоговой и ценовой политики, определение целей и приоритетов на кредитном рынке;
- основные меры государственной системы софинансирования проектов отечественных товаропроизводителей;
- развитие законодательной базы;
- развитие продовольственных рынков.

Важную роль в социально-экономическом развитии конкретного региона и в целом страны играют сельские территории. Сейчас село испытывает достаточно сложный период своего развития. В сельских territori-

ях нарастают такие массовые явления как бедность, безработица, невозможность получить образование, медицинскую помощь, услуги в сферах быта, торговли, культуры. Во многих

удаленных от административного центра населенных пунктах нет дорог, питьевой воды, интернета, связи.

Таблица 1– Динамика численности населения в сельской местности, млн. чел.

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017г.	2018 г.	2019 г.	Отношение 2015 г. к 2019 г., %
Численность населения проживающего в сельской местности	38,0	37,9	37,8	37,3	37,3	99
Численность трудоспособного населения проживающего в сельской местности	21,2	20,8	20,5	20,1	19,8	94
Доля трудового населения, проживающего в сельской местности, %	56	55	55	54	53	95

Таблица составлена на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (<http://permstat.gks.ru>)

Мы наблюдаем массовый отток жителей маленьких деревень. С 2015 года в России сократилась численность жителей сельских территорий на 700 тысяч человек. Снизилось количество трудоспособного населения, которое проживает в селах, на 1,4 миллиона человек (табл. 1) [2].

Данная тенденция продолжает сохраняться и на текущий момент. Основной причиной оттока трудоспособного населения является недостаток высокооплачиваемых рабочих мест и отсутствие каких-либо перспектив в будущем. Трудовые ресурсы перераспределяются в иные сферы, более всего в сферу услуг, в том числе финансовых и строительных [6].

На основе анализа данных государственной статистики рассмотрим, основные факторы, оказывающие воздействие на демографическую динамику в сельских территориях России. Число родившихся в сельской местности снизилось за 5 лет на 24 %, снизилось и число умерших на 9%, но в целом показатель

умерших остается выше числа родившихся на протяжении всего исследуемого периода. Вследствие такого соотношения родившихся к умершим отрицательное значение показателя естественного прироста в сельской местности выросло в 2 раза (табл. 2).

Развитие сельских территорий сегодня происходит крайне неравномерно. Несмотря на то, что предприятия агрокомплекса увеличивают объемы производства своей продукции, уровень и качество жизни сельского населения в целом существенно отстают от уровня жизни в городах.

Недостаточная государственная поддержка, снижение потенциала основных фондов, трудовых, земельных ресурсов отрицательно влияют на конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей. Сельхозпредприятия тратят значительную часть своих инвестиций на топливо и энергоносители.

Таблица 2 – Показатели естественного движения сельского населения

	2015 г.	2016 г.	2017г.	2018 г.	2019 г.	Отношение 2015 г. к 2019 г., %
Всего родившихся, чел.	485 296	462 138	420 780	399 113	365 737	76
Всего умерших, чел.	546 650	536 071	515 890	511 207	496 657	91
Естественный прирост населения, чел.	- 61 354	-73 933	- 95 110	- 112 094	- 130 920	214

Таблица составлена на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (<http://permstat.gks.ru>)

Таблица 3– Динамика среднемесячной заработной платы на одного работника, рублей

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017г.	2018 г.	2019 г.	Отношение 2015 г. к 2019 г., %
Среднемесячная заработная плата в России	34030	36709	39167	43724	47468	140
Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве	21600	22915	25671	28699	28400	132
По отношению к средней, %	64	63	66	66	60	94

Таблица составлена на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (<http://permstat.gks.ru>)

По данным Росстата, зарплата в сельском хозяйстве на протяжении последних лет намного меньше средней по России. Это свидетельствует о том, что агробизнес не предлагает конкурентную зарплату своим работникам [7].

Но и здесь есть положительная тенденция: за последние 5 лет зарплата сельхозпроизводителей выросла на 6 тысяч 800 рублей. Однако даже с учетом перспектив развития уровень средней заработной платы сельского населения не превысит текущего уровня средней заработной платы занятых в экономике (табл. 3).

Сельские населенные пункты охватывают большую часть территории России. В них располагается 140 тысяч населенных пунктов. На этой территории проживает более 37 миллионов человек, что составляет 26 % от всей численности населения Российской Федерации [2].

Надо признать, что проблемы, мешающие развивать сельские территории, способствуют ежегодному оттоку населения в города [4].

Следует отметить, что именно численность населения является бюджетообразующим показателем в регионах и муниципальных образованиях. От этого показателя зависит объем финансирования муниципального образования, выделенный из федерального бюджета на исполнение полномочий.

Данный показатель оказывает влияние на распределение средств бюджета на софинансирование мероприятий по развитию общественной инфраструктуры регионального и муниципального значения, развитие дошкольных учреждений, общеобразовательных учреждений, учреждений здравоохранения и объектов инженерной инфраструктуры. При этом учитываются различия в структуре населения, географические, климатические, социально-

экономические условия, которые оказывают влияние на стоимость предоставленной муниципальной услуги в расчете на одного жителя.

Большая часть показателей оценки исполнения федеральной программы развития системы образования рассчитывается с учетом числа проживающего населения на территории. В сфере культуры так же используется подушевое распределение финансовых средств. Подушевые нормативы используются при расчете финансирования медицинской помощи.

От показателя численности населения зависит распределение дотационных средств на выравнивание бюджета. Вместе с тем при расчете индекса расходов бюджета используется показатель «Доля населения, проживающего в мелких населенных пунктах».

С оттоком сельских жителей уменьшается финансирование на развитие села. Недостаточное финансовое обеспечение местных бюджетов препятствует муниципалитетам в полном объеме решать вопросы местного значения (содержание школ, больниц, муниципального жилья, жилищно-коммунального хозяйства, дорог, транспортных услуг). Экономически не целесообразно строить современные здания и дороги, развивать социальную инфраструктуру в малолюдных населенных пунктах. В результате чего происходит уменьшение числа сел и деревень.

На основании мониторинга о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации за 2019 год в России стало меньше на 531 муниципалитет [1].

В результате отрицательной динамики мы наблюдаем тенденцию уменьшения численности муниципальных образований (-1582), прежде всего – сельских поселений (-1374), а также увеличения числа городских округов (+71) (Таблица 4).

Таблица 4 – Динамика изменения количества муниципальных образований в России в разбивке по видам на 1 января

Количество муниципальных образований, единиц	2016 г.	2017 г.	2018г.	2019 г.	2020 г.	Отношение 2016 г. к 2020 г., %
Муниципальных районов	1787	1784	1759	1731	1667	94
Городских поселений	1590	1586	1539	1488	1392	88
Сельских поселений	18174	18105	17756	17331	16800	93
Городских округов	561	565	588	613	632	113
Городских округов с делением	3	3	3	3	3	100
Внутригородских районов	19	19	19	19	19	100
Внутригородских муниципальных образований	267	267	267	267	267	100
Муниципальных округов	0	0	0	0	39	*
всего	22401	22329	21931	21452	20819	93

Таблица составлена на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (<http://permstat.gks.ru>)

Вместе с тем необходимо отметить, что объединительные процессы происходят лишь в небольшой части субъектов Российской Федерации.

Так же на развитие сельских территорий влияет региональная специфика. Регионы, где преобладает сельскохозяйственное производство, чаще всего бывают дотационными и не имеют достаточных для развития села финансовых средств [10].

Важен для развития аграрных регионов и природно-климатический фактор. От наличия земельных ресурсов, сырьевой базы, условий для развития бизнеса зависит инвестиционная привлекательность региона, развитие территории, обеспечение продовольственной безопасности страны.

Недостаточная защищенность сельского жителя в социальной сфере, низкая заработная плата, небольшие пенсии, отсутствие работы, частое употребление алкоголя усугубляют проблемы развития села. Количество сельских жителей, способных работать, сократилось за пять лет на 1,4 млн. человек, при этом доля трудоспособного населения к 2019 году составляет лишь 53 %, из них 33,8 % работали за пределами своего субъекта. К тому же сокращение сельского населения сопровождается есте-

ственной убылью (с - 61,3 тыс. человек в 2015 году до – 130,9 тыс. человек в 2019 году). Растет миграционный отток сельского населения трудоспособного возраста. Все это влияет на обеспеченность сельских территорий таким первостепенным фактором, как трудовой ресурс. По данным Росстата на треть отток трудовых ресурсов компенсирует международная миграция. Но в связи с ограничениями из-за угрозы распространения COVID-19 на въезд в страну количество работающих иностранцев уменьшилось. При этом многие из них, прописавшись в сельской местности, зарабатывают деньги в городах. В целом данная ситуация ускоряет процесс старения населения сельских территорий.

Низкая заработная плата в отрасли сельского хозяйства характерна для всей России в целом: в 2019 году она составила 28400 рублей, что составляет 60 % от среднего показателя по стране. А доля сельского населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляет 20 %, а городского – 11,2 %.

По данным Росстата в сравнении с 2019 годом рост безработицы в Российской Федерации составил 24,7 %. В сельских территориях уровень безработицы достиг 8 %, а в городе – 4,3 % [1].

Одним из главных критериев привлечения трудовых ресурсов в сельское хозяйство является обеспечение социально-экономических условий проживания на территории. С этой целью принимаются правовые акты в сфере развития сельских территорий на региональном и федеральном уровнях. Для реализации данных государственных программ закладываются соответствующие объемы финансирования, которые с каждым годом растут.

Одной из основных целей данных программ является развитие сельских территорий, а задачами – развитие кадрового потенциала, решение вопросов социальной сферы, инфраструктуры, повышение престижа сельскохозяйственной отрасли.

Однако, не смотря на государственную поддержку сельских территорий, кардинально изменить условия проживания населения в сельской местности не удалось. Глава Минсельхоза Дмитрий Патрушев на совещании о текущем состоянии дел в сфере развития негородских территорий говорил о том, что более 67 % жилищного фонда в сельской местности не оборудовано всеми видами благоустройства, а в городе – ниже 21% [3].

С 2020 года начала работать федеральная программа «Комплексное развитие сельских территорий», согласно которой бюджетные средства распределяются на сельские территории, в которых осуществляются инвестиционные проекты в агропромышленном комплексе, с привлечением дополнительного финансирования за счет внебюджетных источников, создаются новые рабочие места. А населенные пункты, в которых высокий уровень безработицы, низкие заработные платы у населения и нет сельскохозяйственного производства, не могут привлекать средства из других бюджетов.

Мы считаем, что все вышеперечисленные факторы указывают на то, что современное развитие сельских территорий сопровождается множеством противоречий. А большинство факторов, определяющих развитие сельских территорий, сегодня имеют негативное воздействие. Опасаемся, что дальнейшее развитие описанных выше негативных явлений и процессов может уже в ближайшем будущем привести к потере деревень. Поэтому считаем необходимым принятие государственных мер, которые будут направлены на рост аграрной экономики, повышение уровня и качества жизни населения, понижение уровня бедности сельских жителей, поднятие нового, положительного имиджа сельской жизни.

Разработку стратегии развития сельских территорий рекомендуем осуществлять согласно следующим направлениям развития:

– экономические (ресурсы, инвестиции, бюджетно – налоговый потенциал, конкурентные преимущества, диверсификация сельской экономики, механизмы развития, занятость населения);

– социально - демографические (социальная и инженерная инфраструктура, услуги образования, здравоохранения, культуры и спорта, формирование положительного имиджа жизни на селе);

– административные (поддержка местных инициатив, эффективность управления муниципальным имуществом, эффективность расходов муниципальных образований, согласованность интересов федерального и регионального уровней с учетом особенностей сельских территорий).

Если средства территориям будут распределяться пропорционально числу жителей, муниципалитетам представится возможность выбора инициативных проектов, исходя из нужд населения. Смогут решиться такие вопросы как: доступ к интернету, освещение улиц, установка электро-, водо-, газоснабжения.

Стоит заметить, что большое влияние на развитие территории оказывает отрасль, которая там преобладает. В настоящее время все чаще на развитие села оказывает влияние агротуризм.

Привлечение временных жителей из городов: туристов, дачников (на летний сезон или выходной день) позволит притянуть дополнительные денежные средства на развитие территории. Агротуризм окажет содействие в обеспечении экономической и демографической стабильности на селе и может стать эффективным инструментом перспективного развития сельской местности.

К тому же пандемия заставила часть жителей мегаполисов задуматься о переезде на новое место жительства в территории с меньшей плотностью населения. Многие сотрудники перешли на удаленный режим работы, в связи с чем возникли проблемы создания дополнительных зон в небольших квартирах (создание рабочего места, условий для занятия спортом). Большую популярность среди горожан обрели частные дома и дачные участки. Малые города и сельские населенные пункты стали перспективными способами защиты от больших скоплений людей. Надеемся, что предпочтение проживания городского населения в сельской местности позволит уменьшить высокую плотность населения мегаполисов и ускорить соци-

ально-экономическое развитие сельских территорий.

Литература

1. Мониторинг о развитии системы местного самоуправления в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogosamoupravleniya> (дата обращения: 18.01.2021).
2. Официальная статистика. Население. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 01.02.2018).
3. Панов П. Повысить экономический рост деревни должна госпрограмма комплексного развития таких территорий. // Известия. Ежедневная общественно-политическая газета. 29.01.2019. URL: <https://iz.ru/839468/pavel-panov/trudovaia-poruka-dlia-snizheniia-bezroboticy-na-sele-nado-200-mlrd-rublei> (дата обращения: 28.01.2021).
4. Parry M., Rosenzweig, C., Iglesias, A., et al. (1999). Climate change and world food security: a new assessment. *Global Environmental Change*, 9, S51-S67. doi: 10.1016/S0959-3780(99)00018-7 (дата обращения 02.01.2021).
5. Светлаков А. Г., Олесюк О. С. Социальная напряженность на не городских территориях как фактор влияния на развитие аграрного сектора экономики // Научное обозрение. 2019. № 3-4. С. 49-58. doi: 10.26653/2076-4650-2019-3-4-04 .
6. Статистика России и мира – информация и показатели. URL: <https://rosinfostat.ru/> (дата обращения: 28.01.2021).
7. Статистика. URL: <http://old.gks.ru/> (дата обращения: 28.01.2021).
8. Шумакова О. В., Косенчук О. В. Развитие сельских территорий: тенденции, ключевые проблемы и направления развития // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10-3. С. 668-672.
9. Яркова Т. М. Современные технологии развития сельских территорий в России и за рубежом // *Креативная экономика*. 2021. № 2. doi: 10.18334/ce.15.2.111607.
10. Стомба Е. В., Лукьянова М. Т., Ковшов В. А. Форсайт-прогнозирование устойчивого развития сельских территорий региона (на примере Республики Башкортостан) // *Управление устойчивым развитием*. 2020. №1. С. 17-24.

Сведения об авторах:

©**Дуленинских Людмила Николаевна** – кандидат сельскохозяйственных наук, соискатель, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени Д. Н. Прянишникова, e-mail: dulenskih.liudmila@yandex.ru.

©**Светлаков Андрей Геннадьевич** – доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени Д. Н. Прянишникова, Пермь, e-mail: sag08perm@mail.ru.

Information about the authors:

©**Dulenskih Lyudmila Nikolaevna** – Ph.D. of Agricultural Sciences of the Perm state agricultural technology University named after D. N. Pryanishnikov, e-mail: dulenskih.liudmila@yandex.ru.

©**Svetlakov Andrey Gennadievich** – doctor of Economics, Professor of the Perm state agricultural technology University named after D. N. Pryanishnikov, e-mail: sag08perm@mail.ru.

УДК 338

Э. Я. Вафин, С. В. Киселев

**ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ И
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ НА ПЕРИОД ДО 2035 ГОДА**

Ключевые слова: прогноз, моделирование, методики долгосрочного прогнозирования, устойчивость региональной пенсионной системы, базовые показатели, социально-экономическое развитие региона

В статье авторы приводят прогнозную модель поддержания устойчивости региональных систем пенсионного обеспечения в условиях современных макроэкономических и демографических вызовов, и принятия адекватных им управленческих решений. Модель базируется на моделировании динамики трех основных показателей в качестве целевых ориентиров в определенных интервальных ограничениях – индекса потребительских цен, реальной заработной плате и доли фонда заработной платы в валовом внутреннем продукте, которые определены в качестве таковых Министерством экономического развития России. В результате моделирования авторы приходят к выводу, что прогнозируется дальнейший рост валового регионального продукта, динамика роста величины фонда заработной платы прогнозируется относительно более низкими темпами по сравнению с темпами роста валового регионального продукта, увеличение прожиточного минимума пенсионера будет происходить значительно более низкими темпами в сравнении с ростом среднемесячной заработной платы, динамика среднемесячной заработной платы будет существенно опережать прогнозируемую динамику индекса потребительских цен, что приведет к замедлению темпов роста инфляции, в итоге тенденция к росту численности наемных работников будет в значительной степени способствовать снижению нагрузки пенсионной системы на население республики, занятое в экономике, и укреплению финансовой устойчивости региональной пенсионной системы.

E. Ya. Vafin, S. V. Kiselev

**FORECASTING THE SUSTAINABILITY OF THE PENSION PROVISION IN THE REPUBLIC OF
TATARSTAN UNDER CONDITIONS OF MODERN MACROECONOMIC AND DEMOGRAPHIC
CHALLENGES FOR THE PERIOD UP TO 2035**

Key words: forecast, modeling, methods of long-term forecasting, stability of the regional pension system, basic indicators, socio-economic development of the region

In the article, the authors provide a predictive model for maintaining the stability of regional pension systems in the face of modern macroeconomic and demographic challenges, and making management decisions adequate to them. The model is based on modeling the dynamics of three main indicators as targets in certain interval constraints - the consumer price index, real wages and the share of the wage fund in the gross domestic product, which are defined as such by the Ministry of Economic Development of Russia. As a result of the modeling, the authors come to the conclusion that further growth of the gross regional product is predicted, the dynamics of growth in the size of the wage fund is predicted to be relatively slower than the growth rate of the gross regional product, the increase in the subsistence minimum of a pensioner will occur at a much lower rate in comparison with the growth average monthly salary, the dynamics of the average monthly wage will significantly outstrip the projected dynamics of the consumer price index, which will lead to a slowdown in the rate of inflation, as a result, the trend towards an increase in the number of employees will significantly reduce the burden of the pension system on the population of the republic employed in the economy and strengthen financial stability regional pension system.

В экономической литературе под понятием «устойчивости» понимают способность системы при воздействии на нее разнонаправленных факторов внешней среды способность

возвращаться в первоначальное положение. Это классическое определение «устойчивости» всецело применимо к системе пенсионного обеспечения, как способность этой системы при

воздействии на нее целого ряда разнонаправленных факторов, как то изменение демографической ситуации, рост доли нетрудоспособного населения и сокращение численности экономически активного населения, рост продолжительности жизни населения, изменение половозрастной структуры населения, рост безработицы, увеличение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, увеличение тарифов страховых взносов на пенсионное обеспечение и многое другое, возвращаться в первоначальное состояние при сохранении базовых своих экономических параметров, под которыми понимаем способность пенсионной системы выполнять возложенные на нее функции.

Проблема формирования и поддержания устойчивости пенсионной системы достаточно глубоко изучается на протяжении многих лет такими ведущими зарубежными учеными как J. Gonnот, N. Keilman, C. Prin, D. Weil, T. Siems, M. Tanner, J. Rodriguez, A. Randazzo, L. Gilroy, D. Takash, A. Randazzo, A. Niraula, Z. Christensen, A. Jousten, P. Belan, P. Pestieau, S. Blöndal, S. Scarpetta, A. Börsch-Supan, T. Boeri, G. Tabellini, G. Burtless, J. Cocco, P. Lopes, C. Coile, P. Diamond, J. Gruber, J. Mirrlees, E. Engen, W. Gale, A. Gustman, T. Steinmeier, R. Holzmann, R. Palacios, A. Zviniene, J. Yermo, M. Santoro, E. Arbatli, C. Feher, J. Ree, I. Saito, M. Soto, D. Park, B. Clements, A. Börsch-Supan, S. Edwards, J. Aubry, C. Crawford и отечественными исследователями этой сфер как Агапцов С.А., Бабошкин А.В., Борисенко Н.О., Вигдорчик Н.А., Грищенко Н.Б., Дегтярев Г.П., Дологов В.А., Ермаков Д.Н., Колесник А.П., Меньшикова О.И., Парамонова С.В., Роик В.Д., Соловьев А.К., Федотов Д.Ю. и многие другие. Их исследования легли в основу современного понимания и восприятия на всех уровнях государственной власти и бизнеса категории устойчивости пенсионной системы как государственной гарантии сохранности средств страховых взносов в специальном государственном пенсионном фонде и необходимые трансферты из федерального бюджета в целях выполнения этим фондом своих социальных обязательств. Механизмом достижения и сохранения устойчивости пенсионной системы являются ее принципы, которые как базовые характеристики для всех экономических систем сформулированы Д. А. Новыковым [1]. Применительно к системе пенсионного обеспечения нами были выделены и сформулированы специфические принципы и свойства современной системы пенсионного обеспечения России, к которым мы относим принципы иерархии, унификации, целенаправленности, доступности, экономической эффективности, ответственности, невме-

шательства, общественно-государственного управления, полноты и оптимальности, регламентации управленческой деятельности, обратной связи, адекватности (восприимчивости) управляемой системой, оперативности, опережающего отражения, адаптивности и рациональной централизации, демократического управления и неразрывного единства процессов формирования и реализации пенсионных прав, а также участия государства в системе пенсионирования в форме финансирования пенсий.

Исходя из сформулированного подхода к пониманию устойчивости системы пенсионного обеспечения было проведено прогнозирование устойчивости системы пенсионного обеспечения Республики Татарстан в условиях современных макроэкономических и демографических вызовов на период до 2035 года

Прогнозирование основных социально-экономических показателей развития Республики Татарстан производилось на основании разработанных Департаментом актуарных расчетов и стратегического планирования Пенсионного фонда России методик и моделей, в частности методики демографического прогнозирования [2]. Основная цель построения данных прогнозных моделей заключается в поддержании устойчивости региональных систем пенсионного обеспечения в условиях современных макроэкономических и демографических вызовов, и принятии адекватных им управленческих решений. Как показано в представленной прогнозной модели все основные макроэкономические показатели в конечном итоге интегрируют итоговый прогноз численности наемных работников в регионе, что является базовым условием формирования устойчивой пенсионной модели.

Применение методики долгосрочного прогнозирования макроэкономических показателей базировалось на моделировании динамики трех основных показателей в качестве целевых ориентиров в определенных интервальных ограничениях – индекса потребительских цен (ИПЦ), реальной заработной плате (РЗП) и доли фонда заработной платы в валовом внутреннем продукте (ВВП), которые определены в качестве таковых Министерством экономического развития России.

Прогнозные параметры показателей социально-экономического развития Республики Татарстан базировались на фактических данных за 2019 г. Анализ показал, что экономика Татарстана, в целом, развивалась в соответствии с общероссийскими тенденциями. По основным макроэкономическим показателям Рес-

публика Татарстан традиционно входит в число регионов-лидеров Российской Федерации. По объему валового регионального продукта (ВРП) республика занимает 6 место среди субъектов Российской Федерации. Доля республики в экономике страны составляла в объеме ВВП России – 2,9%; в объеме промышленности – 4,1%; в объеме продукции сельского хозяйства – 4,2 %, в обороте розничной торговли – 3,3 %, в объеме инвестиций – 3,3 %; в объеме строительных работ – 4,0 % [3].

По итогам 2019 года объем ВРП составил 2584,3 млрд. рублей и увеличился на 1,0 % в сопоставимых ценах к уровню 2018 года. Основной вклад в прирост экономики региона внесли промышленное производство и сельское хозяйство. При этом доля малого и среднего бизнеса в ВРП Республики Татарстан в 2019 году составила 26 % [3].

По объему произведенной продукции в отраслевом разрезе республика занимает по сельскому хозяйству – 4 место, промышленному производству, строительству и вводу жилья – 5 место, инвестициям в основной капитал – 6 место, обороту розничной торговли – 7 место. В Приволжском федеральном округе по этим показателям Татарстан занимает первые места.

Индекс промышленного производства в 2019 году составил 102,4 процента к уровню 2018 года.

Рост потребительских цен с начала года (декабрь 2019 года к декабрю 2018 года) составил 102,9 %, в том числе на продовольственные товары – 102,5 %, непродовольственные – 102,5 %, услуги – 103,8 %.

В течение 2019 г. в республике наблюдалась тенденция роста основных показателей, характеризующих уровень жизни населения. Средняя начисленная заработная плата работающих на предприятиях и в организациях республики, включая субъекты малого предпринимательства, в 2019 году составила 37 442,3 рубля и увеличилась по сравнению с уровнем 2018 года на 6,2 %. Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен на товары и услуги, за анализируемый период увеличилась только на 2,0 %.

По размеру среднемесячной заработной платы Татарстан за 2019 год в рейтинге среди регионов Приволжского федерального округа занимает 2 место, уступая только Пермскому краю, а по России - 36 место. При этом уровень зарегистрированной безработицы (на конец декабря 2019 года) составил 3,3%, что ниже показателя по России в целом, величина которого составляла 4,6%.

В Республике Татарстан продолжают успешно функционировать инвестиционные

площадки, направленные на создание условий для ускоренного развития отдельных территорий и преференциальных условий ведения предпринимательской деятельности, возможность функционирования которых предусматривается федеральным законодательством. К таким территориям относится крупнейшая особая экономическая зона промышленно-производственного типа России – ОЭЗ «Алабуга», а также ОЭЗ технико-внедренческого типа «Иннополис» [3].

Среди основных стратегических задач социально-экономического развития республики на перспективный период, сформированных Министерством экономики Республики Татарстан, необходимо выделить [4]:

- развитие и улучшение инвестиционного климата;
- усиление инновационной активности;
- развитие малого и среднего предпринимательства;
- комплексное развитие муниципальных образований;
- повышение качества государственного управления.

Базируясь на итогах социально-экономического развития Татарстана в 2018-2019 годы была построена прогнозная модель базовых макроэкономических параметров развития региона. Актуарный прогноз макроэкономических показателей Республики Татарстан на период до 2035 г. рассчитан с помощью макроэкономической модели, использующей метод индексов сезонности прогнозирования индекса потребительских цен, при котором за основу принимается типичная динамика годовых показателей за исключением нестандартных, кризисных лет и лет с нестандартной сезонностью.

Сценарные условия прогноза построены на предположениях, что кредитно-денежная политика Центрального банка России сохранит направленность на снижение уровня инфляции, а курс национальной валюты России останется стабильным до конца прогнозного периода. Кроме того, важнейшим условием моделирования является постоянство законодательства, регламентирующего состав продуктов и услуг, стоимость которых включена в расчет величины прожиточного минимума пенсионера, а также неизменность зафиксированного на сегодняшний день пенсионного и трудового законодательства, регламентирующего возраст выхода на пенсию [5].

Прогнозирование макроэкономических показателей Республики Татарстан осуществлялось на основании прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период, разработанных Ми-

нистерством экономического развития России [7] и среднесрочный прогноз Министерства экономики Республики Татарстан [6], а также данных Росстата.

При прогнозировании, среди прочих, были приняты следующие допущения:

- индекс потребительских цен снизится до значения 102,1% к 2030 г., что соответствует прогнозом Министерства экономического развития России и останется на данном уровне до конца прогнозного периода;

- динамика уровня реальной заработной платы будет варьироваться в пределах 102-103% на протяжении всего прогнозного периода;

- соотношение фонда заработной платы к ВРП на период 2024-2035 гг. сохранится на уровне 22,5%, соответствующему 2023 г. - последнему году прогноза Министерства экономики Республики Татарстан.

При расчете макроэкономического прогноза основных показателей как целевых ориентиров, указанных выше, в качестве исходных данных использовались следующие показатели социально-экономического развития, представленные Министерством экономики Республики Татарстан:

- объем ВРП в фактических ценах;
- индекс-дефлятор ВРП;
- величина фонда заработной платы;
- номинальная среднемесячная заработная плата;
- реальная заработная плата;
- индекс потребительских цен (декабрь к декабрю);
- инфляция - в среднем за год;
- численность экономически активного населения (среднегодовая);

- прожиточный минимум пенсионера;
- уровень общей безработицы к экономически активному населению и другие.

Исходные макроэкономические показатели за период 2018-2023 гг., полученные из Министерства экономики Республики Татарстан, представляют собой отчетные данные (2018-2019 гг.), оценку (2020 г.) и краткосрочный прогноз на 2021-2023 гг. В качестве исходных данных для расчета численности наемных работников и для моделирования численности получателей страховых пенсий использован высокий вариант демографического прогноза населения республики, разработанный Росстатом [7], который ориентируется на положительные изменения в миграционном и естественном движении населения за счет увеличения суммарного коэффициента рождаемости и роста ожидаемой продолжительности жизни. Необходимо отметить, что в качестве методики демографического прогнозирования был использован метод главных компонент, или «передвижки возрастов».

Макроэкономические показатели развития региона были смоделированы, начиная с 2024 г., а период 2019-2023 гг. соответствует показателям прогноза Министерства экономики Республики Татарстан.

Анализ итоговых макроэкономических показателей, полученных в результате прогнозирования к концу рассматриваемого периода, проведен в сравнении с соответствующими отчетными данными состояния экономики региона за 2018 г.

С учетом сценарных условий и принятых допущений в результате прогнозирования были получены следующие результаты.

Рис. 1 – Прогнозируемая динамика объемов ВРП и фонда заработной платы

в Республике Татарстан на период с 2018 по 2035 годы

К концу рассматриваемого периода объем ВРП вырастет на 3181 млрд. руб. или на 128,8 %, по сравнению с показателем за 2018 г. (рис.1). Если начало периода (2018 – 2019 гг.) характеризуется положительными значениями темпа прироста ВРП (15,4 % и 4,7 %, соответственно), то в 2020 г. отмечается его спад на 7,6%, что обусловлено экономическими потерями региона от пандемии. Начиная с 2021 г., прогнозируется ежегодный положительный прирост ВРП в пределах от 10,2 % до 8,2 % к 2023 г. В результате проведенного макроэкономического моделирования с 2024 г. отмечается ежегодное снижение данного показателя от значения 6,3 % до 4,7 % к 2035 г.

Фонд заработной платы увеличится с 544 млрд. руб. в 2018 г. до 1274 млрд. руб. в 2035 г. или на 730 млрд. руб., что составит 134,2 %.

При этом доля фонда оплаты труда в ВРП региона, составлявшая 0,22 в 2018 г., начиная с 2024 г. останется неизменной до конца прогнозного периода – на уровне значения 0,23, в соответствии с принятыми допущениями.

Среднемесячная заработная плата в номинальных ценах увеличится с 35 172 руб. в 2018 г. до 81918 руб. в 2035 г. или на 46746 руб., что составит рост на 132,9 %.

Рис. 2 – Прогноз динамики номинальной среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума пенсионера в Республике Татарстан в период с 2018 по 2035 годы

Одновременно будет происходить и рост прожиточного минимума пенсионера, который увеличится с 7128 руб. в 2018 г. до 11817 руб. в 2035 г., на 6 237 руб. или на 87,5%. Прогноз динамики номинальной среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума пенсионера в Республике Татарстан в период с 2018 по 2035 годы представлен на рис. 2.

Анализ показал, что соотношение прожиточного минимума пенсионера и номинальной начисленной среднемесячной зарплаты, составлявшее в 2018 г. 20 %, снизится к концу

прогнозируемого периода до 14,4 %, или на 5,6 п.п. При этом отношение реального прожиточного минимума пенсионера к реальной среднемесячной заработной плате на период 2024-2035 гг. сохранится на уровне 97,4 %, что предусмотрено сценарными допущениями.

Необходимо пояснить, что отношение реального прожиточного минимума пенсионера к реальной среднемесячной заработной плате на период 2024-2035 гг. на уровне 97,4 % является актуарным допущением, рекомендованным Департаментом актуарных расчетов и

стратегического планирования на основании прогноза Министерства экономического развития России. Прожиточный минимум пенсионеров устанавливается в соответствии со среднесрочным прогнозом Министерства экономического развития России на отчетный и плановый период, зависит от ИПЦ в среднем за год, а также от потребительской корзины, предусматривающей приближение объемов потребления продуктов к нормам здорового питания.

Прогнозируемые темпы изменения индекса потребительских цен в сопоставлении с темпами роста среднемесячной заработной платы представлены на рис. 3. Как показал анализ фактических данных и данных оценки за период 2018-2020 гг. темп роста заработной платы имел тенденцию к снижению – от 108,8 % (в 2018 г.) до 99,5 % (в 2020 г.). В последующем периоде, согласно прогнозу Министерства экономики Республики Татарстан, прогнозируется повышение данного показателя до своего максимального значения 107,1 % в 2022 г., с последующим спадом до значения 104,3 % в 2035 г. В целом, по сравнению с началом рассматриваемого периода, темп роста заработной платы к концу прогнозного периода снизится на 4,5 п.п.

Описанные выше колебания темпа роста среднемесячной заработной платы происходят при росте индекса потребительских цен от 102,5 % в 2018 г. до 104,1 % в 2019 г. После кратковременного снижения в 2020 г. показателя инфляции до значения 102,9 %, наблюдается его рост до 104,0 % к 2023 г. Начиная с 2024 г., согласно сценарным условиям, будет происходить снижение темпа роста индекса потребительских цен и его стабилизация на уровне 102,1 %.

Из диаграммы, приведенной на рис. 3, видно, что оба показателя: и темп роста индекса потребительских цен, и темп роста среднемесячной заработной платы имеют тенденцию снижения к концу рассматриваемого периода, тем не менее, необходимо отметить, что при этом ежегодные темпы роста заработной платы превышают среднегодовые значения инфляции.

В результате полученных прогнозных данных вышеперечисленных показателей была построена модель динамики численности наемных работников, которая является базовой моделью при формировании устойчивой региональной системы пенсионного обеспечения.

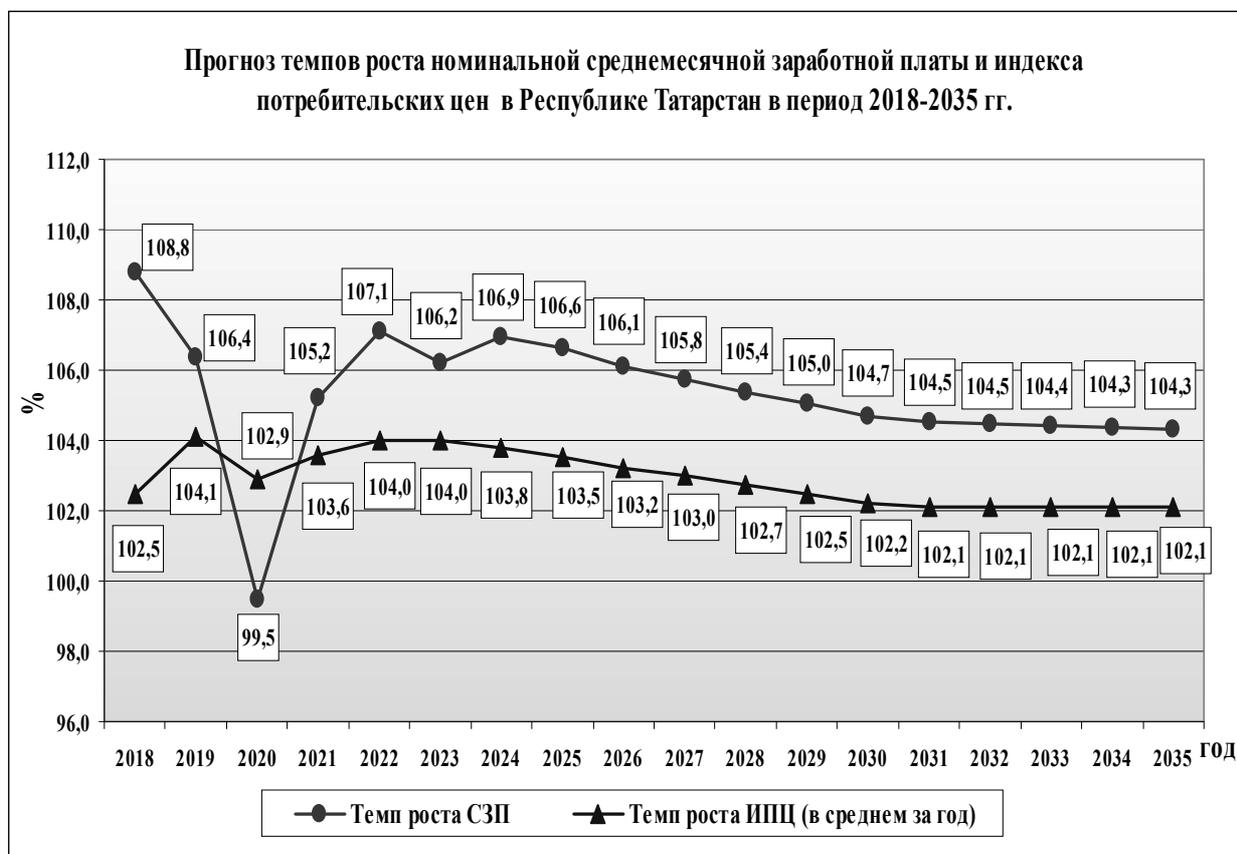

Рис. 3 – Прогноз динамики индекса потребительских цен и номинальной начисленной среднемесячной заработной платы в Республике Татарстан в период с 2018 по 2035 годы

Так, на фоне растущего населения Республики Татарстан в перспективном периоде,

что было заложено при демографическом моделировании согласно высокому сценарию

прогноза численности населения, отмечается некоторая стабилизация с незначительными колебаниями численности наемных работников (рис. 4). Так, согласно прогнозу, по сравнению с 2018 г., прогнозируемая численность наемных работников к 2035 г. увеличится всего на 8 тыс. чел., или на 0,6 %. Незначительные волнообразные колебания в численности наемных ра-

ботников в период до 2028 г. связаны со ступенчатым повышением трудоспособного возраста и передвижкой однолетних возрастных групп населения во времени в процессе моделирования. И только начиная с 2031 г. в категории наемных работников прогнозируется тенденция к их количественному росту.

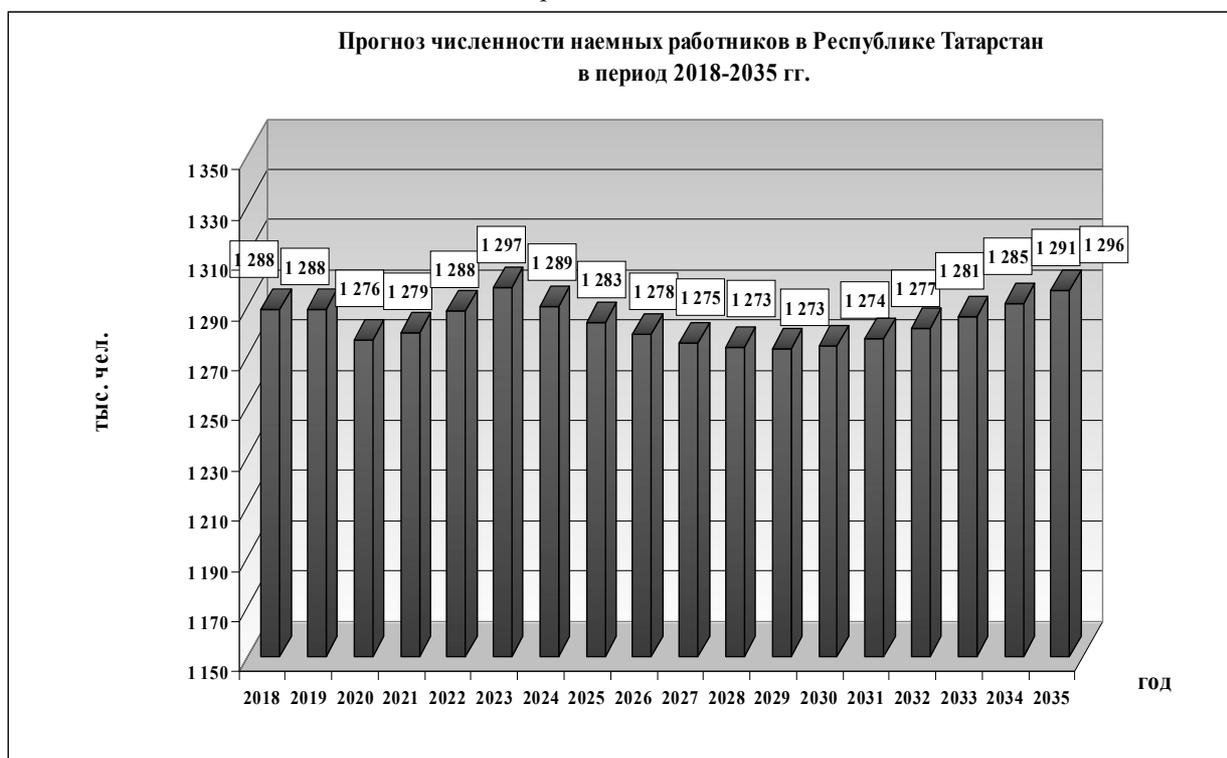

Рис. 4 – Прогноз численности наемных работников в Республике Татарстан в период с 2018 по 2035 годы

Анализ полученных при прогнозировании результатов на период до 2035 г., проведенный в сопоставлении с отчетными данными за 2018 г., позволяет сделать выводы, что экономика Республики Татарстан будет развиваться в соответствии с общероссийскими тенденциями, при этом:

- прогнозируется дальнейший рост валового регионального продукта, характеризующийся в начале прогнозного периода более высокими темпами прироста и их колебаниями, и с последующим снижением темпа прироста в перспективном периоде, начиная с 2024 г.;

- динамика роста величины фонда заработной платы прогнозируется относительно более низкими темпами по сравнению с темпами роста валового регионального продукта, что отвечает общероссийским тенденциями и закономерностям;

- прогнозируется рост средней месячной заработной платы и прожиточного мини-

ума пенсионера, при этом увеличение прожиточного минимума пенсионера будет происходить значительно более низкими темпами в сравнении с ростом среднемесячной заработной платы, что отрицательно скажется на ряде других показателей уровня жизни пенсионеров;

- прогнозная динамика среднемесячной заработной платы будет существенно опережать прогнозируемую динамику индекса потребительских цен, что приведет к замедлению темпов роста инфляции;

- прогнозируется к концу периода стабилизация численности наемных работников и выраженную тенденцию к их количественному росту, что можно рассматривать как значимый макроэкономический положительный фактор, в значительной степени способствующий снижению нагрузки пенсионной системы на население республики, занятое в экономике, и укреплению финансовой устойчивости региональной пенсионной системы.

Литература

1. Новиков Д. А. Методология управления. М.: Либроком, 2011. 128 с.
2. Вафин Э. Я. Актуарное сопровождение совершенствования пенсионной системы Республики Татарстан. Издательство Казанского университета. Казань. 2011. 218 с.
3. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://tatstat.gks.ru> (дата обращения 09.06.2021).
4. Об итогах деятельности Министерства экономики Республики Татарстан за 2019 год и задачах на 2020 год и на период до 2024 года. URL: <https://mert.tatarstan.ru> (дата обращения 19.06.2021).
5. Нуртдинов Р. М., Нуртдинов А. Р. Анализ экономического роста России: количественные и качественные аспекты // Управление устойчивым развитием. 2018. №5. С. 19-25.
6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/ (дата обращения 19.06.2021).
7. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года (статистический бюллетень). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285> (дата обращения 19.06.2021).

Сведения об авторах:

©**Вафин Эдуард Яфасович** – управляющий Отделением Пенсионного фонда России по Республике Татарстан, кандидат экономических наук, доцент, e-mail: hse-kstu@mail.ru.

©**Киселев Сергей Владимирович** – доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы экономики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, e-mail: ksv1002@mail.ru.

Information about the authors:

©**Vafin Edward Jafasovich** – Manager of the Pension Fund of Russia in the Republic of Tatarstan, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor, e-mail: hse-kstu@mail.ru.

©**Kiselyov Sergey Vladimirovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Russian higher school of Economics in the Kazan State Technological University, e-mail: ksv1002@mail.ru.

УДК 338.45

А. А. Трутнева, Г. Ф. Мингалеев, М. Ф. Сафаргалиев

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОНИТОРИНГА СЕТЕВЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Ключевые слова: производство, сеть, мониторинг, функции, инновации, проблемы, процессы, ресурсы, кооперация, эффекты

Цель данной статьи заключается в изучении форм организации и анализе существующих экономических эффектов мониторинга производственной ситуации на промышленных предприятиях, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей. В работе выделяются современные тенденции организации производства с учетом развития относительно новых форм ситуационного управления с применением информационных технологий, а также ускорением процессов обработки информационных ресурсов, сокращения производственных затрат, роста производительности. Авторами проводится обзор отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных вопросам ситуационного управления производственными процессами. В статье выделяются и характеризуются детерминанты мониторинга сетевых производственных процессов для принятия управленческих решений, такие как: увеличение объема материальных и информационных ресурсов, которые проходят в единицу времени через производственные структуры и подразделения; сокращение удельных затрат ресурсов на производство; синхронизация и согласование по объему ресурсов, проходящих в единицу времени через элементы производственных систем; увеличение пропускной способности для протекания расширенных потоков ресурсов; трансформация отрицательных потоков ресурсов в положительные потоки в рамках всей системы управления кооперационного взаимодействия; повышение качества потоков ресурсов; снижение общих затрат на обеспечение функционирования производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, за счет отказа от поддержки неэффективных потоков ресурсов; обеспечение интерактивного контроля за оттоками и притоками ресурсов в производственные системы предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей. Также в статье рассматривается опыт внедрения программно-аппаратного комплекса для мониторинга производственных процессов в рамках реализации мероприятий, направленных на повышение эффективности производства с использованием цифровых технологий на машиностроительном предприятии. Отмечено, что в производственной активности современных российских предприятий важны возможности современных информационных технологий с точки зрения их применения в управлении сетевым взаимодействием, в том числе обмена оперативными данными.

A. A. Trutneva, G. F. Mingaleev, M. F. Safargaliev

ECONOMIC DETERMINANTS OF MONITORING NETWORK PRODUCTION PROCESSES FOR MAKING MANAGEMENT DECISIONS

Key words: production, network, monitoring, functions, innovations, problems, processes, resources, cooperation, effects

The purpose of this article is to study the forms of organization and analyze the existing economic effects of monitoring the production situation at industrial enterprises, united by a network of cooperative and specialized ties. The paper highlights modern trends in the organization of production, taking into account the development of relatively new forms of situational management with the use of information technology, as well as accelerating the processing of information resources, reducing production costs, increasing productivity. The authors conduct a review of domestic and foreign scientific research devoted to the issues of situational management of production processes. The article identifies and characterizes the determinants of monitoring network production processes for making management decisions, such as: an increase in the volume of material and information resources that pass per unit of time through production structures and departments; reduction of unit costs of resources for production; synchronization and coordination in terms of the volume of re-

sources passing per unit of time through the elements of production systems; an increase in the capacity for the extended flows of resources; transformation of negative resource flows into positive flows within the entire management system of cooperative interaction; improving the quality of resource flows; reducing the total costs of ensuring the functioning of production systems of enterprises, enterprises united by a network of cooperative and specialized ties, due to the refusal to support ineffective resource flows; providing interactive control over the outflows and inflows of resources into the production systems of enterprises, enterprises united by a network of cooperative and specialized ties. The article also discusses the experience of introducing a software and hardware complex for monitoring production processes as part of the implementation of measures aimed at improving production efficiency using digital technologies at PJSC KAMAZ. It is noted that in the production activity of modern Russian enterprises, the capabilities of modern information technologies are important from the point of view of their application in the management of network interaction, including the exchange of operational data.

Сегодня мир охвачен множеством противоречий в различных сферах деятельности общества. Это и фундаментальные противостояния общественных систем развития международного характера. Это и всем известные глобальные проблемы цивилизации: проблемы обеспечения продовольствием, экология планеты, пандемии, локальные войны и стихийные бедствия. Высокая скорость информатизации производства и потребления становится фактором сетевизации процессов в производственной и непромышленной сферах. Владение информацией о состоянии производственной системы в режиме реального времени необходимо для того, чтобы обеспечить гибкость и адаптивность системы под быстро меняющиеся запросы потребителей. Производственные тенденции предполагают необходимость более высокой скорости обработки ресурсов, сокращения производственных затрат, роста производительности, ведущей к способу производить «больше с меньшими затратами». Воздействие современных производственных систем и продуктов этих систем на этапе их потребления и утилизации является также фактором развития новых моделей управления на современных предприятиях [9,10]. Так, растущие тарифы на энергию и современный тренд на экологичность поставили новые ограничения на производственные предприятия, которые активно внедряют ресурсосберегающие технологии. Производственные потери, как правило, легче предупредить, чем потеряв, искать способы решения усугубленных проблем. Максимизацию экономической эффективности производственных процессов предлагается осуществлять на основе цифрового мониторинга. Результативные производственные процессы становятся сегодня драйвером развития промышленного предприятия.

Контроль за процессами во всех подсистемах мировой цивилизации и международных отношений в развитых и институционально зрелых сообществах осуществляется в экс-

пертных ситуационных объединениях специалистов смежных отраслей (сфер деятельности).

Значительное количество публикаций посвящено методам построения и функционирования ситуационных структур.

Научная парадигма и концептуальные основы зарубежных Р. Акофф [1], Берталанди [2] и российских Ю. И. Клыков, Д. А. Поспелов, В. Н. Пушкин [4] классиков ситуационного управления демонстрирует широкие возможности применения методов принятия интегрированных решений в экономических системах, одной из важнейшей составляющих которой является производственная [11]. Ретроспектива и современное состояние ситуационных объединений (ситуационных центров) различной иерархии и принадлежности популярно и доступным языком излагается в относительно недавно опубликованной статье П. В. Григорьева «Ситуационные центры: история и современность» [3].

Принятие решений на основе свертки критериев и мнений отдельных экспертов до настоящего времени остается одним из главных признаков действующих ситуационных центров. Вместе с тем, развитие цифровой экономики и систем искусственного интеллекта создают новые предпосылки их трансформации в программно-аппаратные комплексы, способные осуществлять сбор, анализ и обработку информации о текущей и ретроспективной ситуации на предприятии. Сегодня они выступают эффективным инструментом мониторинга и планирования производственных процессов.

Именно в производственной сфере формируются столь необходимые всем материальные блага. Во многом этим обусловлена и цель данного исследования, заключающаяся в изучении форм организации и анализе существующих экономических эффектов мониторинга производственной ситуации на промышленных предприятиях, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей.

В свою очередь, деятельность предприятий, как правило, объединена единой произ-

водственной системой. В связи с этим, представляет интерес изучение данного вопроса в контексте их сетевого взаимодействия.

В производственной активности современной организации важны возможности современных информационных технологий с точки зрения их применения в управлении сетевым взаимодействием, в том числе обмена оперативными данными.

Система управления сетевого производственного ситуационного центра должна обеспечивать взаимодействие всех элементов технического оснащения. Однако, в силу высокой сложности система управления, как правило, требует постоянного присутствия диспетчерского персонала производственных и связанных с ними процессов.

Использование программно-аппаратных устройств на производстве выявляет широкую гамму функциональных возможностей при выполнении стандартных и вновь вносимых (ситуационных) в операционную деятельность этапов, итераций. Например, одной из самых распространенных функций, которая помогает продвигать внедрение ситуационных технологий на производстве, является применение облачных технологий для отправки push-уведомлений о функционировании производственного оборудования напрямую на персональные мобильные смартфоны операторов.

Непосредственное взаимодействие с системой управления производством на основе человеко-машинного общения повышает гибкость, обеспечивает оперативное предоставление критически необходимой информацией заинтересованным лицам в режиме реального времени в любую точку его местонахождения. Вместе с тем, используя системы мониторинга в сетевом формате через Интернет, персонал может использовать собственные и привычные им устройства по принципу BYOD («bring your own device» или «принесенные собственные устройства»). Это снижает требуемое время для обучения персонала и сокращает затраты производственной системы на обеспечение работников техническими средствами мониторинга производственных процессов.

Ввиду того, что активность применения информационных технологий неуклонно возрастает, разработчики мобильных средств управления производствами постоянно находят новые способы сетевой интеграции производственных процессов в цифровой среде [6]. Неспроста широкое распространение получила практика использования программно-аппаратных комплексов (ПАК) для мониторинга ключевых параметров работы производственного оборудования. Использование ПАК

открывает широкие возможности повышения интеллектуализации производств и появления «умных» производств. При появлении какой-либо неисправности в функционировании производственного оборудования предусматривается возможность адресного уведомления сотрудников, в непосредственной зоне ответственности которых находится управление и эффективности данного производственного процесса. Характерной чертой данного решения является возможности человеко-машинного общения – непосредственно с программируемого логического контролера PLC (англ. PLC – programmable logic controller) уведомления направляются на мобильные устройства работников предприятия. В случаях, когда информационная система сама в состоянии устранить проблему, решение производственных проблем осуществляется без участия человека [7].

Создание «умных» производств вполне достижимая задача для многих российских предприятий. Для перехода от концепции к осуществлению цифровых возможностей в реальности необходимо ускорение интеллектуализации производственных технологий [5]. Научное обеспечение измерения трендов и скорость интеллектуализации в настоящее время пока не реализовано в виде конкретного экономико-математического аппарата. Для его создания, по мнению авторов, требуется понимание экономических детерминант мониторинга сетевых производственных процессов и общего представления о том, как на основе мониторинга предусматривается организация принятия обоснованных управленческих решений в режиме реального времени.

Экономические детерминант (рис. 1), обуславливающих необходимость обеспечения мониторинга производственной ситуации на промышленных предприятиях, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, следует отнести следующие: увеличение объема материальных и информационных ресурсов, которые проходят в единицу времени через элементы производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей; сокращение удельных затрат ресурсов на производство продукции предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей; синхронизация и согласование по объему ресурсов, которые проходят в единицу времени через элементы производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей; увеличение пропускной способности производственных систем для протекания расширенных пото-

ков ресурсов; трансформация отрицательных потоков ресурсов в положительные потоки в рамках всей системы управления кооперационного взаимодействия; повышение качества потоков ресурсов, протекающих в рамках предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей; снижение общих затрат на обеспечение функционирования про-

изводственных систем предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей, за счет отказа от поддержки неэффективных потоков ресурсов; обеспечение интерактивного контроля за оттоками и притоками ресурсов в производственные системы предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей.

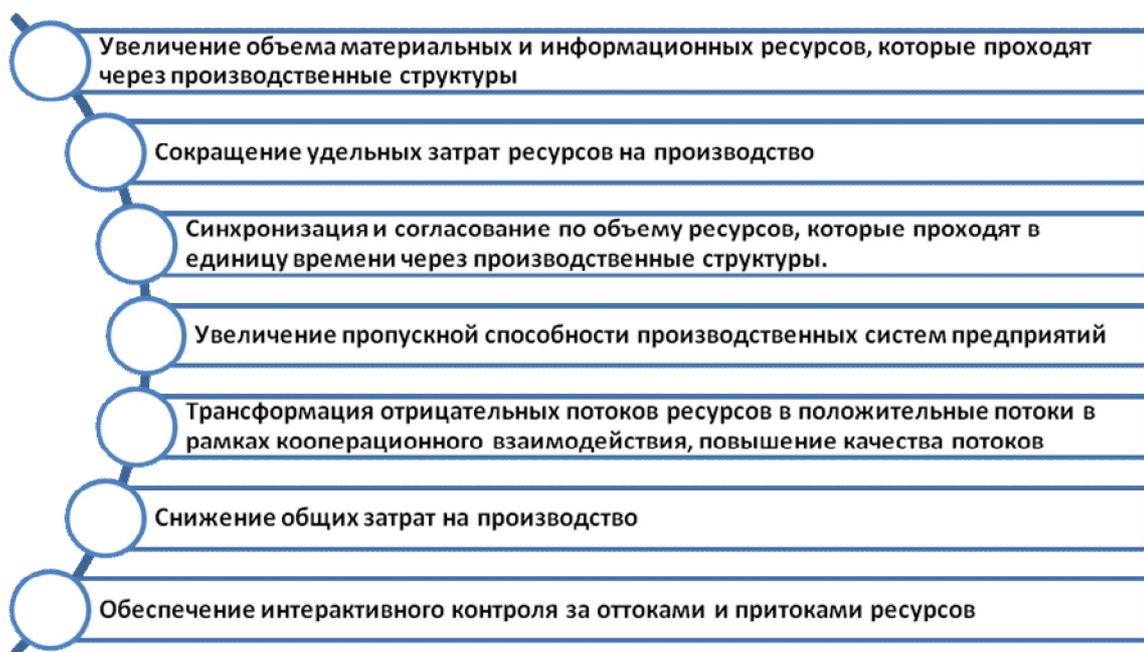

Рис. 1 – Экономические детерминанты, обуславливающие необходимость обеспечения непрерывного мониторинга производственной ситуации на промышленных предприятиях

В свою очередь, увеличение объема материальных и информационных ресурсов, которые проходят в единицу времени через элементы производственных систем предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей такие направления, как:

- увеличение объема материальных и информационных ресурсов, протекающих в производственных системах предприятий, объединённых кооперационными связями;

- рост количества источников материальных и информационных ресурсов, которые поступают в производственные системы предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей.

В качестве примера увеличения количества источников ресурсов, которые вовлекаются в хозяйственный оборот можно привести результаты деятельности группы компаний ПАО «КАМАЗ», в котором реализована цифровая цепочка поставок по системе «Закупки 4.0». Система предусматривает распределённую систему цифрового подбора поставщиков, идентификацию и прослеживаемость материальных ресурсов, умную внутреннюю логистику и умный склад. Важнейший результат цифровиза-

ции поставок – увеличение скорости обработки информации о поставщиках ресурсов, более точные заказы по объемам, срокам и стоимости ресурсов, сокращение количества узких мест на пути прохождения материальных ресурсов, непрерывная актуализация информации.

Сокращение удельных затрат ресурсов на производство продукции предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей, включает такие направления, как:

- автоматическое или полуавтоматическое блокирование экономически избыточных оттоков ресурсов по второстепенным функциям;

- повышение эффективности всех оттоков ресурсов за счет повышения точности и цифрового учета ресурсоотдачи;

- резервирование дополнительного времени для принятия решений о расходовании ресурсов по второстепенным функциям.

Одним из примеров существенного сокращения производственных затрат за счет активизации сетевых взаимодействий является совместное инвестирование нескольких предприятий в разработку новых технологий и про-

дуктов, совместные закупки материально-технических ресурсов. Кроме того, при увеличении объема и скорости оборота ресурсов направленного на повышение количества производимой продукции, как правило, затраты на единицу продукции снижаются. Сетевая экономика, по мнению авторов, позволяет повысить результативность затрат предприятия на основе расширения кооперационных связей при производстве продукции.

Синхронизация и согласование по объему ресурсов, которые проходят в единицу времени через элементы производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, включает такие направления, как:

- резервирование дополнительного времени для принятия решений по крупным затратам и поиска источников синхронного восполнения значительного объема израсходованных ресурсов;

- радикальное ускорение процедур принятия решений по формированию новых крупных притоков ресурсов в орбиту производственных систем, объединенных кооперационными связями;

- высвобождение времени для понимания характера синхронизации притоков и оттоков ресурсов в сетевое объединение производственных систем предприятий, решающих смежные производственные задачи и работающих на одного конечного потребителя;

- создание условий для выделения рациональных периодов восстановления инвестированного капитала для предотвращения избыточного инвестирования в затратноёмкие проекты.

Увеличение пропускной способности организации для протекания расширенных потоков ресурсов включает такие направления, как:

- обеспечение гибкости производственной организационной структуры взаимодействующих предприятий для оптимизации процессов принятия решений в отношении потоков ресурсов;

- уменьшение количества узких мест в системах движения ресурсов для повышения пропускной способности сети производственных систем, взаимодействующих предприятий;

- кратное повышение мощности производственной инфраструктуры взаимодействующих предприятий для значительного возрастания роста оборота ресурсов;

- развитие экосистемы сетевого производства, которая обеспечит маневренность и гибкость производственной сети в работе с быстро меняющимся набором активов;

- применение современных цифровых технологий для ускорения обработки потоков ресурсов в рамках взаимодействующих предприятий для увеличения общей их пропускной способности и скорости реакции на изменения внешней среды.

Трансформация оттоков ресурсов в притоки в рамках всей системы управления кооперационного взаимодействия включает такие меры, как:

- переход на принципы циркулярной экономики, применение вторсырья и отходов в деятельности участников сетевого взаимодействия или их реализация;

- использование трудовых ресурсов на принципах волонтерства и ProBono в масштабных межкорпоративных мероприятиях для сокращения потребности штатного персонала компаний;

- активизация новых источников дополнительного притока ресурсов за счет предоставления сопутствующих услуг, в том числе информационного характера на платной основе;

- анализ отрицательного опыта производственных систем мира для применения мер, предотвращающих значительный рост отрицательного движения ресурсов предприятий, входящих в кооперационную сеть;

- адресное своевременное воздействие на значимые элементы формирования притоков и оттоков;

- автоматизированное регулирование загрузки производственных мощностей, предприятий объединённых кооперационной сетью и вовлечение социального интеллекта сотрудников и клиентов для развития пространственно-распределённой производственной сети;

- превращение сети производственных систем в пространство для реализации совместных инновационных решений в «один клик».

Повышение качества потоков ресурсов, протекающих в рамках предприятий, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей, включает такие направления, как:

- повышение отдачи от реализуемых производственной сетью функций и производимых продуктов за счет пересборки активов - быстро, точно, с низкими затратами, быстрой монетизацией и капитализацией;

- превентивный отбор источников притока ресурсов, входящих в производственные системы, объединённых сетью кооперационных и специализированных связей;

- формирование и использование фильтров, обеспечивающих недопущение неэффек-

тивных оттоков ресурсов из производственной сети;

- создание и использование фильтров, обеспечивающих ускоренную и точную обработку информационных ресурсов;

- формирование благоприятного эмоционального восприятия производственной сети для роста лояльности участников производства, в том числе потребителей.

Снижение общих затрат на обеспечение функционирования производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, за счет отказа от поддержки неэффективных потоков ресурсов включает такие меры, как:

- программируемая утилизация неэффективных и устаревших функций;

- программируемая реструктуризация устаревших и неэффективных организационных структур в рамках кооперационной сети совместно действующих предприятий.

Обеспечение интерактивного контроля за оттоками и притоками ресурсов в производственные системы предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, включает такие направления, как:

- применение механизмов цифрового контроля параметров притока ресурсов в кооперационную сеть предприятий;

- применение механизмов цифрового контроля параметров оттока ресурсов из кооперационной сети предприятий.

В качестве дополнительных опций мониторинга сетевых производственных процессов, по мнению авторов, необходимо рассматривать возможность синхронизации и согласования по объему ресурсов, которые проходят в единицу времени через элементы производственных систем предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей, а также нацеленность на трансформацию оттоков ресурсов в притоки.

Реализация рассмотренных системных основ мониторинга производственных процессов проводилась на машиностроительном предприятии. В качестве примера рассматривался производственный процесс по изготовлению деталей «кронштейн». Обследование процессов планирования и мониторинга производственных заказов показало, что имеются проблемы, связанные с отсутствием объективной информации о реальной загрузке используемого в производстве технологического оборудования, а также реальных причинах возникновения простоев.

В качестве пилотных рабочих мест выбраны 2 фрезерных станка с ЧПУ. До внедре-

ния цифровой системы мониторинга на рабочих местах не осуществлялась регистрация проблем и простоев. Анализ работы оборудования с применением информационных средств не проводился. Для осуществления учета процессов работы оборудования предложен программно-аппаратный комплекс производственного мониторинга (ПАК ПМ). При создании комплекса были предусмотрены следующие функции: производственный учёт; мониторинг эксплуатации оборудования; оперативное реагирование на возникновение простоев; анализ собранных данных; оповещение персонала. Анализ производственного процесса изготовления детали «кронштейн (левый, правый)» на основе мониторинга, позволил выявить значительные потери времени и ресурсов. Так, установлено, что при изменении последовательности обработки штучное время изготовления детали снижается на 1,12 мин за счет уменьшения количества смен инструментов и поворотов стола. Кроме того, установлено, что при одновременной обработке двух разных кронштейнов и левого, и правого в совокупности с изменением режимов резания, штучное время изготовления одной детали снижается почти на 5 мин. Этот результат требует проектирования нового приспособления. В совокупности экономический эффект достигается за счет увеличения объема производства дополнительных изделий, имеют устойчивый спрос.

Расчет экономического эффекта от внедрения ПАК ПМ на двух станках показал высокую привлекательность данного решения для предприятия. Так, годовой эффект оценивается в 1,9 млн. руб. Необходимо также учесть, что повышение производительности достигается без приобретения дополнительного механообрабатывающего оборудования.

Следует отметить, что мониторинг производственных процессов на промышленных предприятиях позволяет повысить обоснованность управленческих решений. На основе применения программно-аппаратных средств и сетевизации обмена оперативными данными в перспективе возможна реализация функций обработки значительных массивов информации о производственной ситуации на ряде производственных объектов с последующей синхронизацией производственных планов для обеспечения гибкости систем управления промышленных предприятий, объединенных сетью кооперационных и специализированных связей.

Литература

1. Акофф Р. Искусство решения проблем. М.: Мир, 1982. 224 с.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов// Системные исследования. Ежегодник. М., 1969. С.45.
3. Григорьев П. В. Ситуационные центры: история и современность. Искусственные общества, ЦЭМИ РАН.- Том: 13, Номер: 4, 2018, 4 с.
4. Клыков Ю. И., Поспелов Д. А., Пушкин В. Н. Зачем нужно ситуационное управление? Вопросы кибернетики. Вып.13. Ситуационное управление: Теория и практика. Ч.1. М.: НСКП «Кибернетика» при Президиуме АН СССР, 1974. С.7-15
5. Никулин Л. Ф., Гретченко А. И., Кулапов М. Н. Мы так видим менеджмент. Научно-аналитический журнал Наука и практика Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2020. Т. 12. № 3 (39). 12 с.
6. Плеханов Ю. Л., Шафигуллин И. Ш. Предложения по формированию базы знаний экспертной системы пунктов управления для решения задач ситуационного управления. Вестник Российского нового университета. Серия: Сложные системы: модели, анализ и управление. 2020. № 3. С. 100-110.
7. Попов И. Б. Семиотическая модель ситуационного управления применительно к задаче управления облачной инфраструктурой. The Scientific Heritage. 2021. № 65-1 (65). С. 28-31.
8. Ураев Н. Н. Проблемы трансформации вертикально-интегрированных компаний: сетевизация и инновационное развитие. Монография. / Ураев Н.Н. Москва: Русайнс, 2021. С 68.
9. Федоров М. В., Дадаев В. И. Построение семантических сетей для двухконтурной системы управления на основе ситуационного управления. Информационные технологии моделирования и управления. 2005. № 3 (21). С. 398-406.
10. Хаертдинова А. А. Развитие новых технологий на инновационных промышленных производствах // Управление устойчивым развитием. 2018. №5. С. 26-29.
11. Филиппович А. Ситуационные центры: определения, структура и классификация. URL: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=64861> (дата обращения: 14.06.2021).

Сведения об авторе:

©**Трутнева Анна Андреевна** – старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Мингалеев Газиз Фуатович** – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления на предприятии Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Сафаргалиев Мансур Фуатович** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ, Российская Федерация, Казань, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

Information about the author:

©**Trutneva Anna Andreevna** – Senior Lecturer of the Department of Economics and Management at the enterprise of the Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev - KAI , Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Mingaleev Gaziz Fuatovich** – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Management at the enterprise of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI, Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

©**Safargaliev Mansur Fuatovich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management at the enterprise of the Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI, Russian Federation, Kazan, e-mail: kafedra@eupkai.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.77

Р. И. Зинурова, Т. Н. Никитина, Л. З. Фатхуллина

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МАТРИЦА КОММУНИКАЦИИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: студенческая молодежь, этническая группа, адаптация, межкультурное взаимодействие, коммуникация, ценности, культурные символы

Имидж республики зависит от сформированной национально-культурной матрицы, основой которой становятся сотрудничество и взаимоуважение. В областях, затрагивающих интересы граждан всех национальностей, происходят глубинные процессы модернизации этностереотипов всех народов. Здесь ведущая роль принадлежит лидерам общественного мнения, поэтому так важно сформировать и поддерживать на различных уровнях благоприятную среду коммуникаций, сформировать устойчивые общественные представления о межкультурном конструктивном сотрудничестве. В сфере образования межкультурная коммуникация – это компетенция, которая формируется в результате общения между студентами во время процесса обучения. К основным механизмам взаимодействия культур относят доверие или конфронтацию. Адаптации иностранных студентов препятствуют факторы, относящиеся к особенностям социальной среды принимающего сообщества, а также социально-психологические и культурные особенности приезжего населения. Иностранные студенты в другой этнокультурной и языковой среде испытывают психологические трудности, которые могут привести к их отчуждению от принимающей среды. Социально-психологическим обоснованием исследования послужило понимание того, что взаимодействие иностранных граждан и местного населения может запустить адаптационные механизмы, делая приезжих особенно уязвимыми, так как происходят изменения не только внешней среды, но и внутренних структур личности. В рамках инновационного образовательного учреждения существует необходимость исследовать уровень межкультурной коммуникации, что в дальнейшем будет способствовать разработке и внедрению образовательных и коммуникативных технологий в процесс обучения. Социологическое исследование межкультурной коммуникации молодежи, проведенное в вузе, становится ресурсом для профилактики межкультурных конфликтов и формирования этнокультурных компетенций у студентов.

R. I. Zinurova, T. N. Nikitina, L. Z. Fatkhullina

NATIONAL AND CULTURAL MATRIX OF COMMUNICATION IN THE STUDENT ENVIRONMENT: RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH

Keywords: student youth, ethnic group, adaptation, intercultural interaction, communication, values, cultural symbols

The image of the republic depends on the formed national and cultural matrix, which is based on cooperation and mutual respect. In areas affecting the interests of citizens of all nationalities, deep processes of modernization of ethnic stereotypes of all peoples are taking place. Here the leading role belongs to the leaders of public opinion, therefore it is so important to form and maintain a favorable communication environment at various levels, to form stable public ideas about intercultural constructive cooperation. In the field of education, intercultural communication is a competence that is formed as a result of communication between students during the learning process. The main mechanisms of interaction between cultures include trust or confrontation. The adaptation of foreign students is hindered by factors related to the peculiarities of the social environment of the host community, as well as the socio-psychological and cultural characteristics of the visiting population. Foreign students in a different ethno cultural and linguistic environment experience psychological difficulties that can lead to their alienation from the host environment. The socio-psychological rationale for the study was the understanding that the interaction of foreign citizens and the local population can trigger adaptation mechanisms, making newcomers especially vulnerable, since changes occur not only in the external environment, but also in the internal structures of the personality. Within the framework of an innovative educational institution, there is a need to investigate the level of intercultural communication, which will further con-

tribute to the development and implementation of educational and communication technologies in the learning process. A sociological study of the interethnic communication of young people, carried out at the university, becomes a resource for the prevention of interethnic conflicts and the formation of ethno cultural competencies in students.

Введение. Крупные города Республики Татарстан становятся местом прибытия представителей различных этнических групп [1]. Миграционный прирост населения происходит, в первую очередь, за счет молодых людей, прибывших в республику с целью обучения.

Приток большого количества иностранных граждан – учебных мигрантов требует повышенного внимания к иностранным студентам, испытывающим трудности не только языковые и культурные, но и адаптации к обучению в новых образовательных условиях. В рамках инновационного образовательного учреждения существует необходимость исследовать уровень межкультурной коммуникации, что в дальнейшем будет способствовать разработке и внедрению образовательных и коммуникативных технологий в процесс обучения. Социологическое исследование межэтнической коммуникации молодежи, проведенное в вузе, становится ресурсом для профилактики межэтнических конфликтов и формирования этнокультурных компетенций у студентов.

Впервые термин «межкультурная коммуникация» появился в трудах Э. Холла и Г. Трейгера, в 1954 г. выходит книга *Culture as Communication* («Культура как коммуникация») [2]. Под межкультурной коммуникацией понимают обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур [3]. В это время появляется тезис о зависимости межкультурной коммуникации от культурных особенностей.

Межкультурные коммуникации рассматриваются также с точки зрения информационных обществ. Британский социолог Э. Гидденс все общества с момента их зарождения относит к «информационным» и особо выделяет национальные государства, для которых характерна высокая степень интеграции административных функций, требующих информационного сопровождения [4].

Исследованию межкультурной коммуникации как механизму профилактики конфликтов в деловой среде, на уровне межгосударственных отношений посвящены работы С. Г. Тер-Минасовой, которая пишет, «что осознание своей культуры как одной из многих, отдельной, особенной, происходит только при взаимодействии с иной культурой» [5].

В современном мире проблемы межкультурной коммуникации и межкультурных контактов на уровне регионов становятся частью мировой политики и международных отношений в силу информатизации и открытости общества, доступности информации согласно концепции

«2:0». Интердискурс представляет собой способ вербальной и невербальной коммуникации, встраивается в культурные, коммуникативные, информационные, поведенческие ситуации взаимодействий между представителями различных культур. Особенности современного интердискурса затрагивают вербальную среду коммуникативного пространства, что важно для образовательных учреждений, так как вузы часто выступают в качестве коммуникативных площадок, формирующих мировоззрение, доверительные отношения между представителями разных культур; студенты являются активными участниками дистанционного учебного процесса [6].

Межкультурные взаимодействия рассматриваются как многообразные суверенные позиции, со временем образующие единое смысловое пространство [7]. В механизме восприятия и усвоения ценностей национальных культур, а также в осуществлении диалога культур огромную роль играют культурные стереотипы. По мнению авторов, они формируются системой образования, общественным мнением, средствами массовой информации. Этнический стереотип социально обусловлен, отражает внешнюю сторону межэтнических отношений. Поверхностные представления о других этнических группах могут создавать ложные стереотипы и как следствие бурные переживания в отношении межэтнических взаимодействий. Логическое мышление и сформированное знание о других этносах объективно отражает действительное положение взаимоотношений. Это означает значимость социальных факторов и институтов в формировании представлений народов друг о друге.

Э. Д. Коркия выделяет элементы, которые способствуют взаимодействию, диалогу и сближению национальных культур. Он пишет о существовании стереотипных элементов «общесоцикультурной мировой системы»: похожесть социальных структур; тенденции стратификации и социальной мобильности; схожие базовые логико-смысловые ценности разных культур; престиж и высокая ценность науки и знаний; ценности современных политических систем, демократии; современные образовательные системы; системы социальной поддержки и защиты населения; средства коммуникации и связи; СМИ и информационные технологии и др. [8].

В конце 20-го века формируется концепция обучения диалогу культур, означающая форму коммуникации представителей разных культур на основе принципов уважения, признания уникальности каждой культуры. Познание другой

культуры происходит через процессы самоидентификации, переосмысление своей культуры.

Одним из представителей концепции диалога культур является немецкий ученый У. Цойнер: личность в процессе межкультурной коммуникации приобретает уникальные способности понимать чужую культуру с точки зрения ее представителей, уважать ее самобытность и своеобразие при сохранении принадлежности к собственной культуре.

В современных условиях межкультурное взаимодействие изучается в рамках социологических парадигм и концепций современности. К ним относятся в первую очередь концепции Э. Гидденса, У. Бека, З. Баумана, Ж. Бодрийяра. Авторы исследовали вопросы взаимодействия культур с точки зрения глобализационных факторов: Э. Гидденс в качестве фактора глобализации рассматривал функционирование универсальных символических систем, благодаря которым приобретает независимость от локальных социальных и культурных сред, традиций, ограничений, и предоставляется возможность самостоятельно выбирать для себя жизненные ориентиры [9].

З. Бауман пишет, что «Аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации. Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям – одновременно лишая территорию, к которой по-прежнему привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью» [10]. Ученые отмечают фрагментарность и отсутствие единой картины мира, одновременность присутствия различных идеологий, философских и религиозных картин мира как автономных текстов. Американизация общества и рациональность как одна из ее основных характеристик подчеркивается П. Бергером.

Глобализация экономики и развитие телекоммуникационных технологий определяют становление сетевого общества. М. Кастельс в работе «Информационная эпоха» (The Information Age) пишет о формировании новой формы экономики. Доминирующей формой экономики в условиях глобализации становится «информационный капитализм», обусловленный развитием сетевых связей, в основе которых информационные потоки в сфере ведения дел как в финансах, маркетинге, так и непосредственно на производстве. Глобальные сетевые связи становятся предпосылкой развития новых форм социальной организации, когда преимущественными становится обмен информацией между сообществами.

Американские ученые П. Бергер и С. Хантингтон описали группы по отношению к глобальным культурным тенденциям и распространяющимся глобальным формам культуры.

Особенности информационного пространства накладывают отпечаток на характер взаимодействия культур. Информационное общество характеризуют слабые социальные сети и формирование глобальных связей за счет единого интернет пространства, при этом утрачивают силу ближние социокультурные связи. К важнейшим социокультурным последствиям распространения мировой Сети относят рост неравенства, фрагментацию общества, ослабление социальных связей и др. [11].

Конструктивный диалог дает возможность представителям различных национальностей, религий и культур выстраивать дружественные отношения в процессе жизнедеятельности. Можем сказать, что в сфере образования межкультурная коммуникация – это компетенция, которая формируется в результате общения между студентами во время процесса обучения. К основным механизмам взаимодействия культур относят доверие или конфронтацию. Конфронтация означает направленность этнической группы на разобщение с другими культурами, которые воспринимаются в плоскости «ненормальности». Внедрение коммуникативных практик, укрепляющих доверие и отказ от практик, разрушающих доверительные отношения, например, демонстрация непонимания культуры другого народа укрепляют конструктивное сотрудничество [12].

Поэтому так важно создавать площадки для диалога по решению актуальных проблем в сфере совместного обучения. Также необходимо контролировать смещение культурных символов к полюсу одной этнической группы в названиях культурных объектов.

Методы. Основным методом нашего исследования является метод семантического дифференциала, который дает возможность противопоставлять субъективное восприятие личности объективному, т.е. межличностному или познавательному. В отечественной науке близкое значение имеет понятие «личностный смысл», введенное А.Н. Леонтьевым. Выбранный метод позволил выявить эмоционально-оценочное отношение студентов к различным этническим группам в процессе межкультурной коммуникации [13].

Семантический дифференциал неоднократно использовался специалистами в исследовании представлений об этнических группах. Это работы Е. Л. Конева по изучению представлений о представителях этнических групп зарубежных стран у студентов в СССР, работы В. Ф. Петренко, О.В. Черепановой, С. Г. Максимовой, Л. Д. Деминой и М. Б. Максимова.

В исследовании О. В. Черепановой, С. Г. Максимовой, Л. Д. Деминой и М. Б. Максимова психосемантическим методом множественных идентификаций изучались межпоколенные стереотипы [14]. По утверждению авторов, разные поколения становятся носителями разных установок и ценностей. В данном исследовании методика использовалась с целью дифференциации значимости факторов, влияющих на обыденное сознание. Сопоставление ролевых позиций и выявление базовых характеристик проводились через описание поступков в исследовании Т. Ц. Дугаровой, Л. И. Эрхитуева. [15].

Исследование О. Г. Лопуховой об особенностях трансформации гендерных представлений в современном сознании с помощью психосемантического метода позволило выявить культурно-универсальные и этноспецифические элементы гендерной семантики [16].

Основным методом исследования содержания современной гендерной семантики выступил психосемантический метод множественных идентификаций, с позиций которого была разработана методика диагностики гендерной семантики путем сопоставления гендерных образов разного социокультурного контекста, задающих измерение «традиционность – современность» гендерного семантического пространства. Образы оценивались по униполярным пятибалльным шкалам, по показателям, относящимся к трем сферам личностных проявлений: личностных качеств, особенностей поведения, жизненных ценностей.

Интересным, на наш взгляд, является работа авторов Р. И. Зинуровой, А. Р. Тузикова, С. А. Алексева «Особенности стереотипов в отношении мигрантов в городских агломерациях Республики Татарстан» [17], в рамках которого авторы предприняли попытку анализа представлений населения городских агломераций Республики Татарстан о «мигранте из Средней Азии», «мигранте с Кавказа» на основе модификации семантического дифференциала, предложенного З. В. Сикевич [18].

Цель исследования – изучение категориальной структуры индивидуального сознания, включающей представления о своей этнической группе и этнических групп принимающего сообщества как основы межкультурной коммуникации в вузе (на примере вузов Республики Татарстан)

В исследовании был использован метод семантического дифференциала с целью построения субъективных семантических пространств и выявления категориальной структуры индивидуального сознания молодых людей. Содержательная область исследования включила категории, понимаемые как

личностные характеристики, которые стали точками координат, размещенными в пространстве. Была разработана модель категориальной структуры индивидуального сознания, описанная как классификация и оценки характеристик личности. Размещенные в семантическом пространстве характеристики позволили провести анализ представлений молодых людей об этнических группах принимающего сообщества, акцентировав внимание на собственных. Выбор метода связан с особенностями его проведения и анализа для конкретного исследования личностных смыслов поведения человека в обстоятельствах, определяемых как стрессовые. Это связано с переменной места жительства, отрывом от системы ценностей и поведенческих реакций в родной среде, восприятием нового опыта взаимодействия с представителями других этнических групп.

В проведенном исследовании нами были предложены биполярные семибалльные шкалы: «радостный-печальный»; «слабый-сильный»; «плохой-хороший»; «самостоятельный-несамостоятельный»; «разговорчивый-молчаливый»; «безответственный-добросовестный»; «упрямый-уступчивый»; «замкнутый-открытый»; «добрый-эгоистичный»; «раздражительный-невозмутимый»; «нелюдимый-общительный»; «враждебный-дружелюбный»; «уверенный-неуверенный»; «честный-неискренний»; «зависимый-независимый»; «деятельный-пассивный»; «черствый-отзывчивый»; «решительный-нерешительный»; «справедливый-несправедливый»; «расслабленный-напряженный»; «суетливый-спокойный»; «жизнерадостный-унылый»; «глупый-умный»; «эмоциональный-рациональный»; «опасный-безопасный»; «веселый-грустный»; «здоровый-болезненный». В ответ на прилагательное у исследуемых возникает реакция, которая в той или степени похожа на поведенческую реакцию.

Авторами были поставлены следующие вопросы. Какими представлениями обладают представители иностранной молодежи, обучающиеся в вузах РТ в отношении этнических групп принимающего сообщества? Какие этнические характеристики определяют характер межкультурной коммуникации? Повлияет ли внедрение образовательных технологий на характер межкультурной коммуникации в среде вуза?

Социально-демографическая характеристика респондентов. В студенческих группах тесно и регулярно коммуницируют представители различных этнических групп. Задача эмпирического исследования – выяснить, какими характеристиками наделяют студенты этнические

группы принимающего сообщества и дают характеристику своей.

Участниками исследования стали 200 студентов, обучающихся в Казанском (Приволжском) федеральном университете и Казанском национальном исследовательском технологическом университете. Средний возраст обучающихся составил 20,3 года. Опрос проведен в студенческих группах, структура которых состоит их представителей татарской и русской этнических групп (групп принимающего сообщества) и пред-

Таблица 1 - Социальные представления о своей этнической группе у представителей туркменской этнической группы, %

радостный	84	печальный	16
слабый	0	сильный	100
плохой	8	хороший	92
самостоятельный	74	несамостоятельный	26
разговорчивый	46	молчаливый	54
безответственный	8	добросовестный	92
упрямый	76	уступчивый	24
замкнутый	38	открытый	62
добрый	58	эгоистичный	58
раздражительный	40	невозмутимый	42
нелюдимый	4	общительный	96
враждебный	10	дружелюбный	70
уверенный	92	неуверенный	8
честный	98	неискренний	2
зависимый	14	независимый	86
деятельный	98	пассивный	2
черствый	4	отзывчивый	96
решительный	81	нерешительный	19
справедливый	90	несправедливый	10
расслабленный	40	напряженный	60
суетливый	52	спокойный	48
жизнерадостный	63	унылый	37
глупый	10	умный	90
эмоциональный	70	рациональный	30
опасный	20	безопасный	80
веселый	62	грустный	38
здоровый	96	болезненный	4

Результаты исследования показали, что социальные представления о своей этнической группе у представителей туркменской этнической группы складываются из следующих положительных характеристик: «сильный», «общительный», «честный», «отзывчивый», «деятельный».

Совсем не характерны для представителей этноса такие характеристики, как «слабый»,

Таблица 2 - Социальные представления представителей туркменской этнической группы об этнической группе принимающего сообщества (русская/татарская этническая группа), %

радостный	16/38	печальный	84/62
слабый	38/14	сильный	62/86
плохой	4/2	хороший	96/98
самостоятельный	40/46	несамостоятельный	60/54
разговорчивый	20/24	молчаливый	80/76
безответственный	38/36	добросовестный	62/64
упрямый	68/72	уступчивый	32/28
замкнутый	18/16	открытый	82/84
добрый	46/62	эгоистичный	54/38

ставителей этнической группы туркмен. Гендерное распределение – девушки (100), юноши (100). По конфессиональной принадлежности студенты делятся на следующие группы – ислам (153), православие (67). По национальному признаку – русские (50), татары (50), туркмены (100).

Результаты и обсуждение. Ниже представлены результаты анализа и социальные представления об этнических группах, полученные с использованием семантического дифференциала (табл. 1).

«плохой», «нелюдимый», «неискренний», «зависимый» и «пассивный».

Социальные представления представителей туркменской этнической группы об этнической группе принимающего сообщества (русская/татарская этническая группа) выглядят следующим образом (табл. 2):

раздражительный	98/95	невозмутимый	2/5
нелюдимый	49/52	общительный	51/48
враждебный	16/17	дружелюбный	84/83
уверенный	84/83	неуверенный	16/17
честный	37/52	неискренний	63/48
зависимый	49/53	независимый	51/47
деятельный	46/52	пассивный	54/48
черствый	32/29	отзывчивый	68/71
решительный	84/85	нерешительный	16/15
справедливый	62/61	несправедливый	38/39
расслабленный	70/64	напряженный	30/26
суетливый	18/19	спокойный	72/71
жизнерадостный	9/7	унылый	91/93
глупый	16/19	умный	84/81
эмоциональный	40/47	рациональный	60/53
опасный	30/35	безопасный	70/65
веселый	50/60	грустный	50/40
здоровый	84/87	болезненный	16/23

Как видно из таблицы 2, по результатам опроса представления о русской и татарской этнических группах не различались по основным социальным характеристикам. Этнической группе «русские» приписывались следующие характеристики «раздражительный», «унылый», «печальный», «хороший», «молчаливый», «открытый», «дружелюбный», «решительный», «здоровый»; в наименьшей степени характерны такие характеристики, как «плохой», «несамостоятельный», «невозмутимый», «неуверенный». Татарская этническая группа в отличие от русской в представлениях туркмен обладает следующими более выраженными характеристиками: радостный, самостоятельный, добрый, честный, веселый, расслабленный, рациональный, уступчивый.

Вывод. Представленные результаты эмпирического исследования показывают разницу в восприятии себя и чужой этнической группы. Социальные представления и образ «других» включил отрицательные характеристики, связанные с раздражительностью, молчаливостью. Студенческая среда является средой межкультурной коммуникации. Но она невозможна без активного участия сотрудников и преподавателей, внедрения коммуникативных технологий в образовательный процесс. Мы наглядно увидели, что группы туркмен не могут найти межкультурное взаимодействие в студенческой среде, обособлены в силу характеристик принимающего сообщества.

В исследовании ставилась задача определить, каким видят студенты туркменской этнической группы образ представителей принимающего сообщества. Были выявлены стереотипы в восприятии различных этнических групп. Туркменистан – страна, из которой прибыли абитуриенты достаточно однородна по составу, русского населения в ней проживает – по оценке на 2020, всего 2,2 % [19]. На основании контент-анализа научной литературы были выделены дуальные характеристики этнических стереотипов. Метод семантического дифференциала показал эффективность при исследовании этнических стереотипов, указал на место, занимаемое группой в семантическом пространстве, и выявил типичные представления, влияющие на межкультурные отношения. В результате анализа были выявлены характеристики, составлен образ этнической группы. В целом, принимающему сообществу приписываются однотипные характеристики, хотя он состоит из двух этносов. Это говорит о том, что не выделяют отдельно представителей каждой группы. Сложное социальное явление межкультурные коммуникации с применением метода семантического дифференциала способствует организации рабочего и образовательного пространства. Требуют внимания межкультурные коммуникации, внедрение интерактивных, методических инноваций в учебный процесс, так как студенческая среда становится с каждым годом все разнообразнее.

Литература

1. Гурьянова Т. Н., Фатхуллина Л. З. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т.17. №15. С. 391-394.
2. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis // Explorations and Communication. N.Y. 1954. Vol. 3. 1954.

3. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 8.
4. Giddens A. The Nation State and Violence: Volume Two of a Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 178.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
6. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 45-57.
7. Эльсаева З. С., Яковлев Л. С. Гендерные конфликты в межэтнических взаимодействиях: социокультурные контексты // Управление устойчивым развитием. 2019 №3 (22) с. 69-76.
8. Межкультурная коммуникация в современном мире: монография / А. В. Жукоцкая, С. В. Черненко, С. Б. Кожевников, Е. Г. Тарева, Г. М. Гогиберидзе. М.: МГПУ, 2018. 100 с.
9. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 66.
10. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 18.
11. Левин П. Интернет и гражданское общество // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 96.
12. Бирюков Н. И. Взаимопонимание и взаимное непонимание в условиях глобализации Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. / Под ред. А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой; отв. ред. А. В. Мальгин. ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. 288 с.
13. Osgood C. E., Tannenbaum P. H., Suci G. J. The measurement of meaning. Urbana., 1957. 283 p.
14. Черепанова О. В., Максимова С. Г., Демина Л. Д., Максимов М. Б. Специфика анализа межпоколенных стереотипов психосемантическим методом «множественных идентификаций» (поведенческий аспект формирования установок) // Известия АГУ. 2007. № 2. 76
15. Дугарова Т. Ц., Эрхитуева Л. И. Специфика применения психосемантических методов в этнопсихологии. Улан-Удэ, 2009. 77-80.
16. Лопухова О. Г. Исследование особенностей трансформации гендерных представлений в современном сознании // В мире научных открытий. 2010. № 4 (17). С. 141-143.
17. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Особенности стереотипов в отношении мигрантов в городских агломерациях Республики Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2020. №3. С. 85-92.
18. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. № 3. С. 118-128.
19. Население Туркменистана и его национальный состав в 2020 году. URL: <https://meteojournal.ru/stati/naselenie-turkmenistana-i-ego-nacziionalnyj-sostav-v-2020-godu-oczenka/> (дата обращения: 20.05.2021).

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Никитина Татьяна Николаевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: nita101@mail.ru.

©**Фатхуллина Лилия Зинуровна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: lialfa@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushanya Ishatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Nikitina Tatiana Nikolaevna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: nita101@mail.ru.

©**Fatkullina Liliya Zinurovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: lialfa@rambler.ru.

УДК 316.43

М. А. Головчин

ОГРАНИЧЕНИЯ ДИЗАЙНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В НАПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

Ключевые слова: образование, институциональный дизайн, институциональный диссонанс, контент-анализ, семантическая категория, модель

В настоящее время институциональный дизайн российской образовательной политики, который формируется в процессе активного реформирования отрасли, отличается наличием диссонансов (несогласованностей). В статье представлены результаты исследования, целью которого является расширение представлений о природе этих диссонансов на примере школьного образования. В исследовании использован метод контент-анализа текстов сообщений, которые были собраны в рамках мониторинга экономического самочувствия и социального положения учительского сообщества Вологодской области (2017-2020 гг.). Сообщения обобщают пожелания педагогов в отношении планирования образовательной политики в адрес высших органов власти. В рамках контент-анализа проведены процедуры декомпозиции текста, квантификации множества элементов текстового массива, а также структурный (кластерный) анализ. Были выделены семантические единицы сообщений, описывающие отдельные дискурсы образовательной политики (от состояния институциональной среды до культурологических проблем). Определена частота встречаемости разных семантических единиц в текстах. Построена модель совпадений семантических единиц контент-анализа. В ходе исследования выяснено, что за 2017-2020 гг. вологодские учителя в своих сообщениях стабильно часто обращаются к вопросам развития институциональной среды в образовании (архетипам, новым правилам, законам, стандартам и т.д.), часто призывая к возврату к лучшим традициям советской школы. В то же время снижается интерес информантов к проблематике оплаты труда педагогов и финансово-технического обеспечения образовательного процесса. Вместе с тем в рамках анализа была обнаружена более четкая смысловая связь дискурсов, представленных в сообщениях педагогов, с аспектами не институциональной среды, а условий труда, сложившихся в школе. С нашей точки зрения, именно условия труда педагога в последнее время образуют диссонансы институционального дизайна в развитии школьного образования. В статье приведены размышления о том, как в будущем сгладить эти ограничения.

М. А. Golovchin

STATE POLICY DESIGN RESTRICTIONS IN THE DIRECTION OF SCHOOL EDUCATION DEVELOPMENT: ACCORDING TO CONTENT ANALYSIS

Keywords: education, institutional design, institutional dissonance, content analysis, semantic category, model.

At present, the institutional design of Russian educational policy, which is being formed in the process of active reform of the industry, is distinguished by the presence of dissonances (inconsistencies). The article presents the results of a study, the purpose of which is to expand the understanding of the nature of these dissonances using the example of school education. The study used the method of content analysis of message texts that were collected as part of monitoring the economic well-being and social status of the teacher community in the Vologda Oblast (2017-2020). The messages summarize the wishes of teachers regarding the planning of educational policy to the highest authorities. Within the framework of content analysis, procedures of text decomposition, quantification of a set of elements of a text array, as well as structural (cluster) analysis were carried out. Semantic units of messages were identified that describe individual discourses of educational policy (from the state of the institutional environment to cultural issues). The frequency of occurrence of different semantic units in texts has been determined. A model of coincidences of semantic units of content analysis has been built. The study found that for 2017-2020. Vologda teachers in their messages consistently often refer to the development of the institutional environment in edu-

cation (archetypes, new rules, laws, standards, etc.), often calling for a return to the best traditions of the Soviet school. At the same time, the interest of informants in the problems of remuneration of teachers and financial and technical support of the educational process is decreasing. At the same time, within the framework of the analysis, a clearer semantic connection between the discourses presented in the teachers' messages was found with aspects not of the institutional environment, but of the working conditions prevailing in the school. From our point of view, it is the working conditions of the teacher that have recently formed the dissonances of institutional design in the development of school education. This article provides reflections on how to mitigate these limitations in the future.

Введение. Развитие системы образования в мировом масштабе предусматривает ряд исторических периодов, в которых главенствовали разные ценности, парадигмы и концепции развития общества. В XXI в. определяющей ценностью в мире становится культурное самоопределение, что связано с усилением процессов глобализации и изменениями в режимах национального управления. В силу этого на образовательный процесс начинают активно воздействовать постмодернистские ценности (этический релятивизм, связанный с главенством интересов личности взамен интересов группы); мультикультурализм, который порождается растущей миграцией; быстротечность знаний, проявляющаяся на фоне развития коммуникационных технологий; спрос на специалистов, способных конкурировать на мировом рынке труда [1,2,3]. Спецификация национальных и региональных образовательных систем сменяется растущим сходством, создаются общемировые стандарты качества образования. Само же образование начинает все больше восприниматься в обществе как «структурированный рынок возможностей», который призван обеспечить равный и расширенный доступ к социальным благам среди населения с разными способностями, а также сдерживание расходов как отдельных людей, так правительств [4, с. 329-349].

В структуре современной образовательной политики, по мнению экспертов, в настоящее время задействованы три смысловых блока: а) институты (правила и нормы, определяющие отношения между участниками политики); б) интересы (группы, которые пытаются влиять на политику); в) идеи (основные ценности предлагаемые политикой, стратегии лежащие в основе этих убеждений, и предположения о том, как эти стратегии продвигают желаемые результаты) [5, с. 57-70]. Понимание того, как будет развиваться образование в условиях вызовов времени, тесно связано с выбором и реализацией идейной основы политической власти – институционального дизайна.

В науке существует несколько попыток определения термина «институциональный дизайн», в рамках которых это явление понимается как: а) система формальных правил (правовые и нормативные положения), касающихся финансирования социальной сферы [6]; б) про-

дукт «институциональной инженерии» в виде системы отношений, сложившихся между различными ведомствами и структурами политической власти [7, 8]; в) модернизация государственного управления; преднамеренная попытка изменения формальных или неформальных правил в той или иной сфере на основе концептуального и абстрактного понимания системы [9; 10]; г) различные направления конструирования в рамках реформ идеального института, в котором в равной мере сочетаются нисходящие неформальные правила, поддерживаемые социальной группой, и восходящие формальные, насаждаемые государственной властью [11]; д) воздействие на деятельность формальных учреждений, ведомств с целью формирования промежуточных (желательных) институтов как способа преодоления ограничений инертной гражданской культуры [12]; е) особый инструмент «микро-макро перехода», который позволяет продвинуться от понимания содержания индивидуального политического действия к его осуществлению в структуре совокупного макрополитического процесса [13]; ж) целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации [14].

Все эти определения отражают несколько подходов к изучаемой дефиниции. «Узкий» подход сводится к тому, что институциональный дизайн отражает отдельные аспекты национальной политики (финансирование, межведомственные отношения); «широкий» подход отличается взглядом на это явление как на некий аналог термина «политика» (правда, при этом подчеркивает элемент осознанности, проектируемости политических действий, которые применяются только в рамках задач государственного реформирования).

Мы придерживаемся той точки зрения, что институциональный дизайн по природе ближе к одному из направлений государственной политики, которое направлено на выбор наиболее эффективных правил, норм, ориентиров, а также на создание соответствующей законодательной базы [15]. Процесс институциональный дизайн состоит из нескольких этапов: а) новые институты рассматриваются и предлагаются; б) проектирование новых институтов; в) продвижение новых институтов [16]. Други-

ми словами, парадигма институционального дизайна утверждает, что взаимодействие между рынками, правительствами и организациями в немалой степени является продуктом целенаправленного воздействия, опосредованного взаимодействием разных сторон, которое определяется целями, предпочтениями и ценностями. Это своеобразное прикладное приложение институциональной теории.

По мнению экспертов, в рамках институционального дизайна решается два основных вопроса: кто может иметь право участвовать в создании новых институтов и как принимать решения [17, с. 29-40]. В зарубежной литературе распространено отношение к институциональному дизайну как к совместным усилиям государства и социума, в отечественной литературе – как к задаче, реализуемой сугубо в формате государственных реформ ведомствами и госструктурами единолично [18, с. 29-40]. Успешность институционального дизайна понимается как достижение поставленных в ходе экономических реформ целей в заданные сроки, «построение институциональной траектории, ведущей к намеченной цели» [19, с. 316]. С.Г. Кирдина-Чэндлер считает, что для институционального дизайна экономических реформ в России характерен дисбаланс доминантных (основанных на коммунитарной идеологии, признающей связь человека и сообщества) и комплементарных (основанных на индивидуалистической идеологии) институтов в пользу первых [16].

Критически мало внимания современная наука отводит вопросам институционального дизайна национальной образовательной политики. В российском законодательстве при этом четко установлены принципы государственной политики, на которых базируется институциональный дизайн. В ряд этих принципов входит признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование; его гуманистический и светский характер; единство образовательного пространства; свобода выбора получения образования; автономия образовательных организаций; демократический характер управления образованием; конкуренция в сфере образования; сочетание государственного и договорного регулирования отношений в сфере образования [19, с. 101-107].

Реализация этих принципов зависит от тех фундаментальных задач, которые перед собой ставит государство в те или иные периоды исторического развития. Так, М.В. Курбатова и др. считают, что современная образовательная сеть в постсоветский период (1990-е и начало 2000-х гг.) формировалась преимущественно

под задачи выживания образовательной сети, а позднее (2010-е годы) – под решение проблем ее финансовой оптимизации и повышения качества образования [20, с. 109-123]. Это привело к появлению в образовательном пространстве различных и зачастую противоречивых институтов: болонский процесс, Единый государственный экзамен (ЕГЭ), новая оплата труда (НСОТ), Национальная система учительского роста (НСУР), Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) [21] и т.д.

Вместе с тем, далеко не все принципы образовательной политики реализуются на практике, порождая ограничения и парадоксы институционального дизайна. В частности, принцип признания за образованием статуса государственного приоритета сосуществует с фактом финансирования этой сферы по остаточному принципу. Так, по данным Всемирного банка, Россия вошла в десятку стран мира, достигших наилучших показателей в части развития человеческого капитала за последние 10 лет, но при этом доля затрат на образование составила 3,6 % ВВП (в 2000 г. – 2,9 %). Для сравнения: в среднем по ОЭСР страны тратят на образование почти 5 % ВВП [22].

Принцип единства образовательного пространства соседствует с неоднородностью этого пространства, что сопровождается ослаблением позиций региональных образовательных систем [20, с. 109-123]. Особенно ярко этот эффект проявляется в дифференциации качества инфраструктуры образовательных организаций (их благоустройстве), а также размеров оплаты труда педагогических работников.

Так, в 2016 г. лишь в одном российском регионе (Липецкой области) 100 % общеобразовательных школ имели водопровод и канализацию; в 2019 г. к нему присоединились Воронежская, Вологодская, Тамбовская области и Санкт-Петербург. Несмотря на это, в подавляющей части регионов подобные условия созданы далеко не во всех школах.

Менее обеспеченными при этом остаются образовательные организации в сельской местности. В 2020 г. водопроводом, канализацией и центральным отоплением не были оборудованы 14 % сельских школ (в городах – 4 %). Доступ к высокоскоростному Интернету (100 Мбит/сек и выше) не имели 87 % школ (в городах – 78%); 12 % зданий школ требовало капитального ремонта (в городах – 10 %), а 0,9% находились в аварийном состоянии (в городах – 0,4 %).

В 2015 г. только в 5 российских регионах все работники образования без исключения получали заработную плату выше уровня МРОТ (Мурманская, Новосибирская области,

Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа). В 2019 г. эта группа территорий сократилась до четырех регионов, в нее, помимо названных, вошли Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области. В то же время в нескольких субъектах РФ (Тверская, Липецкая области, республики Марий Эл, Дагестан, Чечня) более трети работников образовательных организаций получают зарплату на уровне не выше минимального размера [23].

По оценкам ученых, неравномерность образовательного пространства приводит к концентрации необходимых ресурсов в ограниченной части регионов, формированию системы «победителей и проигравших», оттоку человеческого капитала с периферии в центр и дерегионализации образовательной политики в целом [19, с. 109-123]. В качестве причины подобных проблем часто упоминается несогласованность реформ с интересами регионов и образовательного сообщества.

С.Г. Кирдина-Чэндлер объясняет подобное ограничение посредством категории «институциональный диссонанс» как эффект взаимодействия двух или более институтов, которое в силу тех или иных причин приводит к нарушению функциональности этих самых институтов в социальной системе. Происходит это по двум причинам: непродуманность государственной политики в плане трансплантации институтов и навязывание институтов обществу теми или иными группами, обладающими ресурсами давления. Институциональные диссонансы не только создают проблемы социального поля, но и делают результаты институционального дизайна слабопрогнозируемыми [24].

В нашем исследовании мы предприняли попытку обобщения влияния диссонансов институционального дизайна на развития школьного образования на основе обобщение мнений представителей учительского сообщества. Мы исходим из представления о том, что диссонансы институционального дизайна не только превалируют в образовании, но и становятся системообразующей основой для развития всех остальных проблем образовательной отрасли.

Метод исследования. В исследовании мы придерживаемся «дизайна смешанного типа» (mixed methods research), который базируется на комбинаторике элементов качественного и количественного подходов. Принципы подобного подхода сводятся к работе с максимально широким набором данных из всех доступных релевантных источников; соблюдению методологических допущений базового метода; одновременного принятия индукции и дедук-

ции, субъективности и объективности, контекстуальности и возможности делать обобщения; вниманию к дополнительным стратегиям сбора данных, которые не могут быть получены с помощью традиционных методов; отстраненности наблюдателя от объекта наблюдения. По существу, дизайн смешанного типа – это исследовательская стратегия, альтернативная количественному и качественному подходу, которая в свою очередь позволяет получать научные результаты, которые принципиально превосходят возможности этих подходов [25, с. 104-116].

Интеграция количественного и качественного подхода в рамках исследовательского дизайна смешанного типа позволяет выявить персональную интерпретацию субъектами окружающей реальности, своего места в ней, первичные реакции на происходящие события, окрашенные личностными переживаниями и строящиеся сообразно логике личностных умозаключений; провести структурирование сформировавшегося поля общественного мнения и выявить типичные формы объективации коллективного опыта и эмоций; количественно оценить степень выраженности значимых для исследования признаков, их интенсивность [26]. В то же время у этого подхода есть свои недостатки: значительные кадровые, временные и финансовые издержки (что нивелируется использованием компьютерных технологий), сложность интерпретации противоречивых результатов [25, с. 104-116] и т.д.

Эмпирической основой для исследовательских выводов стали данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей Вологодской области, который проводится Вологодским научным центром РАН. В исследовании мы обобщаем ответы педагогов на открытый вопрос анкеты: «Если бы Вы могли обратиться лично к Президенту РФ и Министру просвещения РФ, то чтобы Вы могли им пожелать или посоветовать в отношении совершенствования образования?». На содержательном уровне все полученные ответы посвящены широкому кругу образовательных проблем, поэтому их анализ представляет возможность судить о том, какие вопросы развития образовательной сферы являются наиболее актуальными и болезненными с точки зрения учителей; какими мнениями и идеями они готовы поделиться с представителями власти, от которых зависит выбор направлений образовательной политики.

Данные были подвергнуты контент-анализу, который заключается в переводе текстовой информации сообщений в количественные показатели с последующей статистической обработкой. Согласно рекомендациям экспер-

тов, для работы с текстом первоначально мы определили круг источников, потенциально полезных для исследования и содержащих материалы, которые могут быть полезны для раскрытия цели исследования [27]. Для этого из анализа были исключены сообщения учителей, подразумевающие полное отсутствие выраженного мнения (всего 4 сообщения). Помимо этого была проведена техническая обработка текстов (грамматически сокращенным предложениям возвращалась форма полного высказывания и т.д.).

Вид сообщения, используемого в контент-анализе, – обращения к представителям высших органов власти и ведомств. Минимальные и максимальные границы объема сообщений не устанавливались. Все ответы фиксировались в опросном бланке в текстовом виде непосредственно респондентами.

Классическая трактовка метода контент-анализа подразумевает определение объема выборочной совокупности в зависимости от поставленных задач исследования и доступности текстовых материалов [28]. В исследовании после отбора и технической обработки всего было учено 327 сообщений и получено два среза данных: 2017 г. – 157; 2020 г – 170 сообщений. Все сообщения включают ответы учителей школ Вологодской области, работающих как в городе, так и деревне.

Технические приемы, примененные в рамках контент-анализа, сводятся к выделению единиц анализа, отысканию их индикаторов в тексте с последующей статистической обработкой [25, с. 265-270]. В рамках анализа использовалась частотная модель для описания текста сообщений. Обработка текстов проводилась в программном пакете QDA Miner 6.0; дополнительная статистическая обработка данных – в программе SPSS IBM Statistica.

В нашем исследовании мы ориентировались на алгоритм контент-анализа, предложенный К.П. Боришполец: декомпозиция текста (выделение из содержания текста множества смысловых элементов, последующее упорядочение которого зависит от типа или варианта методики); квантификация множества элементов текстового массива (процедура подсчета частот встречаемости смысловых элементов); содержательная интерпретация результатов (выявление и оценка того, что хочет подчеркнуть / скрыть автор текста); верификация полученных результатов путем их соотнесения с данными, полученными в рамках других исследовательских процедур [29].

Результаты исследования. На первом этапе контент-анализа нами была рассмотрена вся совокупность сообщений, которую предла-

гается учитывать. Ответы учителей, содержащиеся в сообщениях, представляют собой текст разного формата: от кратких лозунговых заявлений («выделять средства на ремонт школ!», «повысить заработную плату!», «вернуться к лучшим традициям советской школы!» и т.д.) до развернутых мнений, содержащих оценки и мнения. По содержанию сообщения представляют собой просьбы и предложения в адрес высших органов власти и ведомств, ответственных за реализацию образовательной политики в стране.

В рамках второго этапа контент-анализа были проведены процедуры по декомпозиции текста сообщений. Вначале был произведен ненаправленный поиск семантических (смысловых) единиц аналитического наблюдения (элемент текста, который впоследствии будет изучаться). Существуют четкие методические требования к возможной единице анализа: она должна быть достаточно большой, чтобы выразить определенное смысловое значение; достаточно малой, чтобы не выразить много значений; свободно идентифицироваться; число его первичных элементов должно быть достаточно велико, чтобы служить основой для статистической выборки [29]. Исходя из этих критериев, единицей наблюдения в контент-анализе была выбрана не элементарная лексическая категория (слово), а тема (дискурс), представляющая собой смысл высказывания о конкретном предмете. Именно эта единица полностью отвечает всем требованиям (выражает смысловое значение, свободно идентифицируется, состоит из слов, которые могут служить основой для статистической выборки).

Всего было выявлено несколько смысловых единиц: 1) отношение к институциональной среде в образовании (ИС); 2) отношение к социальному престижу профессии (СП); 3) отношение к проблемным условиям труда учителя в школе (УсТ); 4) отношение к оплате труда учителя (ЗП); 5) отношение к материально-финансовой обеспеченности школ (МФТ); 6) культурологические проблемы (КП); 7) другое: в этой категории рассматриваются сообщения, которые сложно однозначно классифицировать («Доколе?», «Сделайте так, чтобы дети и учителя были счастливы» и т.д.). Таким образом, критерием отбора послужила тема, а единицей высказывания – простое суждение, представленное в виде одного или нескольких предложений.

На третьем этапе применения методики контент-анализа была проведена квантификация семантических единиц. Был использован способ количественной оценки, который основан на вычислении удельного веса каждой из

смысловых единиц понятия к общему числу суждений [25, 265-270]. Изучая текст сообщений, мы определяли процент упоминания конкретных тем по тематическим единицам разного содержания (табл. 1). Каждая из переменных рассматривалась в качестве семантической единицы контент-анализа, причем каждое сообщение могло кодироваться одной или несколькими переменными (в зависимости от числа затрагиваемых в нем тем).

В итоге было определено, что наиболее часто встречаемой темой в сообщениях учителей являются вопросы развития институциональной (правовой) среды. При этом, за два года наблюдений частота обращений к ним среди педагогов не претерпела значительных изменений: в 2017 г. – 25 %; в 2020 г. – 29 %. Чаше всего в этом блоке встречаются призывы к возвращению к прежней системе образования, «лучшим традициям советской школы», отказу от нововведений, под которыми информанты понимают процедуры ЕГЭ, ОГЭ, ГИА, ВПР, а также федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). «Тесты по различным предметам привели к неумению общения в устной и письменной форме». Обсуждению подвергаются и принципы образовательной политики («Образование – это не сфера услуг!»), а также характер действий властей в образовательной сфере («Перестаньте ломать нашу систему образования!», «Перестаньте постоянно пересматривать стандарты!», «Прекратите эксперименты в образовании, необходима стабильность и системность»). В 2020 г. критика нововведений в сообщениях учителей не исчезла, но ряд суждений приобрел качественно иной вектор: «ЕГЭ – оставьте», «Не

отменяйте ЕГЭ; это одно из лучших достижений в образовании». Также в прошлом году учителя впервые стали обращать внимание в своих высказываниях на проблемы дистанционного образования: «Убрать ЕГЭ, не переходить на онлайн обучение», «Не губите систему образования дистанционными формами обучения!», «Вернитесь к старой доброй традиционке».

Вторым по значимости вопросом для обсуждения в 2020 г. в сообщениях учителей стал социальный престиж профессии (22%). Высказывание в этом блоке часто связаны с референтными словами «престиж» (2017-2020 гг.), «уважение» (2017 г.), «защита / защищенность» (2017 г.), «поддержка» (2017 г.), «достоинство» (2020 г.), «прислушиваться» (2020 г.), «неприкосновенность» (2020 г.) и «ценить» (2020 г.). В 2017 г. частота упоминаний данной семантической единицы была намного меньше, чем у проблем оплаты труда, оснащенности школ, тяжелых условий труда и бюрократизации профессии, а в 2020 г. заняла одни из лидирующих позиций. Мы предполагаем, что подобное смещение дискурса учительских высказываний свидетельствует о том, что педагоги все чаще стали отмечать негативное влияние экономической повестки в образовании на восприятии профессии в обществе и во власти. Это предположение очень ярко иллюстрирует прямая речь одного из учителей: «... зарплата, конечно, не соответствует уровню жизни... если женщина одна воспитывает детей, то, как она выглядит??? О каком же престиже профессии можно говорить, если у нее дешевенькие, поношенные, немодные вещи».

Таблица 1 – Представленность смысловых единиц контент-анализа в сообщениях учителей (в %)

№ п / п	Семантическая единица	2017 год		2020 год	
		Примеры высказываний	Относительная частота	Примеры высказываний	Относительная частота
1.	Институциональная среда (ИС)	Реформы прекратить! Хватит уже! Изменения не должны внедряться поспешно Возвращение к лучшим традициям советской школы Не торопитесь вводить новое в систему образования, дети – не объекты экспериментов Вкладывайте деньги не в корпорации, а в образование, в школы. Реализуйте линию на реальную дебюрократизацию, возрождение советских традиций, но с меньшим идеологическим диктатом	25,0	Верните старую систему образования и оплаты труда, ЕГЭ – оставьте Вернуться к старой доброй традиционке с использованием современных инноваций Вспомните советскую школу и наложите лоск 21 века Не разрушаете образование, помните оно было лучшим до современных ФГОС	29,3
2.	Социаль-	Учитель не менее социально	11,5	Надо повысить значимость	21,6

№ п / п	Семантическая единица	2017 год		2020 год	
		Примеры высказываний	Относительная частота	Примеры высказываний	Относительная частота
	ный престиж профессии (СП)	важная профессия, как и военные, полицейские Больше уважения к профессии, достойной зарплаты Ни в коем случае не акцентировать на фразе: «Учитель, категория обслуживающий персонал». Учитель не обслуга! Защитить педагога от самоуправства некоторых родителей, издать соответствующие законы Будьте ближе к народу, узнавать мнение учителей Принимайте решения, советуясь с практикующими учителями (теми, кто работает в школе)		профессии учителя, ДОСТОЙНЫЕ выпускники школ шли учиться в пединституты, успешно там учились и сознательно шли работать в школу! Не понижайте статус учителя в СМИ, примите закон по этому поводу. ЗАЩИТИТЕ учителей от нападков и подозрений Цените работу учителя так, чтобы он мог достойно жить, работая на 1 ставку О каком же престиже профессии, если у учителя дешёвенькие, поношенные, немодные вещи, можно говорить...	
3.	Условия труда (УсТ)	Хотелось, чтобы от педсовета не требовали огромное количество отчетов или увеличили заработную плату за эту деятельность Учитель должен учить и давать знания, а не заниматься отчетами, сбором информации, иногда просто не хватает времени на подготовку к урокам Дайте работать с учениками, а не с бумагами. Уважайте учителей и их труд.	16,5	Дайте работать с детьми, а не с бумагами! Дайте учителю возможность обучать детей, а не переписывать и не готовить мониторинги для статистики Предоставьте учителю возможность работать с детьми, а не заниматься отчетностью круглые сутки. Пересмотрите нагрузку учителей, т.к. очень много нового появилось в работе, а обязанностей не убавилось	17,2
4.	Оплата труда в школе (ЗП)	Почему молодой специалист в школе зарабатывает 12-13 тыс. (за 1,5-2 ставки) Профессия учителя должна быть финансово привлекательной, а не просто держаться на энтузиазме Верните прежнюю систему оплаты труда Зарплата должна реально соответствовать средней по региону и не за счет увеличения количества часов	22,0	Верните Единую тарифную сетку с заработной платой на уровне Финляндии Поднять оплату труда, тогда и работать будут с отдачей и желанием Сделайте профессию учителя престижной и нормально оплачиваемой (хотя бы как в Москве)	13,8
5.	Материально-финансовая обеспеченность школ (МФП)	Страна, в которой государство не вкладывает в образование, обречена!!! Внимательно посмотрите, в каких условиях обучаются наши дети Чтобы обучение было более продуктивным все кабинеты в школах должны быть оборудованы современными информационными технологиями (выход в интернет, интернет)	18,0	Выделите школам нормальный бюджет Если вводить инновации в школьное образование, то сначала надо оснастить школы хотя бы на 90%, а потом требовать выполнения нововведений Не губите систему образования дистанционными формами обучения!	8,6

№ п / п	Семантическая единица	2017 год		2020 год	
		Примеры высказываний	Относительная частота	Примеры высказываний	Относительная частота
6.	Культурологические проблемы семей и молодежи (КП)	Родители – активные участники образовательного процесса? На самом деле – нет. Обратите внимание на молодые семьи (нецензурная речь, вседозволенность в отношениях это все видят дети) Не перекладывайте вину учеников на учителя	3,5	Самая большая проблема нынешних школьников, на мой взгляд, нежелание добывать знания, учить материал Родители демонстрируют примеры газообразного поведения, прилагают минимум усилий в воспитании Ответственность за обучение школьника должны нести все-таки родители	3,0
7.	Другое	Поработайте в школе рядовым учителем Сами бы попробовали «поддержаться», как советовал Медведев	3,5	Доколе? Проживите один день вместе с учителем Сделайте так, чтобы дети и учителя были счастливы	6,5

Источник: здесь и далее представлены данные ответов учителей Вологодской области на вопрос «Если бы Вы могли обратиться лично к Президенту РФ и Министру просвещения РФ, то чтобы Вы могли им пожелать или посоветовать в отношении совершенствования образования?».

Таким образом, контент-анализ учтенных сообщений предоставил возможность судить о том, что вопросы институционального развития образования за все периоды измерения стабильно входили в наиболее часто упоминаемую тематику общего дискурса учителей. В сообщениях можно выделить ключевую тему обсуждения, которая повторяется на протяжении 2017-2020 гг. – это призыв к возвращению к образовательным традициям, под которыми понимаются заслуги советской системы образования. В 2020 г. информанты стали более осторожны, и этот призыв стал дополняться «новыми реалиями» (вернуть, но без лишнего идеологического диктата, оставить признаки нового времени, такие как инновационное техническое оснащение). Традиции советской школы учителя ассоциируют с приоритетностью образования, стабильностью и прочностью образовательной системы, образованностью и эрудированностью обучающихся, оптимальными форматами контроля за знаниями (контрольные и экзамены) и сеткой предметов, жестким отбором в организации профессионального образования и старшие классы, Единой тарифной системой оплаты труда и наличием единых учебников и программ. Новая образовательная ситуация оценивается в категориях нестабильности («Дайте возможность школе работать стабильно»), непродуманности («Уделяйте больше внимания системе образования, ее логике и структуре»), излишней поспешности («Изменения не должны внедряться поспешно»), поливариантности («Содержание предмета сделать единым для страны»), закрытости («Мы из новостей узнаем какие изменения грядут в будущем»), экспе-

риментальности («Дети – не объект экспериментов!»), ориентации сугубо на зарубежные образцы («Не копируйте отрицательный зарубежный опыт»).

Отметим, что для интерпретации выявленных закономерностей результаты квантификации семантических единиц нуждаются в дальнейшей детализации и углублении. С этой целью мы прибегли к структурному (кластерному) анализу текстовых сообщений на основе вычисления коэффициента сходства Жаккара-Танимото. Коэффициент П. Жаккара (в адаптации Т. Танимото) – это бинарная мера сходства, которая позволяет оценить степень релевантности текстов, где элементами сравниваемых множеств являются слова или предложения. Показатель измеряет сходство между конечными наборами образцов теста и определяется как отношение размера пересечения к размеру объединения наборов образцов. Коэффициент сходства принимает значения от 0 до 1, где 0 указывает на абсолютно несходные тексты, а 1 – на абсолютно идентичные (чем ближе значение к 1, тем больше сходство между объектами) [27].

Коэффициент рассчитывается по формуле:

$$k = \frac{c}{a+b-c} \quad (1),$$

где k – коэффициент сходства,

a – количество элементов первой семантической единицы контент-анализа,

b – количество элементов второй семантической единицы,

c – количество элементов, принадлежащих обоим множествам одновременно [30].

Основой для выявления сходства и различия являются операциональные понятия (репрезентативные слова), которые определяют характеристику сообщений. Наличие сходных понятий в разных семантических единицах будет указывать на сходство, отсутствие – на различие.

Анализ позволил выявить совокупность используемых в сообщениях слов, которые легко можно объединить в локальные понятийные группы:

– недостаток внимания к проблемам образования: «удел[ять]» (11), «внима[ние]» (19), «учител[ям]» (123). Всего 153 слова.

– правовая защита учительства: «защит[ить]» (7), «учител[я]» (123), «закон[ом]» (7). Всего 137 слов.

– финансовые проблемы школ: «увелич[ить]» (9), «финанс[ирование]» (21), «школ[ам]» (101). Всего 131 слово.

– проблемы оплаты труда и престижа профессии: «повыс[ить]» (33), «престиж» (38), «[зар]плат[у]» (59). Всего: 130 слов.

– отношение к образовательным практикам и процедурам: «отмен[ить]» (16), «убр[ать]» (10), «систем[у]» (31), «ЕГЭ» (23), «ОГЭ» (10), «ГИА» (2), «ВПР» (11). Всего 103 слова.

– административная нагрузка: «сократ[ить]» (7), «бума[жную]» (15), «отчет[ность]» (34), «работ[у]» (17). Всего 73 слова.

– призыв к возвращению к традиционной школе: «верн[уть]» (38), «советск[ие]» (14), «традиц[ии]» (9). Всего 61 слово.

Для выявления меры сходства каждой смысловой аналитической единицы со всеми другими в программе QDA Miner 6.0 строилась наглядная модель совпадений. Во всех случаях расчеты позволили установить некоторое сходство категорий контент-анализа (рис. 1). В модели четко выделяются два элемента: ядро (семантическая единица «условия труда») и периферия (все остальные семантические единицы анализа, которые связаны с ядром).

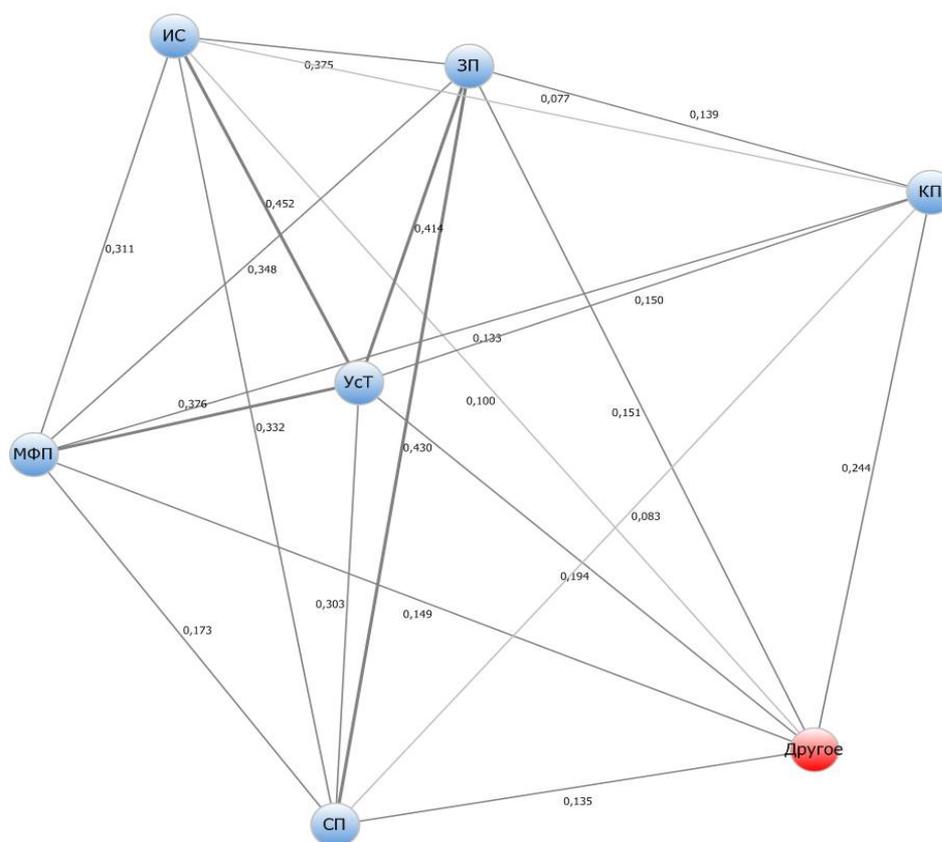

Рис. 1 – Модель совпадений семантических единиц контент-анализа сообщений учителей

Можно выделить два кластера с выраженной близостью семантических единиц: 1) «оплата труда в школе – социальный престиж профессии» ($k=0,430$); 2) «оплата труда в школе – условия труда» ($k=0,414$). Это означает, что текст сообщений, описывающий проблемы оплаты

труда в школе в силу использования схожих операциональных понятий схож с текстом, описывающим проблемные условия труда и социальный престиж профессии (релевантен ему). Наименьшую степень схожести с другими анали-

тическими единицами демонстрирует культурологический дискурс.

Мы проследили, как изменяется мера сходства семантических единиц в ретроспективе. Анализ показал, что в 2017 г. релевантной в сообщениях учителей можно считать связь оценки институциональных условий труда с заработной платой ($k=0,502$), социальным престижем про-

Таблица 2 – Мера сходства семантических единиц в исследовании в 2017-2020 гг. (коэффициент Жаккара-Танимото)

Семантическая единица	МФП		ЗП		КП		ИС		СП		УсТ		Другое	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
МФП	1	1	0,333	0,386	0,110	0,205	0,381	0,260	0,217	0,142	0,287	0,532	0,067	0,352
ЗП	0,333	0,386	1	1	0,138	0,141	0,502	0,288	0,365	0,482	0,348	0,514	0,101	0,237
КП	0,110	0,205	0,138	0,141	1	1	0,095	0,068	0,160	0,064	0,127	0,171	0,231	0,250
ИС	0,381	0,260	0,502	0,288	0,095	0,068	1	1	0,449	0,289	0,521	0,413	0,075	0,113
СП	0,217	0,142	0,365	0,482	0,160	0,064	0,449	0,289	1	1	0,254	0,328	0,200	0,120
УсТ	0,287	0,532	0,348	0,514	0,127	0,171	0,521	0,413	0,254	0,328	1	1	0,068	0,315
Другое	0,067	0,352	0,101	0,237	0,231	0,250	0,075	0,113	0,200	0,120	0,068	0,315	1	1

Таким образом, проблемные условия труда (несмотря на свою слабую представленность в сообщениях учителей) постепенно становятся той смысловой основой, с решением которой в педагогических кругах связывается эффективность государственного управления в образовании. Этот вывод подтверждают и данные количественных исследований, проведенных в регионе: за период 2017-2020 гг. доля вологодских учителей, довольных условиями своего труда, не достигала и 55%.

Мы исходим из посыла о том, что сходность отдельных семантических единиц контент-анализа с определенными допущениями может указывать на согласованность обсуждаемых в рамках дискурсов институтов, а различие – на несогласованность (т. е. наличие институциональных диссонансов). Отметим, что расчет коэффициентов сходства в исследовании имеет свои ограничения. В частности, его качество зависит от длины сообщений. В более развернутых сообщениях содержится много операциональных понятий, поэтому степень сходства в этих случаях однозначно трактовать нельзя.

Закключение. Переходя к интерпретации полученных результатов, вспомним теорию «институционального диссонанса». Данный диссонанс основывается на низком уровне комплементарности (взаимного соответствия) нескольких институтов, которые в силу определенных причин не могут взаимодействовать, что приводит к ограничениям в их реализации. Результаты контент-анализа дают основание говорить о том, что подобный феномен в целом определяет развитие школьного образования, поскольку совокупность основополагающих политических, социальных и экономических норм и правил, которая формирует условия развития образования, не соответствует

фессии ($k=0,449$) и условиями труда ($k=0,521$). В 2020 г. контекст сходства поменялся: учителя стали больше связывать свои проблемы в сфере оплаты труда и социального престижа не с фундаментальными дефектами образовательных реформ, а переносят внимание на реальные условия труда (сверхотчетность и бюрократизация учебного процесса; табл. 2).

запросам школы. Об этом говорит систематическое обращение к институциональному дискурсу в обращениях учителей.

Отсутствие подобного соответствия, с нашей точки зрения, кроется в противоречии между реализацией основных функций институциональной среды в образовании: инновационной, трансляционной и селекционной. *Инновационная* функция проявляется на основе модернизации традиционных институтов путем создания новых и заимствования наиболее прогрессивных и эффективных из опыта других стран. Осуществляется она путем мотивации появления новых институтов и новых типов экономического поведения образовательных агентов. *Селекционная* функция проявляется в отборе из институтов наиболее жизнеспособных, способствующих дальнейшему развитию общества. На её основе происходит отбраковка либо сохранение традиционных институтов, позволяющих образовательному агенту адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. *Трансляционная* функция отвечает за передачу во времени норм и ценностей и проявляется на основе автономности институциональной среды, ее независимости от институционального импорта. Идеальное функционирование институционального механизма требует интеграции всех этих элементов институциональной среды в единое целое [31].

В настоящее время в системе образования эти функции не увязаны: инновационная функция направлена исключительно на импорт институтов (что противоречит трансляционной функции); стремление к модернизации образовательной системы не соотносится с задачей отбора наиболее эффективных институтов (селекционная функция), а тем более с сохранением традиционного ядра об-

разования [20, с. 109-123]. Отсюда и проявление в учительском сообществе видения советского образования как некоего образца и идеала, а также усталости от постоянных преобразований. Регулятивные свойства институциональной среды в настоящее время направлены на процесс постоянного обновления образовательных институтов, что нередко приводит к попыткам тотальной замены институциональной матрицы [31].

По мнению экспертов, нарушение баланса между функциями институциональной среды с учетом доверительной природы самой образовательной услуги и относительного характера ее конкурентоспособности может привести к эффекту «обманутых ожиданий», что будет выражаться в низком уровне удовлетворения агентов при понимании несоответствия задуманного и достигнутого [32, с. 26-30]. Поэтому, суть институционального диссонанса заключается в том, что образовательные нормы входят в противоречие с видением будущего агентов. Этот диссонанс во многом формируется в силу того, что в правовом поле пока не предусмотрен адаптационный механизм, идеально обеспечивающий сосуществование традиций и новшеств.

Подобный механизм должен базироваться на конструктивности внедряемых институтов и отказа от их декларативности (соотношение провозглашенных и реально действующих правил, норм) [32, с. 7-27]. Подобный механизм может включать в себя несколько блоков: институты, позволяющие школам воспринимать сигналы экономики и рынка; институты, обеспечивающие социальную консолидацию педагогического коллектива; внутренняя консолидация и координация педагогических процессов вокруг идеи стратегического планирования. Ядром механизма должна стать функциональная мотивация агентов, предусматривающая повышение ответственности за результаты своей работы,

материальное стимулирование в зависимости от результатов деятельности и «фирменный патриотизм» (идею профессионального призвания).

Согласно эмпирическим данным, можно судить о постепенном усилении связи между институтами, регулирующими условия труда в школе (бюрократия, сверхотчетность, массовизация, социальные гарантии и т.д.), и всеми другими институтами [33, 34]. Усилия по улучшению материального положения педагогов, цифровизация и технологизация образовательного процесса должны были облегчить труд учителя, создать новую, более современную инфраструктуру, но зачастую не делают этого. Так, в 2020 г. в государственной программе «Развитие образования» были предусмотрены изменения, предусматривающее доплату за классное руководство учителям в размере 5 тыс. руб. Однако на деле эти выплаты приводят к росту нагрузки на учителей, поскольку условия начислений предполагают помимо прочего увеличение объема работ классных руководителей. К тому же доплата за классное руководство (т.е. вознаграждение) принципиально не предполагает полноценную оплату работникам классного руководства.

С нашей точки зрения, в дальнейшем планировании институционального дизайна в образовании целесообразно придерживаться критериев эффективности социальных реформ, предложенных в работах Э. Остром: в случае большого количества общих ресурсов их нужно распределять между разными группами (а не только в пользу «лидеров»); целесообразно наладить систему эффективного мониторинга за образовательными реформами как со стороны наблюдателей, так и со стороны самих «участников игры»; признать роль вышестоящего органа власти за самоопределяющимся образовательным сообществом [11, с. 7-27].

Литература

1. Berkovich I. Education Policy, Theories, and Trends in the 21st Century: International and Israeli Perspectives. Basingstoke: Springer Nature, 2021. 162 p.
2. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Дискурсы академического капитализма и традиции образования: контексты взаимодействия в исследовательских университетах // Вестник Казанского технологического университета. Том:15. Номер: 15 Год: 2012. С. 293-294.
3. Тузиков А. Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020 №1 (26) с. 60-65
4. Douglas J., Douglas A., McClelland R., Davies J. Understanding Student Satisfaction and Dissatisfaction: An Interpretive Study in the UK Higher Education Context // Studies in Higher Education. 2015. no. 40 (2). P. 329-349.
5. McDonell L. M. A political science perspective on education policy analysis // Handbook of education policy research. New York, NY: Routledge. 2009. P. 57-70.
6. Mathauer I., Carrin G. The role of institutional design and organizational practice for health financing performance and universal coverage // Health Policy. 2011. Vol. 99. no. 3. p. 183-192. DOI:10.1016/j.healthpol.2010.09.013.
7. Соловьев А.И. Институциональный дизайн российской власти: исторический ремейк или матрица развития? // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 64-76.
8. Анахин Т.В. Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация // Вестник БГУ. 2013. №6. С. 129-133.

9. Klijn E. H., Koppenjan J. Institutional design: Changing institutional features of networks // *Public Management Review* March. 2006. no. 8(1). P. 141-160.
10. Купряшин Г. Л. Институциональный дизайн и концептуальные ориентиры модернизации государственного управления // *Государственное управление*. 2011. № 26. С. 1-14.
11. Ostrom E. Background on the Institutional Analysis and Development Framework // *Policy Studies Journal*. 2011. no. 39(1). P. 7-27.
12. Goodin R. E. (ed.) *The Theory of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 288 p.
13. Coleman J. *The Foundations of Social Theory*. Cambridge; London: Belnap Press, 1990. 993 p.
14. Полтерович В. М. Современное состояние теории экономических реформ // *Пространственная экономика*. 2008. №2. С. 6-45.
15. *The SAGE Handbook of Comparative Politics*. SAGE Publications: 2009. 560 p.
16. Кирдина-Чэндлер С. Г. Институциональный дизайн российских экономических реформ: факторы успеха // Кирдина-Чэндлер Светлана. Персональный сайт. URL: <http://www.kirdina.ru/doc/news/11apr21/1.pptx> (дата обращения: 26.05.2021).
17. Вольнский А.И. Институциональный дизайн и теория реформ в российском экономическом дискурсе // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16. № 4. С. 29-40.
18. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития и гражданская культура // *Научные труды вольного экономического общества России*. 2017. № 3. С. 314-328.
19. Агаркова Д. А. Принципы реализации государственной политики в сфере образования в рамках нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2013. №2. С. 101-107.
20. Курбатова М. В., Донова И. В., Кранзеева Е. А. Высшее образование в регионах ресурсного типа: между задачами ведомственного и регионального развития // *Terra Economicus*. 2021. №19(1). С. 109-123. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-109-123.
21. Головчин М. А. Образование в институциональном измерении: ландшафт и ловушки // *Human Progress*. 2019. №6. С. 1-16.
22. *The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19*. Washington DC: World Bank, 2020. 190 p.
23. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы: стат. бюллетень / Росстат. М., 2019. 380 с.
24. Кирдина-Чэндлер С. Г. Мезоуровень: новый взгляд на экономику? М.: Институт экономики РАН, 2017. 36 с.
25. Полухина Е. В., Просянюк Д. В. Методы анализа текста в смешанном дизайне исследования // *Политическая наука*. 2015. №2. С. 104-116.
26. Гаврилюк Т. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Стратегия и практика контент-анализа комментариев к новостям социально-политического характера в сети интернет // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21535> (дата обращения: 14.04.2021).
27. Иудин А. А., Рюмин А. М. Контент-анализ текстов: компьютерные технологии. Нижний Новгород: ННГУ, 2010. 37 с.
28. Булатова И. М. Контент-анализ в контексте педагогического исследования на материале иностранного языка // *Вестник Казанского технологического университета*. 2011. №13. С. 265-270.
29. Боришполец К. П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. 221 с.
30. Белова К. М., Судаков В. А. Исследование эффективности методов оценки релевантности текстов. М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2020. 16 с.
31. Домбровская И. А., Домбровский М. А. Институциональные отношения в экономике предприятий региона. Пермь, Российский государственный университет туризма и сервиса, 2008. 164 с.
32. Муравьёва Е. В., Сазанова С. Л. Институциональная среда образования и конкурентоспособность образовательных услуг российских вузов // *Управление*. 2016. №3. С. 26-30. DOI: 10.12737/21293.
33. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Развитие инновационной инфраструктуры исследовательских университетов через трансформацию образовательного процесса // *Вестник Казанского технологического университета*. 2012. Том:15. №15. С. 287-292.
34. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Глобальные тренды в развитии университетского образования и вызовы дистанционных технологий // *Университетское управление: практика и анализ*. 2014. №4-5. С. 44-51.

Сведения об авторе:

©Головчин Максим Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела образа и уровня жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Российская Федерация, Вологда, e-mail: mag82@mail.ru.

Information about the author:

©Golovchin Maksim Aleksandrovich – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher of the Department of lifestyle and living standards of the population, Vologda Research Center of RAS, Russian Federation, Vologda, e-mail: mag82@mail.ru.

УДК 316.334

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ КОММУНИКАЦИОННЫХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ЦИФРОВЫХ ФОРМАТОВ В РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 21-011-33006

Ключевые слова: молодежная политика, социальная активность, информационно-коммуникационные технологии, сетевое пространство, общественно-политическая деятельность

В последнее десятилетие развиваются новые технологии с возможностями мгновенного информирования и вовлечения молодежи, что способствует интеграции молодых людей в общественную жизнь. Благодаря возможности интерактивного общения, они могут использоваться для обмена различной информацией и активному вовлечению молодежи в общественную жизнь для инициирования процесса перемен. Также, цифровые технологии обеспечивают молодежные коммуникации и способны активировать мобилизацию и организацию молодежи на социальную активность. Современная молодежь, особенно в возрастном сегменте поколения Z, организует пространство своей жизнедеятельности в социальных сетях. В них новое поколение ищет и находит свою идентификацию, у них вырабатывается особый язык коммуникации в информационно-сетевых ресурсах, «агенты социализации» этого поколения конструируют и «выбрасывают» смыслы и ценности в сетевое пространство. Социальные коммуникации помогают молодежи наиболее ярко выразить себя и подстроить под «культуру момента» фрагментарность и множественность интересов. Все это требует выстраивания коммуникаций с новыми представителями молодого поколения с учетом их специфики. Приведенные характеристики молодого поколения предполагают проектирование нового языка и технологий государственной молодежной политики. Применение Интернет-технологий становится одним из востребованных и эффективных механизмов в реализации основных направлений молодежной политики России посредством создания Интернет-сервисов и наполнением их соответствующим контентом. В контексте современной молодежной политики России, новые информационно-коммуникационные технологии являются одним из основных инструментов, влияющих на реализацию ее основных направлений.

R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov

INSTITUTIONALIZATION OF NEW COMMUNICATION AND ACTIVITY DIGITAL FORMATS IN WORK WITH YOUTH

The reported study was funded by RFBR and EISR according
to the research project № 21-011-33006

Key words: youth policy, social activity, information and communication technologies, network space, social and political activity

In the last decade, new technologies have been developing with the ability to instantly inform and involve young people, which contributes to the integration of young people into public life. Thanks to the possibility of interactive communication, they can be used to exchange various information and actively involve young people in public life to initiate the process of change. Also, digital technologies provide youth communication and are able to activate the mobilization and organization of youth for social activity. Young people of today, especially in the age segment of Generation Z, organize the space of their life in social networks. In them, the new generation seeks and finds its identification, they develop a special language of communication in information-network resources, the «socializa-

tion agents» of this generation construct and «throw» meanings and values into the network space. Social communications help young people to express themselves most vividly and to adjust the fragmentation and multiplicity of interests to the «culture of the moment». All this requires building communications with new representatives of the younger generation, taking into account their specifics. The given characteristics of the younger generation imply the design of a new language and technologies for state youth policy. The use of Internet technologies is becoming one of the demanded and effective mechanisms in the implementation of the main directions of Russia's youth policy through the creation of Internet services and filling them with relevant content. In the context of modern youth policy in Russia, new information and communication technologies are one of the main tools influencing the implementation of its main directions.

Современные информационно-коммуникационные технологии сети Интернет позволяют не просто знакомиться с информацией о каких-либо социально значимых, глобальных или общественно-политических событиях и организациях, но и упрощают процесс привлечения молодых людей к участию в этих событиях. Блоги, форумы, подкасты, социальные сети, способствуют возникновению новой среды общения, которая меняет характер социальных взаимодействий [1]. На сегодняшний день сеть Интернет является уникальной платформой практически для всех глобальных социальных коммуникаций XXI века. Основную часть пользователей, сети Интернет, составляет молодое поколение в возрасте от 14 до 29 лет.

Интернет является преимущественным информационно-коммуникационным средством у молодежи, что обусловлено быстротой передачи и объективностью информации, при этом качество и объективность информации зависит от самих потребителей, потому что они сами выбирают источники информации. Одним из главных положительных свойств сети Интернет является то, что современные Интернет-технологии способствуют более раннему включению молодежи в социальную и общественно-политическую деятельность. Имея хотя бы мобильный телефон, современный подросток может принимать участие в политической, экономической, культурной и научной деятельности общества. Интернет является искусственным каналом коммуникации, к его характерным особенностям относят:

- отсутствие централизованной организационной структуры (Интернет принадлежит всем и никому одновременно);
- практически мгновенную скорость распространения информационного сообщения;
- высокую информационную плотность – миллиарды сайтов в более чем 100 странах мира;
- высокий уровень интерактивности, т.е. взаимодействия простых пользователей

друг с другом и с представителями различных структур;

- возможность таргетинга, т.е. выделения целевой аудитории из всей совокупности;
- мультимедийность, т.е. сочетание в одном продукте нескольких типов информации, таких как текст, анимация, графика и звук [2].

В стратегии «Молодежь - 2030» ООН обозначены пять приоритетных направлений, призванных улучшить жизнь молодых людей: 1) вовлечение, участие и пропагандистская деятельность; 2) заложить основы информированности и здоровья; 3) расширить экономические права и возможности с помощью достойной работы; 4) защищать и поощрять права молодых людей и поддерживать их участие в гражданской и политической деятельности; 5) обеспечение мира и повышение жизнестойкости – оказание поддержки молодым людям как катализаторам мира, безопасности и гуманитарной деятельности» [3].

Информационно-коммуникационные технологии сети Интернет сильно увеличили возможности информационного воздействия на граждан, прежде всего молодого возраста. Перед органами работы с молодежью возникают специфические задачи эффективного взаимодействия с молодыми гражданами на основе цифровых технологий. Новые коммуникационные и деятельностные цифровые форматы в реализации государственной молодежной политики требуют обоснования и институционализации. В стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года [4] выделены три области применения интернет-технологий в молодежной политике: 1) исследования молодежи посредством интернет; 2) образовательные и просветительские продукты для повышения социальной активности молодежи; 3) создание и поддержание ИТ насыщенной среды.

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют осуществлять следующие задачи:

- распространение информации о событиях, происходящих в сфере молодежной политики;

- обеспечение молодых людей информационной и консультативной поддержкой посредством сети Интернет во всех актуальных сферах, а именно: обучение, трудоустройство, защита своих прав;

- распространение информации процессе о возможностях открытого онлайн для молодежи;

- создание интернет порталов государственных и общественных молодежных организаций и объединений России;

- пропаганда нравственных ценностей, гражданской культуры, здорового образа жизни и др.;

- вовлечение молодых людей в общественно-политическую деятельность.

Развитие Интернет-технологий изменило характер отношений в современном обществе. Сформировался ряд концепций и теорий, подчеркивающих возрастание информационного фактора в развитии молодежной политики. В современных условиях взаимодействие молодежи в обществе изучается в рамках социологических парадигм и концепций современности. К ним относятся в первую очередь концепции У. Бека, Э. Гидденса, З. Баумана.

У. Бек отмечает влияние глобального капитализма на демократические свободы, радикализацию социального неравенства, изменение принципов безопасности и социальной справедливости, усиление тенденций национализма [5]. Общество риска затрагивает и проблемы молодежи. Как отмечает У. Бек: «История распределения рисков показывает, что риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, а риски в низших...». Он акцентирует внимание на социальной природе риска, откуда возникает проблема социальной ответственности тех, кто их производит и извлекает из них выгоду [6]. Также, по его мнению, большое влияние на трансформацию структуры общественных отношений оказывает сокращение доли молодежи в общем составе населения, что приводит к росту социальной нагрузки на новое поколение и несоответствию между ожиданиями от молодежи и ее действительными возможностями для самореализации.

Бауман изучал вопросы глобализации и отвел ключевую роль в освобождении центров принятия решений от территориальных ограничений, связанных с привязкой к определен-

ной местности, современным телекоммуникационным технологиям и виртуальным финансам. З. Бауман пишет, что «Аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники не способствует единообразию условий жизни человека, а, напротив, ведет к их резкой поляризации. Оно освобождает некоторых людей от территориальных ограничений и придает экстерриториальный характер некоторым формирующим общество идеям – одновременно лишая территорию, к которой по-прежнему привязаны другие люди, ее значения и способности наделять их особой идентичностью» [7]. Глобализация экономики и развитие телекоммуникационных технологий определяют становление сетевого общества. Мануэль Кастельс, в работе «Информационная эпоха» (The Information Age), пишет о формировании новой формы экономики. Доминирующей формой экономики в условиях глобализации становится «информационный капитализм», обусловленный развитием сетевых связей. Глобальные сетевые связи становятся предпосылкой развития новых форм социальной организации, когда преимущественными становится обмен информацией между сообществами.

Используя интеграцию различных научных подходов, наше исследование приобретает глубоко научный смысл, предоставляет возможность изучить использование цифровых технологий в государственной молодежной политике.

Информационное общество характеризуют слабые социальные сети и формирование глобальных связей за счет единого интернет пространства, при этом утрачивают силу ближние социокультурные связи. К важнейшим социокультурным последствиям распространения мировой Сети относят рост неравенства, фрагментацию общества, ослабление социальных связей, в том числе распад реальных сообществ, снижение уровня доверия и социального и гражданского участия и др. [8].

Наиболее популярными и эффективными информационно-коммуникационными порталами среди молодежи, на сегодняшний день, являются социальные сети и интернет блоги. Они вмещают в себя огромный функционал, позволяющий общаться, проводить видеосвязь, делиться собственным мнением, просматривать новости, объединяться в группы по интересам и т.д. Топ социальных сетей по охвату аудитории представлен на рисунке 1 [9].

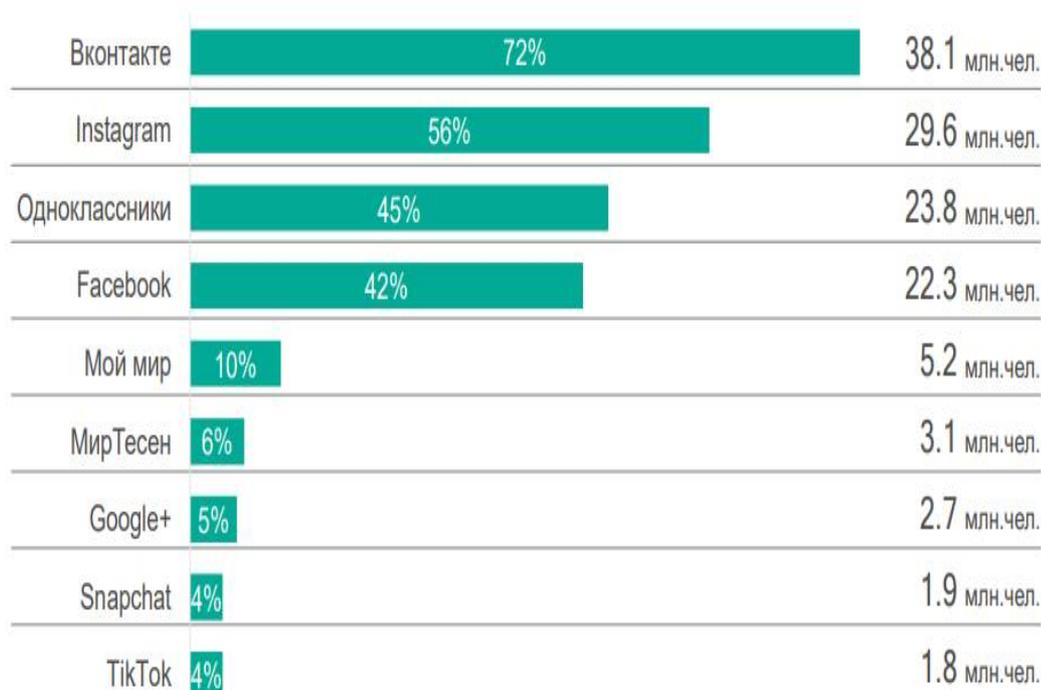

Рис. 1. – Охват аудитории, % от населения

Исследования Левада-центра [10] показали, что интенсивность пользования интернетом растет во всех возрастных группах (рис. 2). Среди поисковых систем по числу просмотров

лидирует: Яндекс (31%), Google (16%), Mail.ru (5%), Рамблер (2%), другие (1%).

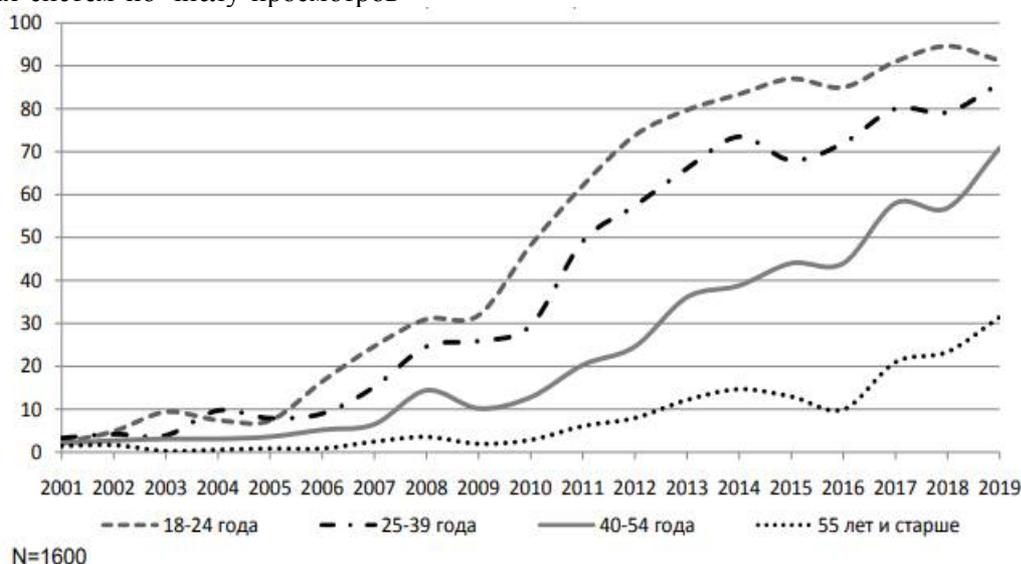

Рис. 2 – Интенсивность пользования интернетом среди возрастных групп

Как видим, интенсивный рост наблюдается в возрастной группе 25-39 лет.

Например, применение Интернет-технологий в реализации направлений молодежной политики посредством социальных сетей и интернет блогов, показало свою эффективность в популяризации волонтерской деятельности в России. На подобных интернет-

платформах существует множество групп, разбитых по интересам (донорство, спортивные мероприятия, благоустройства площадок и др.), в которых в видеоформате представлены достоинства и недостатки волонтерской деятельности. Любой пользователь может присоединиться к сообществу, близкому ему по интересам, поделиться в сети какой-либо ново-

стью у себя на странице, делая своеобразную рекламу среди своих подписчиков и пропагандируя общественную деятельность. Эффективность этого механизма заключается в простоте размещения публикаций, содержащих информацию, полученную из первых рук, что вызывает большее доверие, в отличие от традиционных СМИ.

Информационно-коммуникационные средства в современной России, пользуются большой популярностью как среди политических деятелей, так и среди медийных персон. Они имеют официальный веб-сайт и страницы в социальных сетях, активно ведут блоги, расширяя целевую аудиторию, размещают актуальную информацию, что делает их намного ближе к обычным гражданам. Это позволяет пользователям знакомиться с их жизнью изнутри, получать информацию из первых рук и при этом оставлять свои комментарии и получить ответ на них, что ломает так называемый барьер и, чаще всего, способствует повышению доверия к людям, разместившим информацию.

Свободное распространение и потребление информации в сети Интернет, ее глобализация и повседневное внедрение, а также развитие информационно-коммуникационных технологий имеет и обратную сторону, а именно: усиление психологического воздействия на молодежь и на общество в целом. Бесконтрольно распространяемая информация в сети может содержать в себе материалы негативного или экстремистского характера, пропаганду девиантного поведения и т.п., то есть, сеть Интернет может быть использована в качестве механизма нарушения процесса социализации, дестабилизации общества, навязывания негативных убеждений, и в том числе привести к разрушению внутривнутриполитической стабильности государства.

В связи с этим должны создаваться и совершенствоваться различные молодежные Интернет-ресурсы с актуальным, агитационным, образовательным, профориентационным и полезным контентом, в контексте реализации молодежной политики России, в целях повышения ее эффективности. Для выявления особенностей применения Интернет-технологий в реализации молодежной политики были проанализированы современные Интернет-ресурсы организаций, деятельность которых заключается в социализации молодежи, привлечения ее к общественно-политической деятельности. Основными параметрами исследования веб-страницы были выбраны следующие характеристики ресурсов:

- информация об организации;
- направление деятельности;

- информация о реализуемых проектах;
- наполнение контента и периодичность его обновления;
- наличие обратной связи воспитанников и возможности комментирования и обсуждения;

В качестве примера приведем сайт «Росмолодежи».

Сайт агентства «Росмолодежь» содержит ссылки на сайты мероприятий и форумов, с возможностью подачи онлайн-заявки на участие. Кроме того, он отлично интегрирован с такими интернет-сервисами как «Instagram», «Telegram» и «Youtube», «ВКонтакте», «Twitter», «Facebook». Например, на страницу «Росмолодежи» Вконтакте, находящейся в открытом доступе, подписано более 66 000 человек [11]. Посредством этой социальной сети, ее пользователи могут осуществлять переписку с агентством, также знакомиться с новостями, фото- и видеоматериалами, размещенными на странице. Основной контент страницы состоит из новостей и медиа файлов, содержащих информацию о деятельности агентства, прошедших и предстоящих мероприятиях, а также общественно-политической значимой информации, и носит информационный, рекламный и агитационный характер. Также, на странице агентства «Росмолодежь» в социальной сети «ВКонтакте» размещены ссылки на внешние сайты мероприятий и организаций, связанных с общественной и политической деятельностью молодежи. В «Instagram» на аккаунт агентства «Росмолодежь» подписано более 19 000 человек. Аккаунт агентства содержит официальные фото – и видео-материалы о прошедших и предстоящих мероприятиях, а также общественно-политическую значимую информацию. Данный сервис также позволяет комментировать и обсуждать записи, оставленные в аккаунте агентства.

На данном примере мы продемонстрировали как Федеральное агентство по делам молодежи «Росмолодежь» посредством современных Интернет-технологий выстраивает взаимодействие между активной молодежью, органами государственной власти, работодателями, некоммерческими организациями путем рейтингования участников, учета их активности, создания профессиональных сообществ. Все это позволяет более эффективно реализовывать молодежную политику в стране.

Информационные технологии активно реализуются в образовании. Цифровая среда

образования выстраивается на сетевой логике использования информации, включается в сетевую экономику. Общение осуществляется в виртуальном пространстве, размываются пространственные и временные границы процессов обучения. Современная система образования предоставляет возможность обучения на дистанционных образовательных платформах. В систему современного образования стали включаться технологии веб 2.0, формироваться специализированные системы дистанционного обучения (СДО) на основе scorm (MOODLE, Прометей, E-Learning), используются социальные сети как коммуникационная среда обучения. Реализована концепция «обучение в любое время в любом месте», развиваются «облачные» технологии для формирования и наполнения систем дистанционного обучения Веб 2.0 как технологии для построения курсов, реализуется концепция мобильного образования. В вузах развивается дистанционное направление, создаются дистанционные институты. Преимуществами для вузов обладает онлайн-образование с созданием онлайн-курсов MOOCs (Massive Open Online Courses). К цифровым инновациям относят онлайн-обучение в виде смешанных форм обучения (blended learning) и развитие онлайн-курсов MOOC, количество которых ежегодно удваивается [12,13,14].

Кроме того, сетевые ресурсы становятся действенным инструментом рекрутинга студентов [15]. Например, по данным исследования Массачусетского университета, 98 % высших учебных заведений США имеют свои официальные странички в Facebook, 84 % – в Twitter, 86 % – в YouTube [16, 17].

Например, основными приоритетами платформы «Открытое образование» [18] являются:

1. Высшее образование для всех и везде. Доступность качественного высшего образования для всех граждан РФ без формальных (сдача ЕГЭ), территориальных и финансовых ограничений. Возможность освоить содержание программ бакалавриата, а

в будущем – магистратуры, каждому желающему.

2. Возможность зачесть курс в своём университете. Новый элемент системы российского образования – открытые онлайн-курсы – сможет перезачесть любой университет. Осуществление этого в реальной практике, расширяет границы образования для каждого студента;

3. Полный набор курсов от ведущих университетов.

Записаться на обучение можно на платформе «Открытое образование» посредством обычной регистрации. Также, на сайте, можно подписаться на появление новых и интересных курсов.

В современных концепциях государственной молодежной политики наиболее ярко выражены две модели урегулирования отношений в молодежной среде. Первая модель основывается на ведущей роли государства в сфере молодежной политики. Основой второй модели является преобладание структур гражданского общества при участии и контроле государственной деятельности в сфере молодежной политики [19].

За последнее время произошли значительные изменения в области молодежной политики – поменялся подход к выявлению и решению социальных проблем молодежи в соответствии с динамикой культурных ценностей. С нормативного, стандартизованного формата управления вопросами молодежной политики мы перешли на максимально адаптированный, «современный» формат работы с молодежью – через максимальное приближение к первоисточнику, например, благодаря проекту «14.30» молодежь сама определяет проблемные зоны, формирует «повестку дня» в городе и регионе, участвует в решении реальных социальных дилемм, выдвигает и поддерживает своих кандидатов («молодое министерство», «молодежный парламент»), защищает проекты по преобразованию республики в различных направлениях, предлагает инновационные, нетривиальные решения по устранению пробелов регионального устойчивого развития.

Литература

1. Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. М., Издательский центр «МарТ», 2018. С. 183.
2. Касьянов В. В. Социология массовой коммуникации: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2018. С. 427.
3. Электронный ресурс. URL: https://www.un.org/youthenvoy/wp-content/uploads/2014/09/WEBR-UN-YouthStrategy_Booklet_-Russian-for-WEB.pdf (дата обращения 20.06.2021)

4. Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения 20.06.2021).
5. Батуренко С. А. Ульрих Бек о влиянии глобализации на систему социального неравенства в современном обществе. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015;(2):115-129. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2015-0-2-115-129>.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 40.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. –М.: Весь мир, 2004. С. 18.
8. Левин П. Интернет и гражданское общество // Интернет в общественной жизни. М.: Идея-Пресс, 2006 С. 96.
9. Социальные сети в цифрах. URL:<https://mediascope.net/upload/iblock/f97.pdf> (дата обращения 18.11.2020).
10. Аналитический центр Ю. Левады. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/02/OM-2019.pdf> (дата обращения 10.06.2021).
11. Страница «Росмолодежи» в социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/rosmolodez> (дата обращения 23.06.2021).
12. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-45-57>.
13. Алексеев С. А. Трансформация использования информационно-коммуникативных технологий в условиях пандемии Covid-19 // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С. 37- 42.
14. Алексеев С. А. Коммуникативно-информационные технологии в повышении качества городской среды // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С. 36-40.
15. Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. №4 (17). С.70-74.
16. Лутошлива Е. С. Интернет как средство электронной социальной коммуникации. URL: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/tch2009.1_soderzhanie/Tch-1-82.pdf (дата обращения 18.06.2021).
17. Ивченкова М. С., Кошелев А. А. Социальные аспекты влияния Интернет-рекламы на потребительское поведение современной молодежи // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С. 51-56.
18. Открытое образование URL: <https://openedu.ru/> (дата обращения 23.06.2021).
19. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Тренды молодежной политики за рубежом // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Том: 15. №10. С. 345-348.

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushanya Ilyshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

УДК 316.346

А. Г. Спиридонов

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАХ
ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПОЗИТИВ УЛИЦ»**

Ключевые слова: Государственная молодёжная политика, Приволжский федеральный округ, молодежь, молодежные субкультуры, проект «Позитив улиц»

Статья посвящена вопросам реализации государственной молодежной политики в регионах Приволжского федерального округа: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Пермский край, Удмуртская Республика. В статье приводятся данные, полученные автором в ходе анализа институционально – правовых основ молодежной политики в данных регионах, а также комплексного исследования молодежных субкультур. На основе полученных результатов автор предлагает Межрегиональный проект развития уличной культуры, искусства и спорта «Позитив улиц», как способ выстраивания взаимодействия между представителями исполнительной власти и представителями молодежных субкультур.

A. G. Spiridonov

**IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY IN THE REGIONS OF THE VOLGA
FEDERAL DISTRICT. INTERREGIONAL PROJECT «POSITIVE STREETS»**

Key words: State youth policy, Volga Federal District, youth, youth subcultures, the "Street Positive" project

The article is devoted to the implementation of state youth policy in the regions of the Volga Federal District: the Republic of Tatarstan, the Republic of Bashkortostan, the Nizhny Novgorod Region, the Perm Territory, the Udmurt Republic. The article presents the data obtained by the author during the analysis of the institutional and legal foundations of youth policy in these regions, as well as a comprehensive study of youth subcultures. Based on the results obtained, the author proposes an Interregional project for the development of street culture, art and sports «Street Positive», as a way to build interaction between representatives of the executive branch and representatives of youth subcultures.

Государственная молодежная политика (ГМП) является целенаправленной деятельностью государства, включающая систему мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене [1, 4].

Молодежная политика направлена на решение комплексных задач в сферах права, политики, труда, науки и образования, культуры и спорта, национальных и межконфессиональных вопросов.

Проблемы молодежи – это не только проблемы конкретной социальной общности, в первую очередь это проблемы целого государства [16]. В этой связи молодежную политику необходимо рассматривать как крайне важное направление госу-

дарственной политики, учитывая все отраслевые программы и концепции. Выстраивая работу на следующих принципах:

1. сочетание интересов личности, общества, государства. Обеспечение сбалансированности интересов и прав объектов молодежной политики;
2. взаимодействие органов публичной власти участвующих в реализации ГМП на всех уровнях Российской Федерации;
3. комплексный подход при формировании и реализации молодежной политики в Российской Федерации;
4. открытость и равный доступ объектов молодежной политики к действующим мерам государственной поддержки;
5. приоритет в оказании государственной поддержки социально незащищённым объектам ГМП;
6. обязательность участия объектов молодежной политики в формировании ГМП.

В ходе исследования был проеден анализа действующего нормативно-правового обеспечения молодежной политики, в субъектах Российской Федерации (Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Нижегородская область, Пермский

край и Удмуртская Республика). Были выделены следующие проблемы:

– отсутствие профильных законов и региональных программ в области молодежной политики;

– отдельные правовые акты были приняты на раннем этапе становления молодежной политики в Российской Федерации, и требуют доработки в условиях нового времени;

– реализуемые федеральные программы в области молодежной политики строятся на громоздком, неповоротливом механизме управления;

– необходимость доработки Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации».

Анализ институционально – правовых основ молодежной политики в этих регионах показал наличие нескольких типов молодежной политики на региональном уровне:

– Регионы с отраслевым принципом реализации молодежной политики (Пермский край, Нижегородская область);

Таблица 1 – Интегральная оценка реализуемой ГМП в регионах ПФО

	РТ	РБ	НО	УР	ПК
Механизм №1	1,923	1,075	1,016	1,282	1,075
Механизм №2	1,928	2,019	2,085	2,093	2,036
Механизм №3	0,09	0,106	0,273	0,673	0,381
Итоговая оценка	3,941	3,2	3,374	3,391	2,992
Ранг региона	1	4	3	2	5

По результатам интегрального рейтинга регионов Приволжского федерального округа Республика Татарстан заняла первое место с индексом 3,941. Второе место заняла Удмуртская Республика с индексом 3,391; третье место Нижегородская области с индексом 3,374; четвертое Республика Башкортостан 3,2; пятое место Пермский край 2,992.

Большую поддержку в реализации государственной молодежной политики в регионах ПФО может оказать инициативная молодежь. Так, вектор реализации молодежной политики следует направить как сверху вниз от органов государственной власти в сторону общества, так и от самой молодежи. Хорошим инструментом в данном случае является грантовая поддержка. При этом в Российской Федерации существует

Таблица 2 – Сумма полученного грантового финансирования из ФПГ

Год	Показатели	РТ	РБ	НО	УР	ПК
2021	Общ сумма	59821934	44159473,3	67979420,6	55913971,5	44976691
	Сред.сумма	1329376,3	817768	1618557,6	1075268,68	1450861
2020	Общ сумма	223053964	161440449	202952814	101433209	184702062
	Сред.сумма	1664581,8	1021775	1845025,58	922120,1	1828733,3
2019	Общ сумма	146050557	108570919	124310106	77077935	128720087
	Сред.сумма	1718241,85	1167429,24	1775858,56	1223459,3	1693685
2018	Общ сумма	174065372	96136016	105744104,5	78873417	157580843,9
	Сред.сумма	1723419,5	1105011,7	1489353,6	1251959	1811274
2017	Общ сумма	139574914,1	73372819	97788294	63356629	100261919,9
	Сред.сумма	1568257,46	1063374	1527942	2043762	1643638

– Регионы, в которых действует отдельный орган по реализации молодежной политике (Республика Татарстан);

– Регионы с совмещенным характером реализации молодежной политики (т.е. министерство отвечает сразу за 2 или 3 отрасли) (Удмуртская Республика, Республика Башкортостан).

Интегральный рейтинг регионов Приволжского федерального округа (ПФО) включал анализ следующих механизмов:

1) Нормативно-правовой механизм (профильные региональные законы и программы о молодежи и молодежной политике).

2) Проектный механизм (активность регионов на предмет подачи заявок, качество подаваемых проектов в Фонд Президентских грантов).

3) Информационный механизм (официальные информационные порталы профильных органов, реализующих молодежную политику в каждом из выбранных регионов).

несколько десятков грантовых площадок для всех категорий молодых людей. Так, молодые ученые получают поддержку из Российского фонда фундаментальных исследований, общественные организации в которые входят по большей части молодые люди активно участвуют в конкурсе Фонда Президентских грантов (ФПГ). Так, в 2019 году 744 проекта из Приволжского федерального округа получили финансирование в размере 1 132 271 711, 5 рублей, а в 2020 году Приволжский Федеральный округ стал лидером по привлечению финансирования в свои регионы на сумму 1 584 800 000 рублей [21]. Что говорит о высокой активности как общественных организаций, так и молодежи, актуальности проектов и качестве подаваемых заявок. Данные по анализируемым регионам представлены в таблице 2.

Физические лица пробуют свои силы в конкурсах Федерального агентства Росмолодежь, которое является основным субъектом в области реализации ГМП в Российской Федерации [17]. Отдельного внимания заслуживают региональные инструменты поддержки. В Республике Татарстан каждый год проходит конкурс на право получения грантов Благотворительного Фонда «Татнефть», Министерство по делам молодежи РТ ежегодно оказывает поддержку молодым людям на развитие гражданского общества. В Пермском крае такую поддержку оказывает Фонд губернаторских грантов.

Сегодня во всем мире существует большой запрос на качество реализуемой молодежной политики. Каждое мероприятие должно быть адресно направленным. Однако, не каждый молодой человек, нуждающийся в поддержке, готов принять предоставляемую возможность и пойти на контакт с государством. Это особенно чувствуется в среде молодежных субкультур. Как правило, молодые люди создают свое окружение по интересам, в поисках самореализации, творческого роста. Чаше это молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет, за исключением профессионально занимающихся субкультурой, чей возраст превышает 35 лет [14,22, 23,24,25,26].

В рамках данной работы было проведено комплексное исследование молодежной субкультуры в Приволжском федеральном округе. Целями исследования были:

1. Выявление отношения представителей уличной субкультуры к органам исполнительной власти и к реализуемой ими ГМП.

2. Выявления отношения общества к представителям уличных субкультур.

Исследование состояло из двух частей: анкетный опрос и интервью. В качестве площадки для анкетного опроса использовалась «Google Form». Анкетирование состояло из двух типов анкет:

Анкета 1. «Молодежная субкультура и современное общество». Респонденты не имеющие отношения к субкультурной среде. В данном опросе приняло участие 71 респондент. Анкета состояла из 15 вопросов.

Анкета 2. «Субкультура как современная модель общества». Респондентами опроса стали действующие представители уличных субкультур. В опросе приняли участие 119 респондентов. Средний возраст 16-26 лет.

Было установлено, что 70,4 % респондентов из числа людей, не имеющих отношения к субкультуре, считают, что субкультура прямым образом влияет на развитие современной молодежи. В то время как 56,3% из них, относят это влияние в положительную сторону. И только 2, 8% считают, что субкультура влияет отрицательно. 35,2 % респондентов считают, что причиной вступления молодежи в субкультуру

является протест обществу. 64,8 % сходятся во мнении, что причина заключается в желании молодежи выделиться, а, следовательно, самореализоваться. На вопрос о возможности зарабатывать, занимаясь субкультурой 56,3 % респондентов ответили да, и только 2,8 % ответили что это невозможно. Во втором анкетном опросе приняло участие 119 представителей молодежных субкультур в возрасте 14 до 35 лет, преимущественно из Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Саратовской области. Большая часть респондентов была представителями смешанных субкультурных направлений: экстремальных, танцевальных, музыкальных. Что подчёркивает обширностью интересов и разностороннее развитие молодежи. Ответом на вопрос – «Что для тебя субкультура?», только 8,4 % опрошенных ответили – протест, по сравнению с приведенными результатами по первой анкете - 35,2 %. Основными вариантами ответа молодежи были: хобби, тусовка и способ самовыражения. Важным вопросом для проводимого исследования стал: «Чувствуешь ли ты поддержку государства?». 37,8% ответили, что ощущают поддержку. Тогда как 48,7% этой поддержки не ощущают. Учитывая тот факт, что Республика Татарстан находится на 1 месте в Рейтинге регионов по качеству реализуемой молодежной политики, по версии Федерального агентства по делам молодежи за 2019 год, полученные результаты могут говорить о следующем:

1. Вопрос развития молодежных субкультур требует особого внимания со стороны государства.

2. В крупных городах, таких как: Казань, Альметьевск, Набережные Челны имеется должная инфраструктура для развития экстремального спорта, творчества. Проводится большое количество профильных мероприятий, в то время как в маленьких городах все это только предстоит сделать.

3. Плохая информированность молодежи о реализуемых проектах в области молодежных субкультур.

На вопрос «Знаете ли вы об успешных проектах в области молодежной субкультуры?», 60,2% респондентов ответили - да. Это автоматически снимает с рассмотрения версию №3. При этом 78% опрошенной молодежи считают важным выстраивание взаимодействий с государством. Однако, учитывая практическую составляющую этого вопроса, молодежь на муниципальном уровне, как правило, тяжело идет на контакт с представителями исполнительной власти. Это объясняется тем, что при соприкосновении формальной и неформальной среды трудно построить диалог, а порой и выйти на контакт.

Ответом на полученные результаты стал Проект развития уличной культуры искусства и спорта «Позитив улиц». Дорожная карта проекта представлена на рисунке 1.

Рис. 1 – Дорожная карта проекта «Позитив улиц»

В 2017 году проект стартовал в Советском районе города Казани, а к 2021 году перерос в Межрегиональный проект с реализацией в Приволжском федеральном округе: Республика Татарстан, Нижегородская область, Пермский край, Удмуртская Республика. Проект решает несколько задач, поставленных в данном исследовании:

1. В меру своей мобильности управленческой системы, он легко реагирует на возникающие изменения в процессе своей реализации.

2. Финансирование проекта предусматривает как грантовую поддержку, так и взаимодействие с партнёрами, спонсорами. Так, начиная с 2017 по 2019 года проект не имел грантового финансирования, однако, за это время он вышел на республиканский уровень.

3. Проект является связующим звеном между молодежью и представителями региональной и муниципальной исполнительной власти. Данную задачу выполняет площадка «Культурный спич» – место встречи и выражения мнений, взглядов лидеров молодежных субкультур. На знаковые встречи приглашаются представители исполнительной власти муниципалитетов для построения конструктивного диалога между городом и молодежными субкультурами.

4. Создается распределённая система управления проектом за счет создания на муниципальном уровне самостоятельных команд организаторов.

5. Проект решает вопрос трудоустройства молодежи. За время реализации проекта будет трудоустроено 8 представителей молодежных субкультур.

Порядка 94 договоров гражданско-правового характера будут заключены с молодыми людьми в регионах ПФО. Что предоставляет возможность молодым людям не только заработать, но и, в свою очередь, получить финансовую и юридическую грамотность.

7. Структуру проекта легко мультиплицировать для реализации в любом субъекте Российской Федерации. Методическими основами проекта может воспользоваться любая желающая, начиная от представителя молодежной субкультуры, заканчивая органами исполнительной власти.

За время реализации проект «Позитив улиц» был отмечен:

1. Победитель конкурса проектов среди специалистов профилактического направления, Комитет по делам детей и молодежи ИКМО г. Казани - 2017 год.

2. Победитель республиканского конкурса «Лучший бизнес проект для города» Министерства Экономики РТ и Фонда поддержки предпринимательства РТ – 2019 год.

3. Победитель конкурса «Энергия добра «Татнефти» - 2020» на соискание Грантов ПАО «Татнефть» в номинации "Молодежные проекты" – 2020 год.

4. Победитель конкурса грантов Президента Российской Федерации – 2021 год.

Сегодня у молодежи есть все возможности для самореализации. Важно рационально, целенаправленно использовать время молодости, вкладывая свой потенциал в саморазвитие, развитие своей малой и большой родины.

Литература

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489 «О молодежной политике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300003> (дата обращения 01.01.2021)
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.». Получен из Гарант: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения 05.11.2020)
3. Распоряжение Правительства России от 29 мая 2015 г. №996-р. (29 май 2015 г.). Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Получено из Гарант: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (дата обращения 16.01.2021)
4. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Получен из Гарант: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения 08.12.2020)
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. №996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания молодежи на период до 2025 г.» Получен из Гарант: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (дата обращения 15.12.2020)

6. Закон от 25 апреля 1997 года № 70-З. (25 апрель 1997 г.). О Молодежной политике в Нижегородской области. Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/944905604>(дата обращения 07.01.2021)
 7. Закон Пермской области «О государственной молодежной политике Пермской области». Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/910017643> (дата обращения 07.01.2021)
 8. Закон Республики Башкортостан от 12 ноября 1991 года № ВС-9/74. (12 ноябрь 1991 г.). О молодежной политике в Республике Башкортостан. Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/935108816>(дата обращения 07.01.2021)
 9. Закон Республики Татарстан от 19 октября 1993 года № 1983-ХП. (19 октябрь 1993 г.). О молодежи и государственной молодежной политике в Республике Татарстан. Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/917000266>(дата обращения 18.11.2020)
 10. Закон Удмуртской Республики от 29 декабря 2005 года № 79-РЗ. (29 декабрь 2005 г.). О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике. Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/960009222>(дата обращения 24.10.2020)
 11. Постановление от 21 ноября 2011 года № 934. (25 ноябрь 2015 г.). Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики Нижегородской области до 2020 года. Получено из Техэксперт: <http://docs.cntd.ru/document/944919106>(Дата обращения 17.01.2021 г.)
 12. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 11 июля 2018 г. № 563 «Вопросы Министерства по делам молодежи и спорту Республики Татарстан». Получен из Гарант: <https://base.garant.ru/22587416/>(дата обращения 12.01.2021)
 13. Проект Закона Пермского края «О государственной молодежной политике в Пермском крае» https://zsperrm.ru/s1/legislative_activity/lawmaking/MP_gmp.pdf(дата обращения 11.01.2021)
 14. Борзова Т.А. Культурно-антропологические основания ценностных ориентации молодежной субкультуры: автореферат... канд. культурологии: 24.00.01 / Борзова Татьяна Александровна. – Владивосток, 2006. – 28 с.
 15. Ваниянц Д. Ю. Социокультурные ценности современной российской молодежи: автореферат. ... канд. социологических наук: 22.00.06 / Ваниянц Диана Юрьевна – Ставрополь, 2001. 25 с.
 16. Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 / Зеленин Алексей Анатольевич. Нижний Новгород, 2009. 58 с.
 17. Официальный сайт Федерального агентства по делам молодежи URL: <https://myrosmol.ru/>(дата обращения 28.10.2020)
 18. Официальный сайт Министерства по делам молодежи РТ. URL: <https://minmol.tatarstan.ru/>(дата обращения 12.11.2020)
 20. Официальный сайт Министерства молодежной политики и спорта РБ URL: <https://mmmps.bashkortostan.ru/>(дата обращения 24.11.2020 г.)
 21. Официальный сайт Фонда Президентских грантов URL: <https://президентскиегранты.рф/>(дата обращения 05.01.2020)
 22. Atencio M., Beal B., Wilson C. The distinction of risk: urban skateboarding, street habitus and the construction of hierarchical gender relations/ Qualitative Research in Sport and Exercise. 2009. P 3-20.
 23. Зинурова Р. И. Институты воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С. 61-66.
 24. Тузиков А. Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С.63-68.
 23. Cooper, R. Models of youth work: a framework for positive sceptical reflection // Youth and Policy, 2012. No. 109 – p. 98-117.
 24. Dibou T. Towards a better understanding of the model of EU youth policy // Studies of Changing Societies: Youth Under Global Perspective Vol. 1(5) 2012 – p. 15-36.
 25. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С.57-62.
 26. Тузиков А. Р. Мониторинг мер государственной поддержки молодых талантов (концептуальные подходы и опыт Республики Татарстан) // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С. 67-73
- Сведения об авторе:
©Спиридонов Антон Геннадьевич – кандидат биологических наук, Региональная общественная организация «Развитие молодежи» РТ, Российская Федерация, Казань, e-mail: rmrt.kzn@gmail.com.

Information about the author:

©**Spiridonov Anton Gennadievich** – Candidate of Biological Sciences, Regional Public Organization «Youth Development» of the Republic of Tatarstan, Russian Federation, Kazan, e-mail: rmrt.kzn@gmail.com.

УДК 316.4:314.93

Е. А. Сухова

ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, молодежь, социальная активность, социологический опрос молодежи

В статье приведены результаты социологического исследования молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа, проводимого в сентябре 2020 года онлайн-анкетированием с привлечением респондентов методом поточной выборки и использованием таргетированной рекламы в социальных и медиа сетях. Выявлены и сравнены особенности социальной активности молодежи, проживающей в городах и сельской местности. Общими являются основные причины невовлеченности молодежи в социально активную деятельность населенных пунктов – низкая информированность о проводимых мероприятиях и имеющихся возможностях самореализации, неудобные графики работы и время проведения мероприятий. Выявлено наличие высокого потенциала для увеличения социальной активности молодежи городской и сельской местности. Наиболее удовлетворенными являются желания молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа участвовать в проектах и мероприятиях социальной активности в направлениях спортивной и культурной жизни, а также экологических мероприятиях. Наименее удовлетворенным является спрос на медицинское и онлайн волонтерство, участие в поисковых акциях. Достаточно высокий неудовлетворенный спрос на участие в общественно-политической деятельности. Выявлен запрос молодежи на расширение спектра направлений для проявления себя в творчестве и профессиональной реализации. Высоко востребованы организованные пространства в закрытых помещениях круглогодичного пребывания с возможностью организации досуга, обучения, занятий спортом и творчеством для населения не только молодого возраста (от 14 и до предельного возраста 35 лет), но и для населения всех возрастов. Сформулированы рекомендации по повышению вовлеченности в участие в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни населенных пунктов проживания.

Е. А. Sukhova

POTENTIAL AND IMPLEMENTATION OF SOCIAL ACTIVITY OF THE CITY AND RURAL YOUTH OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT

Keywords: Yamal-Nenets Autonomous District, youth, social activity, sociological survey of youth

The article presents the results of a sociological study of young people in the Yamal-Nenets Autonomous District, conducted in September 2020 by an online survey with the involvement of respondents by the method of streaming sampling and the use of targeted advertising in social and media networks. The features of social activity of young people living in cities and rural areas are identified and compared. The main reasons for the lack of involvement of young people in the socially active activities of settlements are common - low awareness of the activities being carried out and the available opportunities for self-realization, inconvenient work schedules and the timing of events. The presence of a high potential for increasing the social activity of young people in urban and rural areas was revealed. The most satisfied are the desires of the youth of the Yamal-Nenets Autonomous District to participate in projects and events of social activity in the areas of sports and cultural life, as well as environmental events. The least satisfied is the demand for medical and online volunteering, participation in search campaigns. Sufficiently high unsatisfied demand for participation in social and political activities. Revealed the demand of young people to expand the range of areas for self-expression in creativity and professional implementation There is a high demand for organized spaces in closed rooms for year-round stay with the possibility of organizing leisure time, education, sports and creativity for the population not only of the young age (from 14 to the maximum age of 35), but also for the population of all ages. Recommendations are formulated to increase involvement in participation in public, volunteer (volunteer), cultural, sports life of settlements of residence.

Молодежь – отдельная социально-демографическая группа. Эта часть населения находится в состоянии трансформации: физического созревания, социального роста, приоб-

ретения новых социальных статусов, первых самостоятельных решений и их результатов, выбора жизненного пути.

Молодежь через систему индивидуальных выборов воссоздает или по-новому конструирует общество как собственную реальность. [1] Преобразовывая себя и определяясь с личным выбором, они определяют изменения в обществе и новые направления в его развитии. Эта способность молодежи посредством своей деятельности преобразовывать общество изучается как понятие социальная активность. Золотухин [2] определяет социальную активность личности как системное качество, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, т.е. глубина и полнота связей личности с социумом, уровень превращения личности в субъекта общественных отношений. Самое главное достояние молодежи – энергия и желание действовать. Предполагается, что потенциал молодежи не полностью используется. А предлагаемые возможности для социальной реализации молодежи не до конца востребованы.

Если правильно определиться с инструментом (предложить молодежи интересные ей формы активностей) и направления деятельности (в соответствии с желаниями и интересами), то и молодежь получит ценный жизненный опыт, а в обществе будут внесены востребованные преобразования [3,4,5].

Целью исследования является выявление потенциала социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа. Где под социальной активностью понимается участие в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни. Определение интересов отдельных возрастных групп молодежи и их реализации. Выявления основных причин неполной вовлеченности молодежи в общественную жизнь населенного пункта и поиск резервов для увеличения социальной активности молодежи.

Объектом исследования является молодежь Ямало-Ненецкого автономного округа, предметом исследования – социальная актив-

ность молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа.

Для сбора первичной информации выбран метод онлайн-анкетирования. Генеральная совокупность исследования представляет собой население Ямало-Ненецкого автономного округа в возрасте от 14 до 35 лет и на начало 2019 года составляет 152,6 тысяч человек (по данным Росстата [3]). Анкетирование проводилось в период с 1 сентября по 14 сентября 2020 года. Привлечение респондентов осуществлялось методом поточной выборки с использованием таргетированной рекламы в социальных и медиасетях в сети Интернет. Всего было опрошено 1060 респондентов, удовлетворяющих условиям по возрасту 882 человека (185 жителей сельской местности и 697 горожан), что соответствует 0,6 % от генеральной совокупности.

Для определения уровня и потенциала социальной активности молодежи респондентам была задана группа вопросов, ответы на которые рассматривались в разрезе местности проживания для проведения сравнительного анализа особенностей потенциала и реализованной социальной активности молодежи.

Ответы на вопрос «Вы лично принимаете участие в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни Вашего населенного пункта?» представлены на рис. 1.

Можно предположить, что в городе больше проектов на постоянной основе, а сельская молодежь в большем объеме вовлечена социально активную деятельность.

На диаграмме представлено распределение ответов респондентов на вопрос: «В какой роли Вы бы могли себя проявить?» отдельно для сельской и городской молодежи, из которой можно сделать вывод, что у городской молодежи больше опыта и знаний для осуществления организаторской деятельности (рис. 2).

Рис. 1 – Участие молодежи в жизни населенного пункта

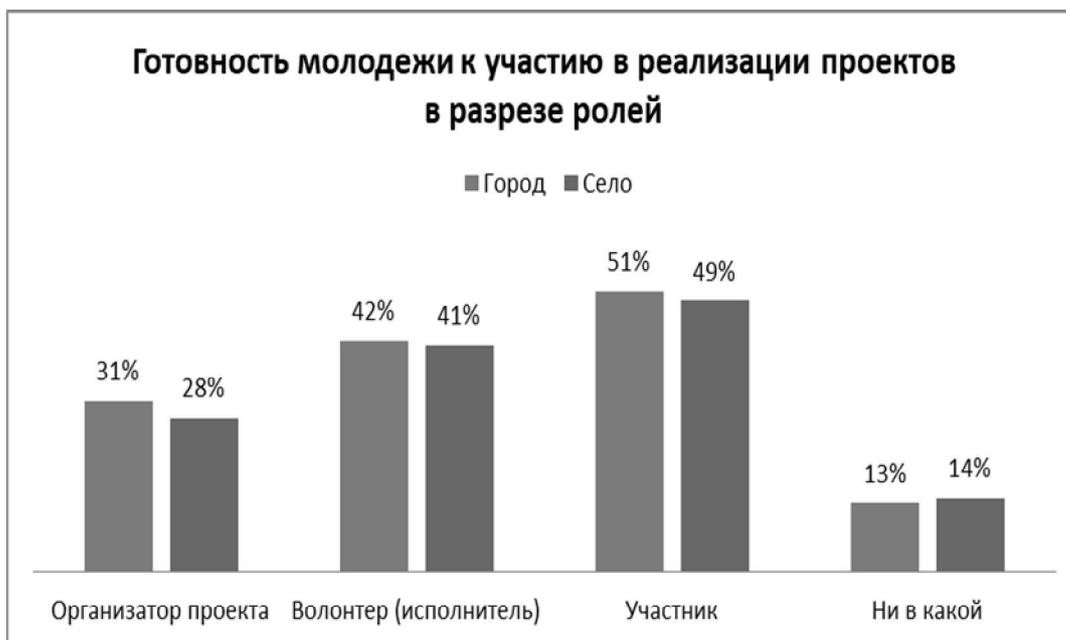

Рис. 2 – Готовность молодежи к участию в реализации проектов в разрезе людей

Для выявления востребованных видов социальной активности был задан вопрос: «В каком направлении социальной активности Вы участвовали и где бы еще хотели принять участие?» и были предложены 13 вариантов.

На диаграмме для сравнения представлены ответы участников отдельно для сельской и городской местности (рис. 3).

Рис. 3 – Потенциал и реализация социальной активности молодежи

Данные иллюстрируют, что у сельской молодежи выше не только активность, но и неудовлетворенное желание участвовать в мероприятиях социальной активности. Наиболее неудовлетворенными являются желания участвовать и для сельской и для городской молодежи: поисковые акции, медицинское волонтерство, общественная безопасность, помощь социально-незащищенным людям, общественно-политическая деятельность.

Если за востребованность направления социальной активности принять долю участвовавших плюс желающих принять участие, то рейтинги востребованности направлений будут выглядеть следующим образом. Желтым цветом выделены те позиции, которые не совпадают у сельской и городской молодежи (табл. 1).

Таблица 1 – Социальная активность молодежи в городе и на селе

Село	%	№	%	Город
Спортивная жизнь	86	1	80	Спортивная жизнь
Культурная жизнь	84	2	76	Культурная жизнь
Экологические мероприятия	82	3	76	Экологические мероприятия
Патриотические мероприятия	81	4	73	Помощь животным
Помощь социально незащищенным людям	81	5	73	Помощь социально незащищенным людям
Общественная безопасность (помощь в ЧС)	81	6	71	Организация крупных мероприятий
Организация крупных мероприятий	79	7	70	Патриотические мероприятия
Помощь животным	76	8	68	Общественная безопасность (помощь в ЧС)
Общественно-политическая деятельность	76	9	64	Общественно-политическая деятельность
Поисковые акции (поиск потерявшихся людей)	74	10	63	Поисковые акции (поиск потерявшихся людей)
Медиаволонтерство	71	11	58	Медиаволонтерство
Онлайн-волонтерство	71	12	56	Медицинское волонтерство
Медицинское волонтерство	71	13	55	Онлайн-волонтерство

В основном и у сельской и городской молодежи интересы похожи, но есть отличия. Вероятно особенности жизни на селе, где человек находится ближе к природе, а, следовательно, его безопасность и успешность больше зависит от самого себя, сплоченность общества и любовь к родине, помощь другим в чрезвычайной ситуации являются важными направлениями деятельности. А вот в городе, где жизнь че-

ловека больше защищена специализированными организациями и регуляторами помощь животным является более эффективным способом проявить себя.

На вопрос: «Почему Вы участвовали в общественной, добровольческой (волонтерской), культурной, спортивной жизни?» ответы распределились следующим образом (рис. 5).

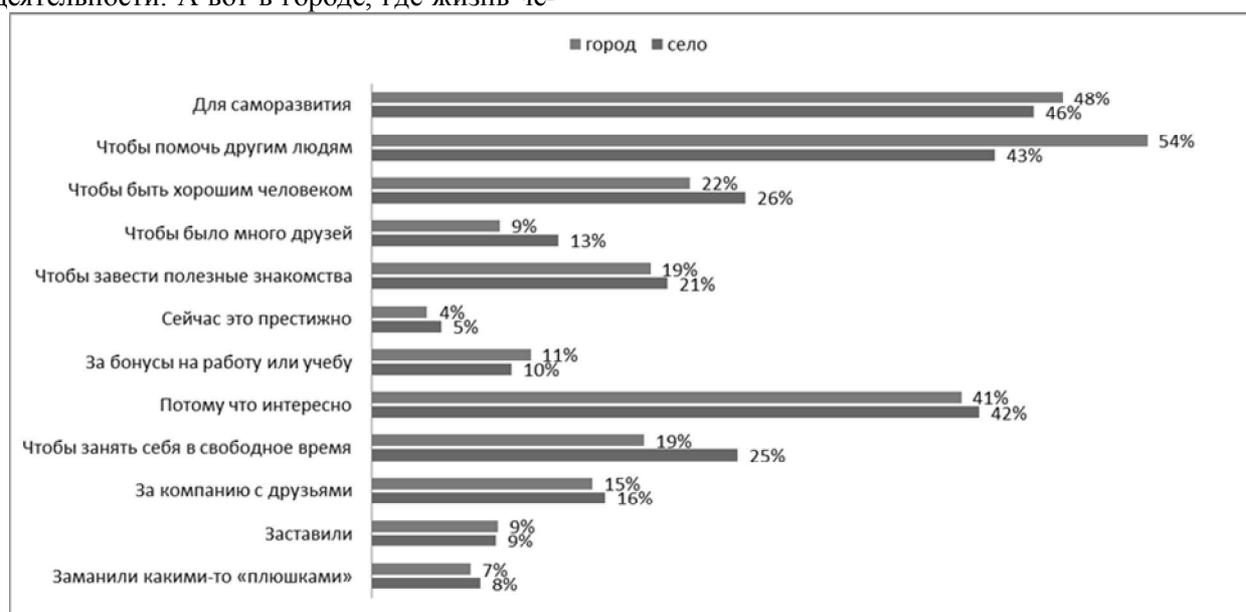

Рис. 5 – Мотивы участия в общественной, добровольческой, культурной и спортивной жизни, %

Из ответов респондентов можно сделать вывод, что самые популярные ответы «чтобы помочь другим людям», «для саморазвития» и «потому что интересно» и для села и для города, но ответ «чтобы помочь другим людям» для городской молодежи в большей степени важен.

Также можно сказать, что сельская молодежь чаще выбирает направление социальной активности «от нечего делать».

На вопрос «Почему Вы НЕ участвовали в проектах Вашего населенного пункта?» респонденты городской и сельской молодежи ответили не совсем одинаково (рис. 6).

Рис. 6 – Причины не участия в проектах населенного пункта, %

Самыми значимыми причинами являются «я плохо информирован», «в неудобное время проводятся», «мне неинтересно». Причем, для городской молодежи значение неудобного времени выше на 10 %, чем для сельской молодежи. А вот сельская молодежь в большей степени, чем городская молодежь боится быть осмеянной и верит в важность проводимых мероприятий.

На основании приведенных данных можно сделать следующие выводы.

Городская молодежь является более искушенной в участии в проектах социальной активности разных направлений, имеет больший опыт в организации и проведении мероприятий, она более требовательна к месту проведения и содержанию мероприятий. Городская молодежь больше занята и в меньшей степени информирована о предстоящих мероприятиях.

Сельской молодежи характерна меньшая опытность в организации мероприятий, но в гораздо большей степени востребованы все направления социальной активности. Сельская молодежь более стеснительна, инертна, «всеядна».

Для решения проблемы вовлеченности молодежи в социальную активность населенного пункта, где она проживает, необходимо учитывать особенности условий жизнедеятельно-

сти в этом пункте. Молодежь искренне отзывается на проблемы, возникающие в обществе (высокая востребованность в медицинском волонтерстве, поисковых акциях и в общественной безопасности (помощи при ЧС)) и прилагает свои усилия туда, где они окажутся полезными (помощь животным). Нужно учитывать, что в городе есть конкуренция между разными организациями за свободное время молодого человека, и активная молодежь максимально загружена, а неактивная молодежь не видит себя в предлагаемых формах. Чтобы вовлечь неактивную, но доступную к привлечению в социальную активность молодежь, нужно еще постараться. Это как доставать трудноизвлекаемую нефть из глубоких пластов – она там есть, но нужна другая технология.

Для решения проблемы неудобного времени проведения, желательно согласовывать мероприятия, проводимые разными ведомствами. Мероприятия культуры, образования и молодежной политики формировать в единый план и в таком виде предоставлять информацию населению. Применять в информировании молодежи популярные в ее среде каналы получения информации (медиасети Инстаграм, Тикток, Лайк). Проводить комплексные мероприятия, чтобы молодежь смогла попробовать себя в как можно большем количе-

стве направлений социальной активности. Больше сотрудничать с неформальными группами, тем более что сейчас есть возможность наладить связь с ними через социальные сети в Интернете.

Учитывая причины невовлечения в социальную активность сельской молодежи, следует проводить с ней просветительскую работу для убеждения в важности проводимых мероприятий, ну и самим организаторам верить в это. Со стеснительностью тоже нужно работать, не зря в свое время имели широкое рас-

пространение театральные кружки, самодеятельность, вовлекающие в свои мероприятия максимально большую часть молодежи. Попробовав себя один раз, молодой человек поверит в себя и не побоится участвовать в других направлениях социальной активности.

Еще большую детализацию особенностей и проблем социальной активности молодежи Ямало-Ненецкого округа можно будет получить при анализе полученных данных в разрезе муниципальных образований и возрастных групп.

Литература

1. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12-48..
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 19.05.2021).
3. Тузиков А. Р. Динамика политических предпочтений граждан России и проектирование политических «стартапов» // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С.64-70.
4. Никитина Т. Н. Социальные практики Республики Татарстан в области экологии // Управление устойчивым развитием. 2020 №1 С.51-59
5. Зинурова Р. И. Институты воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С.61-66.

Сведения об авторе:

©**Сухова Екатерина Александровна** – младший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований ГКУ ЯНАО Научный центр изучения Арктики, e-mail: learn2@yandex.ru.

Information about the author:

©**Sukhova Ekaterina Alexandrovna** – Junior Researcher of the Arctic Research Center of the Yamal Nenets Autonomous District, e-mail: learn2@yandex.ru.

УДК 316.334

А. А. Зинурова

ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ РОССИИ)

Ключевые слова: визуальная социология, социология повседневности, визуальная коммуникация, визуальный образ города, городская среда, городское пространство, городской дизайн, графический дизайн

В современных социально-экономических условиях развития городов становятся все более актуальными вопросы формирования визуальной среды города. Город является сложным организмом, имеющим информационно-коммуникативную природу. Исследование города как сложно устроенного визуального пространства развивает в научном сообществе тему сочетания исторической архитектуры города и его классических форм с тенденциями к изменению городского пространства с использованием средств графического дизайна. Формирование городской среды средствами графического дизайна отвечает ценностям современного мира - динамике и открытости, узнаваемости и информированию. Целью данной статьи является выявление основных принципов и современных тенденций формирования комфортной визуальной среды средствами графического дизайна. Рассмотрен опыт городов России в применении объектов инфографики в городском пространстве. Рассмотрены теоретические вопросы формирования визуального образа города, основные социологические парадигмы и подходы, определяющие различные аспекты его изучения. Обозначены причины, определяющие изменение городской архитектуры в сторону комфортной среды жизнедеятельности горожан. Сформулированы перспективы развития городского пространства средствами графического дизайна.

A. A. Zinurova

FORMATION OF THE VISUAL IMAGE OF THE URBAN ENVIRONMENT BY MEANS GRAPHIC DESIGN (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN CITIES)

Key words: visual sociology, sociology of everyday life, visual communication, visual image of the city, urban environment, urban space, urban design, graphic design

In the modern socio-economic conditions of urban development, the issues of the formation of the visual environment of the city are becoming more and more urgent. The city is a complex organism with an information and communication nature. The study of the city as a complex visual space develops in the scientific community the theme of combining the historical architecture of the city and its classical forms with the tendencies to change urban space using graphic design tools. Formation of the urban environment by means of graphic design meets the values of the modern world - dynamics and openness, recognition and information. The purpose of this article is to identify the basic principles and current trends in the formation of a comfortable visual environment by means of graphic design. The experience of Russian cities in the use of infographic objects in the urban space is considered. The theoretical issues of the formation of the visual image of the city, the main sociological paradigms and approaches that determine various aspects of its study are considered. The reasons that determine the change in urban architecture towards a comfortable environment for the life of citizens are indicated. Prospects for the development of urban space by means of graphic design are formulated.

Современные российские города были построены вследствие влияния политических и экономических интересов определенных групп населения, отвечали запросам трудовой миграции и проблемам размещения трудовых мигрантов, прибывших из сельских поселений в города с целью трудоустройства. Последние семьдесят лет масштабно велось строительство типовых многоэтажек, которые сложно было вписать в классические архитектурные ансамбли городов, имеющих историю существования не одного столетия. В итоге к 21 веку мы получили сочетание классических архитектурных форм с современными зданиями, от-

вечающими требованиям, далеким от гармонии и красоты архитектурного пространства. Проблемы построения городской среды, возникшие в 50-е годы, в последние годы актуализировали деятельность ученых по созданию проектов российских городов, выявлению и устранению причин, вызывающих диссонанс архитектурно-городского ландшафта. Научная актуальность проблемы, заявленной в статье, объясняется необходимостью осмысления городского пространства, отвечающего современным требованиям процессов глобализации, информатизации, виртуализации городской среды, ее обновления с позиции комфортного и

гармоничного существования людей в едином городском пространстве.

Основная проблема российских городов по мнению авторов, исследующих городскую среду, это отсутствие либо противоречивость градостроительной политики в применении современных архитектурных форм в городском пространстве, а также сложности в вписывании современной архитектуры в исторически сложившийся городской ансамбль. Исследование учеными городского дизайна обусловлено рядом причин. Первая причина заключается в неудовлетворенности жителями качеством городской среды, решение городских проблем, например, связанных с дорожно-транспортной отраслью. Проводимая градостроительная политика вызывает нарекания, монотонные дома, деление города на «классический» центр и периферию. Все эти причины побуждают исследовать тему формирования комфортной городской среды современными средствами графического дизайна.

Городское публичное пространство очень изменчиво, и эти изменения далеко не всегда позитивны. К проблемам проблемы публичного пространства города, относят: проблему коммерциализации городского пространства и ограничение использования его только избранными горожанами, отсутствие в городах России публичных пространств (скверов, площадей, парков). Еще одна проблема заключается в отсутствии пространств для коммуникации горожан, как следствие, отсутствие навыков общения в публичном пространстве людей различных субкультур, стилей и образов жизни. Еще одной проблемой становится ускоренный ритм жизни и мобильная среда города, под которую заточены все сферы городской среды, включая транспорт, информационные и социальные объекты. Неравномерное географическое распространение в городском пространстве значимых объектов, появление в городе пространств, чуждых для определенных групп и слоев населения.

Интересен опыт Великобритании, столкнувшейся с аналогичными проблемами. Английский исследователь городского пространства Дж. Викери считает, что «возрождение посредством культуры» указывает на наличие четырех форм, применяемых в архитектуре:

- «Флагманские» культурные сооружения. Это наиболее значимые новые общественные здания, например, галереи современного искусства.
- Знаковые для данной местности скульптуры или общественные художественные проекты.
- Инновационное структурное проектирование, например, мосты, проходы.
- Уникальные представления, события или фестивали.

Объекты современной архитектуры, по мнению автора, направлены на создание информационно-коммуникативного пространства, формирование идентичности и преобразование визуальной среды города [1, С. 206].

Создание городского пространства основывается на интеграции научных направлений, определяющих методологию его изучения и построения. К культурологии и искусствознанию присоединяются теоретические школы визуальной социологии и социологии повседневности. Методология создания городского пространства может основываться на теоретических положениях следующих социологических парадигм: натуралистской, структуралистской, конструктивистской и феноменологической. В натуралистической парадигме развивается тезис о том, что в городской морфологии можно увидеть особенности социально-экономической и политической организации, а также проблемы конкретного общества. В структуралистской парадигме предметом анализа выступает семиотика городской среды - визуальный текст города. В конструктивистской парадигме предмет визуального анализа - публичное пространство города, его функции и проблемы. В феноменологической традиции образ города есть проекция жизненного мира человека, формирующаяся в процессе переживания актуальной жизненной ситуации. Тематика публичного пространства города всегда тесно пересекается с тематикой толерантности. Один из аспектов проблемы толерантности можно обозначить как пространственное равенство [2].

В культурологии выделяется средовой подход, согласно которому город - это благоприятная среда обитания. Пространственная организация города - это сочетание физического пространства как среды обитания человека, благоприятной для его жизнедеятельности в самых разных пространствах. В городе много так называемых «ничейных территорий». Средовой подход позволяет говорить о контакте человека с городской средой. Современный графический дизайн в средовом подходе управляет средой и вносит опознавательные знаки в городское пространство (дорожные знаки или знаки проведения ведущих мировых событий в городе, например, чемпионатов мира или олимпиад). Графический язык знаков формирует знаковую и информационную среду, выполняет функции идентификации, ориентации и информирования.

Рост городов, по мнению И.А. Добрицыной, сопровождается их пространственным и функциональным усложнением, усложнением тех процессов жизнедеятельности, которые протекают непосредственно в открытом пространстве города. Вопросами городского дизайна занимались ученые, рассматривающие градостроительство с точ-

ки зрения восприятия городского пространства, это В. А. Лавров, А. В. Иконников, С. И. Соколов, С. М. Михайлов, Н. С. Калинина, А. В. Сазиков, А. В. Гаврюшкин, С. С. Аванесов. К. Линч, Е. Клаппе, Т. Саймондс, Т. Хансен, М. Кастельс, А. Желнина, С. В. Пирогов, В. Семёнова [3]. О ментальных картах города и рисках пишут Н. В. Веселкова, Р. И. Зинурова, А.Р. Тузиков и С.А. Алексеев [4,5,6,7].

С 80-х годов 20-го столетия развивается научная дисциплина городской дизайн, создается методологическая основа градостроительства и городской архитектуры. Ученые в качестве предмета исследования определяют визуальные коммуникации и информационное обеспечение городского пространства, дизайн физической среды города, комплексность в решении городских проблем. Исследование городского пространства проводится методами моделирования, наблюдения и фотоанализа, устного интервьюирования. Связи теории и практики позволяют говорить о перспективах развития российских городов в общих тенденциях глобального изменения архитектуры современного города.

Использование современных технологий в городском пространстве диктует свои ритмы (производственные, транспортные, коммуникационные), рождает новые потребности, а также меняет саму структуру среды обитания. Именно поэтому информационно-технологическая проблематика является особо острой в контексте организации городской (урбанистической) среды. Сегодня город находится на сложном и противоречивом этапе своей эволюции. «Современный город – это своеобразное отражение информационного общества, его кризисов, тупиков и его возрождений» [8].

Задачи, стоящие перед учеными по созданию современных форм городского дизайна. Обусловлены фактом устаревания физического пространства города, схем его планирования и организации городского пространства, необходимостью его обновления для адаптации внешних проявлений (форм, образов, пространственных образований, визуальной грамматики) к развитию информационно-технологической системы. «Традиционными средствами формирования городской среды являются планировочно-пространственные архитектурные средства. Однако при ее рассмотрении как сложного комплексного образования выделяют не только основной каркас – архитектурные объекты, но и все ее предметное наполнение» [9].

Мобильная телефония, беспроводной доступ к Интернету, многослойные цифровые инфраструктуры обеспечивают городу непрерывное движение и изменение, добавляют к урбанистической структуре дополнительный пласт - информа-

ционный. Цифровая сеть образует ядро коммуникации или код. Город становится сложным организмом, обладает способностью впитывать в себя культурные, социальные, генетические коды. Исторически сложившиеся города открывают новые измерения и пространства, видимые через карту маршрутов GPS, web-камеры, соединенные в сеть, через наш личный опыт: цифровое фото и видео [10]. В таких условиях первостепенной задачей дизайнера является изучение города в его потенциальном развитии, переосмысление его природы с целью создания новых свойств и характеристик городского пространства.

В 1970-х годах первый исследователь визуального образа города К. Линч писал, что образом города является общий ментальный рисунок внешнего физического мира города, сам образ зависит от целого ряда причин, в числе которых возраст, социальное положение, статус, уровень образования человека [11]. В теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана образы города конструируются с помощью определенных стереотипов, ожиданий, ценностей, символов, ритуалов и мифов. Образ города - это система знаков, задающая схемы восприятия города, на основе которых отбираются значимые аспекты и предметы городской жизни, «городской образ – это идея, направленная создателем (при помощи создания единой, идеологически привлекательной программы), но, в конечном счете, воспринятая в сознании каждого наблюдателя» [12].

Городская среда обеспечивает визуальную коммуникацию жителей как способ передачи информации (сообщения) через визуальный ряд. Этот способ коммуникации почти не отличается от стандартной схемы Р. О. Якобсона, включающей следующий контекст: это отсутствие непосредственного контакта и взаимодействие посредством визуального ряда, собственная и исключительная интерпретация произведений автором и горожанами, часто воспринимается по-разному, даже одновременно в негативном и положительном ключе [13,14]. Примером может стать графический городской дизайн города Перми, описанный ниже в практической части статьи.

Каждый город имеет пространственную и временную протяженности или оси. С. Ромашко считает, что индивидуальный характер города, его атмосфера и настроение зависят от устойчивости города во времени, от стабильности его временной оси, потому что «города умирают не тогда, когда с ними что-либо случается, а тогда, когда ломается их временная ось», ведь «города отстраивались после пожаров, землетрясений и наводнений, возрождались после свирепых эпидемий, переживали вражеские нашествия, смену населения, религии, государственной принадлежности» [15].

Е. В. Байкова представляет визуальный образ города как визуальный код. «Визуальный код – континуальный пространственный образ, значение которого порождается всей формой как неделимой целостностью» [16, С. 6]. А. Н. Масло-ва выделяет следующие виды визуального образа города: изменчивость, историчность, относительная устойчивость, комплексность, плюрализм точек зрения, зависимость от объективных характеристик городского развития [17]. В конструктивизме образ города может участвовать в конструировании будущей реальности города при использовании таких визуальных инструментов как миссия города (включая его имидж), миф города (или идеологию городской среды) и событийные технологии. Визуальный образ города рассматривается как текст. Графический дизайн определяет визуальный образ, вызывая определенные эмоции и воображение горожан в его восприятии. На восприятие образа города влияет визуальное воздействие символических конструкций, созданных средствами графического дизайна [18].

Цель городского дизайна – содействовать повышению качества жизни людей и совершенствованию социально-культурных отношений между ними путем формирования гармоничной среды во всех сферах жизнедеятельности людей для удовлетворения всего многообразия их материальных и духовных потребностей.

Городские дизайнеры определяют, насколько городская среда станет комфортной и визуальной, как оградить городское пространство от зрительного визуального загрязнения, определяют архитектурно-пространственную среду – цветовую и световую палитры улиц, композиционное решение архитектурных объектов и форм, ландшафтный дизайн, витрины, рекламу, автотранспорт и другое.

Графический дизайн городского пространства – это интеграции искусства, коммуникаций и основных трендов глобального мира, его системы ценностей и идентичностей. Графические дизайнеры нового поколения по-новому интерпретируют городское пространство, часто обладают чертами независимости от теоретических школ и направлений. Обеспечивают визуальную коммуникацию жителей города и при этом создают внешний имидж, характерный для туристических городов. Графические дизайнеры создают в городской среде пространство для восприятия и создания определенного мнения, тем самым создавая идентичности горожан. «Однако, ввиду постоянного увеличения объема информации, у городского жителя (особенно у жителей мегаполисов) выработался механизм защиты: фильтрации сообщений из окружающей среды и разделения их на важные и второстепенные. В индустрии графического дизайна сместились акценты: эстетическая

составляющая отошла на второй план, а ведущими стали тенденции к провокационности и броскости, за счет которых объекты графического дизайна стали выбиваться из общей информационной парадигмы.

Произведения графического дизайна формируют информационную и эстетическую среду городов. Ирландский мастер, основатель креативного агентства «About Sodano» Алан Абу говорил: «В идеале, я бы хотел использовать свои навыки для выполнения социального долга, поскольку я отдаю себе отчет в том, что дизайнеры моего и предыдущего поколений ответственны за бессмысленный и вездесущий дизайн главных улиц» [19, С.172].

Быстрый обмен информацией и его объем в городском пространстве создают предпосылки для утрачивания весомости печатного слова на городских магистралях. Сегодня ведущее место занимает гипертекст. Л. В. Желондиевская под «гипертекстом» понимает принцип организации информационных массивов, в которых отдельные элементы связаны между собой чаще ассоциативно, чем тематически. Такой ассоциативной связкой в городском пространстве является графический дизайн [20, С. 55]. Современные города становятся информационными, обладают динамичной структурой, отсутствием социальной привязки к определенной территории городского пространства и полицентричностью [21].

С. Маккуайр ввел понятие «медийный город», где «пространственный опыт современной социальной жизни формируется за счет сложного взаимодействия архитектурных объектов и городских территорий, социальных практик и медийной «обратной связи» [22]. Графический дизайн в «медийном городе» или информационном городе выполняет важные функции. По мнению К. Ньюарка, это дифференцирующая, информативная и эмотивная функции [23, С. 6]. Визуально графический дизайн создает определенные коды для прочтения городской среды, при этом делая город узнаваемым как жителями, так и туристами, помогает ориентироваться в пространстве, привлекает графических дизайнеров для создания произведений или объектов городской инфраструктуры. По мнению Д. Гибсона, роль дизайна заключается в ориентации на местности. Он подразделяет дизайн на два направления: информационный дизайн для упорядочивания информации и повседневности в общественных местах и графический дизайн среды для создания узнаваемого визуального облика конкретного места, определенное эмоциональное воздействие [24, С. 7]. Графический дизайн становится основной частью современного информационного города – средством визуальной коммуникации, при этом выполняет роль искусства в городе.

Графический дизайн привлекателен для применения в городской архитектуре, выражает творческий замысел авторов, крайне актуален для современных мегаполисов, жизнь которых отличается динамизмом и свободой самовыражения. Графический дизайн сложно вписывается в классический стиль, но используется повсеместно для деловых районов городов.

Опрос, проведенный в 2019 году среди 9 тысяч дизайнеров-участников Design Census Google и AIGA показал, что основные качества современного дизайнера – умение адаптироваться к технологическим и социальным изменениям. Необходимость адаптироваться под влиянием глобальных трендов и новых технологий – основные задачи графического дизайна в современном городе. Основные направления развития графического дизайна в 2020 определяет А. Горошко. К ним она относит многомерный дизайн, комикс-арт, коллажи, неон, активный дизайн, металлический блеск, насыщенные цвета, монохром, изометрическая проекция, 3D, 2D, анимация, естественные линии, абстрактные формы, простые фигуры и градиенты, каллиграфия, кинетическая типографика, тяжелые шрифты» [25]. Наглядно прослеживается сочетание часто несовместимого, что говорит о постоянном поиске нового стиля в графическом дизайне и авторского прочтения изображений.

На примере анализа визуального пространства современных городов России рассмотрим опыт применения графического дизайна в городской архитектуре. Рассмотрим визуальное пространство города Владивостока, его главной улицы Светланской, расположенной в историческом центре города, и одного из современных микрорайонов (64 микрорайон). Развитие промышленности, новые технологии, материалы, конструкции значительно изменили визуальную среду города, нарушили связь с естественной средой. Исследователи пишут, визуальная среда центра города меняется, происходит «загрязнение» пространства города избытком прямых линий, углов, больших плоскостей, и это приводит к дискомфорту, ухудшению качества восприятия визуальной среды города. Наблюдается пластическая чужеродность новых современных зданий по отношению к своему историческому окружению. Следует отказаться от высотного строительства в историческом центре по улице Светланская. Сегодня определяющим фактором в строительстве является массовость застроек. Такой подход позволил решить проблему жилья, но облик города в микрорайонах теперь похож на каменные джунгли. Применение таких современных материалов, как бетон, металл, стекло, привело к созданию в городской среде агрессивных зон. Например, в 64 микрорайоне преобладают здания серого цвета,

прямые линии крыш и углов зданий, обилие больших плоскостей без видимых акцентов, фасады с рядами одинаковых окон, все эти факторы создают визуально дискомфортную среду 64 микрорайона. В настоящее время в городе работает и формируется принципиально новая визуальная среда – информационная реклама, которая в архитектурном пространстве города может организовать благоприятную, толерантную среду обитания, стимулировать активность людей; но может создавать конфликтную, агрессивную среду [26].

Агрессивной визуальной средой исследователь В. А. Филин определяет среду, в которой присутствует множество одинаковых визуальных элементов, из-за чего глаз не в состоянии сосредоточиться: отдельные элементы становятся неразличимыми, а бинокулярный аппарат зрения оказывается нарушенным. По мнению ученого, агрессивная визуальная среда вызывает возбуждение и раздражение, что ведет к повышенной агрессивности [27].

В визуальном облике современной Перми наиболее ярко проявляются «медвежьи» образы на фасадах общественных зданий, в сети уличной подсветки, в малых архитектурных формах. Современная визуальная среда города Перми рассматривается исследователями как объект переноса западных архитектурных направлений на постсоветское пространство городской архитектуры. На примере кейса «Пермский культурный проект» рассмотрим роль графического дизайна в создании визуального образа города. Проект заключался в создании на улицах города сюжетных граффити в форме современных арт-объектов «Длинные истории Перми». Особое негативное отношение жителей Перми вызвали так называемые «Красные человечки» (авторы арт-группа «Professors» М. Заборовская и А. Люблинский из Санкт-Петербурга) [28, 29].

В современном городском пространстве яркость рекламы воспринимается первично, только затем обращается внимание на архитектурно-ландшафтные композиции. Это вызывает диссонанс в восприятии городского пространства. Ученые отмечают, что диссонанс, возникающий в стилистике объектов наружной рекламы и информации, с одной стороны, и сформировавшийся художественный язык архитектурно-пластической среды, с другой стороны, на практике неизбежно стимулируют ощущение психологического дискомфорта. Необходимы гармоничные композиционные решения информационных и рекламных конструкций, размещаемых в городской среде. Для этого необходимо создать концептуальные и методологические разработки по созданию информационно-визуальной структуры города [30].

Исследование визуального образа города Санкт-Петербурга определяется функцией само-

идентификации горожан с пространством. Воспитание уважения к родному городу прививается коренным жителям, начиная с образовательных учреждений. Город становится пространством для коммуникации жителей. Имидж Санкт-Петербурга определяется классической архитектурой, внедрение в городскую архитектуру современных зданий не приветствуется большинством коренных жителей. Но Санкт-Петербург благоклонно принимает проявления графического дизайна на улицах, что ставит его в один ряд с городами, умело сочетающими классический стиль и стилистику графического дизайна [31].

Учеными также исследовались города Волжского бассейна (г. Серпухов, г. Соликамск Пермского края и г. Арзамас Нижегородской области), стратегии влияния направлений развития их изменения с учетом агломерационного развития Москвы [32]. Город Иваново обладает брендом «текстильного города» или «городом невест». Это город советского прошлого, ученые пишут, что у него нет «лица» настоящего, сегодняшнего. Но, несмотря на это, власть пытается отказаться от смыслового наполнения бренда, отражающего «советскость» города, не предлагая взамен нового современного образа или имиджа, а именно таким способом и разрушается временная ось города Иваново. Таким образом, отказавшись от уже существующей архитектуры бренда, Иваново как знаковый конструкт, потеряет свою индивидуальность и свое «лицо», а в современном мире, город, не занимающий определенной позиции на рынке городов, грозит исчезнуть не только как феномен, но и в реальности.

Образ любого архитектурного объекта представляет результат активной деятельности

зрителя, т.е. воспроизводит творчески переосмысленное содержание объекта [33]. Под образом города понимается субъективное (пережитое) восприятие объекта, трансформированное в сознании человека в целостную структуру, включающее эмоционально-эстетические, функциональные, конструктивные и т. п. составляющие.

Эстетические аспекты в истории градостроительства связаны со следующими особенностями формирования и развития городов:

- гармоничное сочетание утилитарных и художественных задач при организации городской среды;

- особый характер художественного творчества в градостроительстве, определяемый разделением этого процесса по временно-пространственным структурам;

- динамичность и преемственность формирования градостроительных объектов;

- органическое сочетание урбанизированной и природной среды;

- особый характер эстетического восприятия градостроительных объектов развернутых, во времени и в необходимой связи с утилитарно-практическим освоением градостроительной среды.

Создание целостной социокультурной среды города отвечает задачам дизайна городского пространства. Города сегодня стремятся стать «креативными, запоминающимися, с определенным узнаваемым имиджем, при этом являющимися качественной средой для проживания [34]. Использование малых архитектурных форм средствами графического дизайна становится самым популярным средством организации эстетических архитектурных объектов.

Литература

1. Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов — синтез социальной, культурной и городской политики // Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 206.
2. Пирогов С. В. Контуры визуальных исследований города // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 59 - 63.
3. Добрицына И. А. Дизайн в обеспечении ориентации в среде современного города: дис. на соиск. степени кандидата искусствоведения. М., 1985. 209 с.
4. Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5 - 29.
5. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Никитина Т. Н. Исследование этноконфессионального пространства городской агломерации методом картографии // Управление устойчивым развитием. 2018. № 6(19). С. 46-51.
6. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Алексеев С. А. Агломерации как среда этноконфессиональных и миграционных рисков // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). 46-50
7. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Алексеев С. А. Комплексная система сравнительной диагностики рисков в привязке к конкретным территориям (на примере г. Казани) // Управление устойчивым развитием. 2020. №5 (30). С.69-75.
8. Sophie Tasma-Anargyros, Frédéric Loeb, sous la direction de Gérard Laizé, Et si on remettait les compteurs à zéro? Les éditions de l'imprimeur, 1998.
9. Беляева Е. Л. Дизайн в визуальной среде современного города / Е.Л. Беляева // Техническая эстетика. 1980. № 6.

10. Устинченко Е.В. Роль дизайна в формировании инновационной среды города. URL: http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz26_pril/48/template_article-ar=K21-40-k40.htm (дата обращения 12.06.2021).
11. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
12. Вуд С. Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения: 12.06.2021).
13. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сборник статей (пер. с англ., франц., нем., чешского, польского и болгарского языков). М.: Прогресс, 1975. 469 с.
14. Порозов Р. Ю. Антропологический смысл категории «визуальные коммуникации» // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №14. С. 169-172.
15. Ромашко С. Монумент-сувенир-улика: временная ось мегаполиса // Логос. 2002. № 3 (34). С. 97-108.
16. Байкова Е. В. Формирование искусственной среды города как глобального визуального кода / Е.В. Байкова // Вопросы культурологии. 2013. №12. С.42-46.
17. Маслова А. Н. Социологический анализ образа г. Нижнего Новгорода / А.Н. Маслова. Нижний Новгород, 2006. 163 с.
18. Филько А. Понятие «Визуальный образ города» и методы его исследования // Социодинамика. - 2015. №10. С. 94-108.
19. Филь Ш. и П. Графический дизайн XXI века. – М.: АСТ, Астрель, 2008. 192 с.
20. Желондиевская Л.В. Гипертекст графического дизайна // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №9 (128). С. 54-57.
21. Порозов Р.Ю. Виртуализация городского пространства: социокультурный аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №11. С. 154-156.
22. Маккуайр. С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
23. Ньюарк К. «Что такое графический дизайн. М.: Астрель, 2005.
24. Роголев Е. Прямая речь: Дизайнер городской среды Дэвид Гибсон о своих проектах и киевской карте метро // The Village/ URL: <http://www.the-village.ru/village/city/public-space/112217-gibson> (дата обращения 16.06.2021).
25. Электронный ресурс. URL: <https://www.itsnicethat.com/news/design-census-2019-aiga-google-230919> (дата обращения 12.06.2020).
26. Месенева Н. В., Милова Н. П. Оценка дизайна визуальной среды города Владивостока // Фундаментальные исследования. 2017. № 6. С. 64-68.
27. Филин В. А. Экология визуальной среды города // Экология и жизнь. 2007. № 7. С. 50-51.
- Красные человечки // Памятники всего мира. URL: <http://foretime.ru/red-people/hyperlink%20%22> (дата обращения 20.06.2021).
28. Дианова Ю. В. «Красные медведи»: визуальная эстетика городской среды Перми // Убранистика. 2020. №3. С. 37-43.
29. Семенова В. В., Назаров Ю. В. Визуальное загрязнение городской среды. Проблемы и решения // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2020. №1.2. С. 52-60.
30. Желнина А. Образ города и визуальные методы социологического исследования // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. Петербург глазами молодых ученых. 2004. № 6. С.35-37.
31. Милашевская А. И., Гандельсман Б. В. Перспективы развития больших и малых городов Волжского бассейна // Архитектура и дизайн: история, теория, инновации. 2020 №4. С. 114-120.
32. Иконников А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. 286 с.
33. Яргина З. И. Эстетика города. М.: Стройиздат, 1991. 385 с.
34. Гатина Л. И. Урбанизация в постсоветское время: феномен Иннополиса // Управление устойчивым развитием. 2020. №2 (27). С.55-60.

Сведения об авторе:

©**Зинурова Анастасия Андреевна** – студент, Высшая школа печати и медиатехнологий, СанктПетербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: nastya.thetsoy@mail.ru.

Information about the author:

©**Zinurova Anastasia Andreevna** – Student, Higher School of Printing and Media Technologies, SaintPetersburg State University of Industrial Technologies and Design, Russian Federation, Saint-Petersburg, email: nastya.thetsoy@mail.ru.

УДК 316.35

Ю. А. Петровская, К. В. Фитисов

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ)

Ключевые слова: молодежь, инновационный потенциал, инновационные компетенции, инновационное развитие

Статья содержит анализ опыта исследований инновационного потенциала молодежи, проводимых в Республике Карелия в 2018–2021 гг., и акцентирует внимание, в первую очередь, на теоретико-методологических и методических аспектах исследований. Основная проблема, поднимаемая в статье, – отсутствие в научной литературе единого подхода к пониманию и изучению инновационного потенциала молодежи, отсутствие проработанной теоретической модели (структуры) и системы эмпирических индикаторов, позволивших бы осуществить социологическую диагностику инновационного потенциала молодежи, на основе которой стала бы возможной разработка дальнейшей стратегии актуализации и развития этого потенциала. В связи с этим основная задача данной статьи – на основе авторского подхода к пониманию инновационного потенциала молодежи, его структуры и системы эмпирических индикаторов проанализировать основные характеристики, составляющие инновационный потенциал молодежи (на примере Республики Карелия). Исследование проводилось в два этапа. Результатом разведывательного этапа (2018–2019 гг.) стала систематизация знаний об уровне сформированности инновационных компетенций карельской молодежи, определение факторов, влияющих на формирование этих компетенций, определена роль образовательных институтов в процессе формирования инновационных компетенций. На основе результатов разведывательного исследования стало возможным формулирование авторского подхода к определению понятия и структуры инновационного потенциала молодежи, уточнения системы эмпирических индикаторов. Был разработан новый вариант инструментария, представленный в статье. В 2020–2021 гг. был проведен повторный опрос молодежи и экспертов, разработана методика расчета индекса инновационности карельской молодежи. Таким образом, совершена попытка количественного измерения инновационного потенциала молодежи, проживающей в Республике Карелия.

Yu. A. Petrovskaya, K. V. Fitsov

INNOVATIVE POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE (RESEARCH EXPERIENCE IN THE REPUBLIC OF KARELIA)

Key words: youth; innovative potential; innovative competencies; innovative development

The article contains an analysis of the research experience on the innovative potential of young people conducted in the Republic of Karelia in 2018–2021, and focuses primarily on the theoretical and methodological aspects of research. The main problem raised in the article is the lack of a unified approach to understanding and studying the innovative potential of young people in the scientific literature, the lack of a well-developed theoretical model (structure) and a system of empirical indicators that would make it possible to carry out a sociological diagnosis of the innovative potential of young people, on the basis of which it would be possible to develop a further strategy for updating and developing this potential. In this regard, the main task of this article is to analyze the main characteristics that make up the innovative potential of youth on the basis of the author's approach to understanding the innovative potential of youth, its structure and the system of empirical indicators (on the example of the Republic of Karelia). The study was conducted in two stages. The result of the exploration stage (2018–2019) was the systematization of knowledge about the level of formation of innovative competencies of Karelian youth, the identification of factors influencing the formation of these competencies, the role of educational institutions in the process of formation of innovative competencies. Based on the results of the exploration research, it became possible to formulate the author's approach to defining the concept and structure of the innovative potential of young people, clarifying the system of empirical indicators. A new version of the toolkit was developed, presented in the article. In 2020–2021, a repeated survey of young people and experts was conducted, a methodology for calculating the innovation index of Karelian youth was developed. Thus, an attempt has been made to quantify the innovative potential of young people living in the Republic of Karelia.

Введение. Ускоренный переход Российской Федерации на инновационный путь развития требует от государства и общества в буквальном смысле мощного технологического рывка. Однако

осуществлять эту задачу предстоит в крайне сложных условиях глобального финансового, экологического, морально-нравственного кризиса, напряженной международной обстановки, устра-

тенциала молодежи, на основе которой стала бы возможной разработка дальнейшей стратегии актуализации и развития этого потенциала. В связи с этим мы ставим перед собой задачу – на основе авторского подхода к пониманию инновационного потенциала молодежи, его структуры и системы эмпирических индикаторов, проанализировать основные характеристики, составляющие инновационный потенциал молодежи (на примере Республики Карелия).

Материалы. Исследование проводилось в несколько этапов, и оно является продолжающимся. В 2018–2019 гг. на основе анализа научной литературы и стратегических документов нами были выделены эмпирические индикаторы, сформулированные в виде инновационных компетенций и отражающие, своего рода государственный запрос на определенный тип личности. На основе предложенных эмпирических индикаторов был разработан инструментарий (электронная анкета) и проведен интернет-опрос молодых людей-жителей Республики Карелия от 14 до 30 лет ($n=1100$), отобранных методом стихийного отбора, однако выборка репрезентировала карельскую молодежь по признаку «место проживания» (городская / сельская местность). Данные опроса молодежи дополнены результатами экспертного опроса

($n=15$, выборка целенаправленная, сформирована методом «снежного кома»). В качестве экспертов выступили руководители и специалисты организаций, работающих в области молодежных инициатив, инновационных проектов и программ. Результаты данного исследования подробно представлены в авторской статье «Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации» [15].

Безусловно, опрос молодежи позволил получить лишь результаты субъективной самооценки представителей карельской молодежи, но в то же время дал общее представление о том, как молодые люди оценивают свой компетентностный потенциал. Большинство опрошенных отметили у себя наличие тех или иных компетенций инновационной экономики. Среди компетенций, которые реже других отмечались молодежью, – изобретательность, высокий уровень интеллекта, владение инновационными технологиями, владение иностранными языками. Полученные результаты позволили составить карту компетенций (рис. 2), из которой видны наиболее сформированные, по мнению молодежи, компетенции, и те компетенции, которые сформированы слабо (редко выбирались респондентами).

Рис. 2 – Карта компетенций карельской молодежи

При этом, как выяснилось, наличие у молодых людей тех или иных качеств и компетенций не зависит от основного рода их деятельности и места проживания на момент опроса. Различия обнаружилось в оценках роли образовательных институтов в формировании этих компетенций. По мнению молодых людей, школа не является активным субъектом, распространяющим информацию об инновациях в обществе, но предоставляет возможности для реализации инновационных проектов и идей (45,5% опрошенных указали на это). В вузе информационная работа, по мнению опрошенных, осуществляется

значительно лучше, возможностей для реализации инновационных проектов и идей больше (80%). Однако, интересен факт, что 77% опрошенных не имеют собственной инновационной идеи или проекта, по их собственному убеждению.

Обратной стороной большого количества отмеченных молодежью сформированных компетенций становится качество их формирования в разных образовательных институтах. Молодежь Республики Карелия оценивает качество формирования ключевых инновационных компетенций в школе в большинстве случаев как удовлетвори-

тельное, в некоторых случаях даже как низкое и очень низкое. Показатели вуза в оценках молодежи по всем компетенциям значительно выше.

Эти данные в определенной степени подтверждаются результатами опроса преподавателей Петрозаводского государственного универ-

Таблица 1 – Уровень сформированности инновационных компетенций у выпускников школ, поступающих на 1 курс ПетрГУ, по 5-бальной шкале (по оценкам преподавателей)

	Наименования компетенций											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Вып. школ	3,22	2,81	3,09	2,77	2,89	2,83	3,36	2,75	2,74	2,46	2,67	2,33
Вып. ПетрГУ	3,63	3,25	3,61	3,65	3,63	4,02	3,66	4,20	3,35	3,30	3,52	3,33
Примечание – Наименования компетенций:												
1 Способность легко адаптироваться к инновациям												
2 Изобретательность												
3 Высокий уровень интеллекта												
4 Способность к критическому мышлению												
5 Владение инновационными технологиями												
6 Способность работать в команде												
7 Способность к творчеству												
8 Владение компьютером												
9 Способность и готовность к разумному риску												
10 Владение иностранными языками как инструментом коммуникации												
11 Стремление непрерывно обучаться, приобретать новые знания и компетенции												
12 Способность брать на себя ответственность за результаты коллективного труда												

При анализе соответствия характеристик современной молодежи требованиям времени оценки экспертов разошлись. С одной стороны, молодые люди, родившиеся и получившие воспитание и образование в обществе инновационных технологий, более приспособлены к условиям инновационного общества, нежели представители старшего поколения. В то же время экспертами отмечаются такие характеристики современного молодого поколения, как инфантильность, отсутствие самостоятельности, ответственности, способности делать осознанный выбор, самостоятельно принимать решения; неготовность принимать на себя руководящую роль и ответственность за результаты коллективного труда, создавать что-то самостоятельно. Современной молодежи не хватает социальной зрелости, основанной на личной мотивации и осмысленной готовности принимать на себя риск и мобилизовать все имеющиеся ресурсы для достижения цели [14]. Важнейшую роль в этом играет именно мотивация и возможности актуализировать свои знания, умения, навыки, компетенции, отсутствие которых порождает и другие проблемы: девальвацию образовательных ценностей, отсутствие стремления к производительному труду, саморазвитию в тех сферах, которые необходимы обществу и государству.

Проведенное исследование позволило не только осуществить разведывательную стратегию, получив первичную информацию об имеющихся и отсутствующих инновационных компетенциях, но и выйти на новые проблемы, требующие своего решения: необходимость в уточнении понятия «инновационный потенциал молодежи», доработке его эмпири-

ситета (n=101), оценивавших уровень сформированности инновационных компетенций у выпускников школ, поступающих на 1 курс ПетрГУ, и у выпускников ПетрГУ (опрос проводился в 2019 г.).

ческих индикаторов и, соответственно, доработке инструментария. Одним из ключевых вопросов стало содержательное наполнение понятия «инновационный потенциал», который, очевидно, не может измеряться только наличием и уровнем сформированности инновационных компетенций.

Терминологическая разрозненность и различия в понимании инновационного потенциала молодежи во многом объясняются подвижностью возрастных границ самой молодежи как социально-демографической группы, разнообразием ее социально-психологических особенностей [12; 17, с. 674], а также сложностью феномена инновационного потенциала, который не поддается прямому наблюдению, а соответственно, и прямому эмпирическому измерению. В связи с этим понятие «инновационный потенциал молодежи» нуждается в операционализации, а его эмпирическое изучение – привлечения комплекса исследовательских методов.

Большинство российских ученых под молодежью подразумевают возрастную группу от 14 до 30 лет, однако с учетом изменяющихся норм современного законодательства, а также в связи с серьезными социально-демографическими трансформациями, эта граница может сдвигаться до 35 лет. Серьезные трансформации происходили и в ценностной системе молодежи в последние десятилетия [3; 5; 6; 7; 18; 22; 23; 24; 28; 29]. Безусловно, этот факт оказывает очень важное значение в осмыслении стратегии формирования инновационной личности в условиях российского общества. Результаты исследований российских социологов демонстрируют, что в ходе взаимодействия молодежи с изменяющейся социокультурной

средой ею одновременно наследуются, отрицаются и изменяются ее элементы, а также усваиваются образцы отдельных субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий. В этом многогранном, многофакторном процессе современная молодежь обретает собственные социальногрупповые характеристики.

В то же время результаты всероссийских исследований позволяют выявить преобладающие детерминанты общей направленности формирования смыслового содержания жизнедеятельности молодежи. В качестве такой детерминанты обосновывается преобладание большинством молодежи традиционной культуры [6]. Учеными отмечается высокий уровень связи изучаемых смыслов жизни молодежи с ментальными чертами национального характера россия: любовь к Отечеству (среднее значение 78,1%); честь, достоинство (73,4%), любовь к ближним (71,9%); милосердие (61,3%), подозрительность в отношении к лицам другой культуры, в т. ч. к иностранцам (42,4%). Смыслжизненные ценности, зарождающиеся в архетипах коллективного бессознательного россиян, воспроизводятся молодым поколением, закрепляясь в ментальных чертах его национального характера [6, с. 178].

В совокупной структуре габитуса, порождающего и организующего практики и представления, объективно приспособленные для реализации смыслов жизни российской молодежи, четко прослеживается доминанта традиционных ценностей [6, с.180]. Из результатов этих исследований становится понятным, что, несмотря на продолжающуюся либерализацию российского общества в целом, молодежь в обществе инновационных технологий реализует свои смыслжизненные стратегии на основе выраженной доминанты традиционных ценностей, и этот факт нельзя оставлять без внимания при разработке мероприятий, направленных на инновационное развитие общества, ибо человек проявляет социальную активность в том случае, когда у него есть мотивация, основанная на удовлетворении его ценностных ориентаций, и понимание социально позитивных последствий происходящих изменений.

Понятие «инновационный потенциал личности» не имеет утвердившегося определения. В целом относительно небольшое количество научных работ в сфере социологии личности объясняется крайней степенью сложности научных задач. Развитие инновационного потенциала индивида представляет собой многосторонний процесс. В нем присутствуют элементы и внешнего влияния окружающей среды на человека (воздействие с помощью современных образовательных технологий, внешних требований и представлений общества о том, какими качествами и компетенциями должен обладать человек, форм организации труда, аккумуляции новых технологий, генерировании новых знаний и их внедрение в образовательные процессы), и результаты саморазвития лич-

ности, ее потребностей к труду, управлению творческой инновационной деятельностью, а также стимулирования факторов мотивационно-культурного совершенствования и трудовой адаптации работников к экономическим изменениям в обществе. Кроме того, инновационное развитие предусматривает создание условий для экономической востребованности инноваций [2] как возможности самореализации личности.

Анализ научной литературы позволяет выделить социально-антропологический [9; 20], социально-психологический [1; 21] и социологический подходы к пониманию инновационного потенциала личности [14; 25]. С точки зрения социологического подхода инновационный потенциал личности представляет собой ресурс функционирования социальных механизмов, регулирующих инновационную деятельность, а также особенности проявления инновационного потенциала личности в рамках определенной организации, т.е. инновационный потенциал человека рассматривается как личностный ресурс, который при соответствующих условиях может проявить себя в качестве базального основания для инициации инновационного поведения. Таким ресурсом, с нашей точки зрения, могут выступать инновационные компетенции как не просто набор знаний, умений и навыков, но и определенных социальных установок личности на инновационный тип деятельности.

Таким образом, мы выходим на понимание инновационного потенциала молодежи как комплексной характеристики, интегрирующей в себе совокупность взаимосвязанных социально-психологических характеристик личности молодого человека; комплекс инновационных компетенций личности, востребованных в российском обществе в условиях перехода к шестому (4.0) технологическому укладу; совокупность внешних условий, влияющих на возможность реализации (актуализации) инновационного потенциала молодежи.

Соответственно, в структуре инновационного потенциала молодежи нами выделяется три основных компонента, а также их эмпирические индикаторы:

1. Социально-психологические качества личности, включая ценности, мотивацию, установки. Среди них также: творческие способности, т.е. способности не только воспринимать, но и создавать новое, оригинальное; стремление и способность овладевать современной техникой и технологиями, новыми формами и методами организации труда и управления; гибкость мышления; целеустремленность; добросовестность; трудолюбие; высокий уровень интеллекта; ответственность; потребность в самореализации; мотивация к получению новых знаний.

2. Инновационные компетенции, востребованные в конкретном обществе в условиях определенного технологического уклада. В нашем случае речь идет о российском обществе в условиях перехода к шестому технологическому укладу. Эти компе-

тенции были обозначены в Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г.

3. Внешние (средовые) условия, т.е. возможности среды, которые позволяют актуализировать инновационный потенциал молодежи и дают возможность инициировать инновационную деятельность.

В результате второго этапа теоретического анализа, проработки теоретической модели инновационного потенциала молодежи был уточнен инструментарий исследования. Предложен новый вариант электронной анкеты для молодежи и опросный лист для экспертов. Анкета для молодежи разработана с помощью электронного сервиса Google Forms.

Анкета включала в себя четыре раздела: паспортчика, «инновационные компетенции», «личностные качества» (в этот раздел была инкорпорирована шкала самооценки инновативных качеств личности Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко [10; 11], «инновационная среда» и ориентирована на самооценку молодежью собственных характеристик, соответствующих указанным разделам. Для оценки уровня сформированности инновационных компетенций молодым людям был предложен перечень этих компетенций с возможностью множественного выбора тех компетенций, которые, по мнению респондентов, сформированы у них.

Опросный лист для экспертов включает в себя несколько блоков. Паспортчика содержит в себе вопросы, характеризующие эксперта: организация, которую представляет эксперт; должность, стаж работы, характеристику профессиональных обязанностей в организации. Второй блок составляют вопросы, непосредственно раскрывающие экспертное мнение относительно инновационного потенциала молодежи. С помощью этих вопросов мы, в том числе, узнаем, что понимают эксперты под инновационным потенциалом молодежи, как это понимание соотносится с базовым понятием, предлагаемым нами; какие возможности и инструменты развития инновационного потенциала известны экспертам; какие из этих методов применяются в Карелии. Серия вопросов позволяет оценить личностные качества и компетенции, которыми обладает современная карельская молодежь, по мнению экспертов, а затем соотнести полученные ответы с тем, каким образом сами представители карельской молодежи оценивают сформированность у себя тех или иных компетенций, а также с тем, какие компетенции молодого специалиста эксперт считает наиболее необходимыми для успешной работы в его учреждении (организации). Отдельные вопросы посвящены тому, какие, по мнению экспертов, инновационные компетенции и личностные качества у современной молодежи сформированы плохо. Эти вопросы носят закрытый характер с множественным выбором.

Повторный опрос молодежи и экспертов с помощью нового инструментария был проведен в

2020–2021 г. Уровень инновационного потенциала карельской молодежи оценивался, исходя из интегрального индекса, рассчитанного по формуле на основе суммы индексов по основным критериям инновационного потенциала: инновационные компетенции; качества личности, в том числе отдельный блок – шкала самооценки инновативных качеств личности Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко; инновационная среда. Высокий индекс инновационного потенциала молодежи составляет интервал 80–100 %, средний – 60–79 %, низкий – 59 % и ниже.

На основе структуры анкеты блок «инновационные компетенции» позволял максимально набрать 15 баллов (по количеству самих инновационных компетенций). Блок «личностные качества» – максимум 10 баллов (по количеству предлагаемых для оценки личностных качеств). Серия личностных качеств, оцениваемых по шкале Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко, позволяла набрать максимум 55 баллов. Блок «инновационная среда» допускал максимум 2 балла. За критерии оценки принимались следующие значения. Одна выбранная компетенция или одно отмеченное личностное качество даёт 1 балл. При ответе на дихотомические вопросы ответ «да» дает 2 балла, ответ «нет» – 1 балл, ответ «не знаю» – 0 баллов. Таким образом, совокупный максимальный балл, возможный на основе заполненной анкеты, – 82 балла, принимаемые за 100 %.

Анкетные показатели инновационного потенциала карельской молодежи составили 67,27 баллов, т.е. 82 %. Этот показатель отражает высокий уровень инновационного потенциала, рассчитанный с помощью авторского инструментария. Однако, во-первых, низкую оценку сформированности получили такие компетенции, как способность к свободному, бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке; способность к прогнозированию результатов инновационных действий. Во-вторых, стоит отметить, что, чем дальше находится район по отношению к г. Петрозаводску, тем меньший процент молодежи имеет инновационные идеи или проекты. С одной стороны, это связано с тем, что в Петрозаводске сосредоточено большинство учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования, являющихся проводниками знаний в области инновационных разработок. С другой стороны, не в каждом районе представлены организации, занимающиеся инновационной деятельностью и поддерживающие молодежные инициативы, либо молодежь даже не знает о существовании таких организаций. В-третьих, наблюдается низкая информированность молодежи о возможностях и молодежных мероприятиях, которые проходят в Республике Карелия, а также низкая вовлеченность молодежи их районов республики в эти мероприятия. Особенно это касается сельской молодежи.

Заключение. Каждый новый технологический уклад требует новый тип компетенций личности.

Однако их формирование исторически в разных обществах происходило по-разному, на основе разных цивилизационных моделей. Российское общество

имеет собственный исторический путь развития и собственный социокультурный код русской цивилизации (табл. 2).

Таблица 2 – Культурные коды пяти сравниваемых стран [4, с. 479]

Франция Приоритет политического мышления Ясность и логик Просвещение Элитарность Разнообразие	Великобритания Неприкосновенность личности Самоуправление Эмпиризм Понимание границ власти Терпимость	Германия Порядок Приоритет философии «Конституционный патриотизм» Упорство Вытеснение прошлого
США Прагматизм Патриотизм Набожность Достижимость Мультикультурализм	Россия Восприятие власти как отчужденного начала Эмоциональность Обучаемость Креативность Сопротивляемость угрозе извне	

Несмотря на продолжающуюся либерализацию российского общества, начавшуюся еще в 1990-е гг., российская молодежь сохраняет в структуре габитуса доминанту традиционных ценностей. Эти особенности не могут оставаться без внимания при разработке дальнейших стратегических планов по модернизации российского общества, поскольку основным аттрактором инновационной личности является молодежь как субъект труда и производства. Анализ работ русских философов и мыслителей о ценностях русской цивилизации, анализ результатов исследований, посвященных изучению трансформации ценностей российской молодежи, а также результатов

реализации Стратегии инновационного развития до 2020 г. указывают на недопустимость абсолютного копирования западных образцов стратегий и механизмов инновационного развития по отношению к российскому обществу.

Кроме того, развитие инновационного потенциала молодежи предполагает не только формирование у неё определенных качеств и компетенций, но и создание возможностей для их актуализации. Важнейшее значение имеет мотивация и наличие социальных установок на осуществление инновационной деятельности, основанных на глубоком понимании социально позитивных последствий осуществляемых преобразований.

Литература

1. Богомаз С. А., Баланев Д. Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 23–28.
2. Бьенко Ю. Г. Регулирование процессов развития человеческого потенциала в условиях перехода России на инновационный путь развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. №4 (28). С. 87–91.
3. Гафиатулина Н. Х., Косинов С. С., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской студенческой молодежи: мезосоциальные факторы влияния // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 23. № 1. С. 82–89.
4. Здравомыслов А. Г. Российская социология в пространстве мировой культуры // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетея, 2010. С. 479.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164–186.
7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 78–90.
8. Казанцев А. К. NBIC-технологии: инновационная цивилизация XXI века / А. К. Казанцев, В. Н. Киселев и др.; под ред. А. К. Казанцева и Д. А. Рубальтера. Москва: ИНФРА-М, 2015. 384 с.
9. Ключко В. Е., Галажинский Э. В. Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Психология и Педагогика. 2009. № 325. С. 150.
10. Маликова Е. В. Молодежь как объект социологических исследований // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5–1. С. 74–75.
11. О национальных целях развития России до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 12.02.2021).
12. Петровская Ю. А. Личность инновационной цивилизации. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020. 254 с.
13. Петровская Ю. А. Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 107–122.

- 14.Петровская Ю. А., Щекина И.В. Реализация стратегии инновационного развития российской федерации до 2020 года: результаты и перспективы // Вестник НГУЭУ. 2018. № 4. С. 166–168.
- 15.Плугарь О.А., Кононова Т. М., Горева О.М. Молодежь как социальная группа: определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 674
- 16.Социально-экономические индикаторы обстановки в обществе // Российская негосударственная исследовательская организация Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/10/chem-rossijskaya-molodezh-otlichaetsya-ot-svoih-roditelej/> (дата обращения: 12.02.2021).
- 17.Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (2011): Утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. // КонсультантПлюс: Справ. прав. система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.03.2020).
- 18.Толстов С. Н. Инновационный потенциал и образовательная среда как акмеологические ресурсы развития: Информ. Письмо. Иваново, 2012. 18 с.
- 19.Федотова В. А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. №7. Т. 2. С. 82–92.
- 20.Чупров В. И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. М.: Наука, 2003. 161 с.
- 21.Чупров В. И. Молодежь и кризис: диалектика неопределенности и определенности в социальном развитии / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Е.А. Певцова. М.: ОАО «ГИД «Русское слово – РС», 2009. 176 с.
- 22.Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 352 с
- 23.Шевченко В. Н. Инновационная личность как социальный тип / В.Н. Шевченко // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. №2 (73). Т. 11. С. 10.
- 24.Электоральные и политические исследования // Всероссийский центр исследования общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1880/> (дата обращения: 12.02.2021).
- 25.Яковлева М. Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи / М.Н. Яковлева // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибикова. М.: РГГУ, 2018. С. 212–213.
26. Гарафиев И.З., Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Гарафиева Г. И. Стимулирование социального заказа на инновационный человеческий капитал как проблема развития интеллектуального капитала // Вестник Казанского технологического университета. Том:15. Номер: 15 Год: 2012. С. 293-Том: 15Номер: 17 Год: 2012 С: 266-268
27. Зинурова Р. И. Институты воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С.61-66
- 28.Engineers Mobility Forum. URL: <http://www.ieagreements.com/EMF> (accessed: 12.02.2021).
- 29.Graduate Attributes and Professional Competencies. URL: <http://www.ieagreements.com/GradProfiles.cfm> (accessed: 12.02.2021).
30. Гарафиев И. З. Человеческий капитал и социальная значимость высшего образования: динамика российского общественного мнения // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С.43-48.
31. Блиникова А. В., Большедворская М. В., Толстикова А. Н. Роль института профессионального образования в формировании социального креативного капитала территории // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С.47-52.

Сведения об авторах:

©**Петровская Юлия Александровна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет, e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru.

©**Фитисов Кирилл Викторович** – ведущий менеджер проектного отдела Ассоциации «Карельский ресурсный Центр общественных организаций», e-mail: kirill-fitisov@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Petrovskaya Yulia Aleksandrovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Work, Petrozavodsk State University, e-mail: julia_petrovskaya85@mail.ru.

©**Fitisov Kirill Viktorovich** – Lead Manager of the Project Department of the Association «Karelian Resource Center of Public Organizations», e-mail: kirill-fitisov@yandex.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.08 + 316.334.52

А. В. Блиникова, М. В. Большедворская

ЦЕЛЕВОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ КАДРАМИ

Ключевые слова: целевое обучение, образовательные организации, психолого-педагогические кадры

Статья посвящена исследованию мнения студентов психолого-педагогических направлений о возможности пройти целевое обучение. В связи с нехваткой психолого-педагогических кадров в образовательных организациях Иркутской области разрабатываются механизмы обеспечения специалистами. Целевое обучение является одним из признанных направлений, позволяющих устранить дефицит специалистов в отрасли. В процессе целевого обучения принимают участие три стороны – образовательная организация, обучающийся и заказчик. Целевое обучение регламентируется государством. Целевое обучение имеет достоинства и недостатки. К достоинствам относятся: возможность обучающегося участвовать в отдельном конкурсе, обеспечение жильем, стипендией, местом прохождения практики; трудоустройство; недостатки – если обучающийся был отчислен из образовательной организации, не трудоустроился, не отработал положенный срок, то обязан вернуть затраты заказчику. Для образовательной организации целевой прием на обучение имеет недостаток – невысокие баллы абитуриентов при поступлении по сравнению с баллами абитуриентов общего конкурса. Целевое обучение выполняет и социальную роль, а именно, это «социальный лифт» для молодежи и предотвращение оттока молодых людей на работу за границей, но для закрепления молодых специалистов на местах необходимо создавать достойные условия труда и быта. В статье отражена актуальная информация об отношении обучающихся психолого-педагогических направлений к возможности заключить договор целевого обучения (результаты анкетирования обучающихся психолого-педагогического направления в 2018, 2019, 2021 гг.). Анализ результатов исследования позволяют сделать вывод, только 1/8 часть обучающихся психолого-педагогических направлений вузов области желают заключить договор целевого обучения.

A.V. Blinnikova, M.V. Bolshedvorskaya

TARGETED TRAINING AS A WAY TO PROVIDE EDUCATIONAL ORGANIZATIONS WITH PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PERSONNEL

Keywords: targeted training, educational organizations, psychological and pedagogical personnel

The article is devoted to the study of the opinion of students of psychological and pedagogical directions about the possibility of passing targeted training. Due to the shortage of psychological and pedagogical personnel in educational organizations of the Irkutsk region, mechanisms for providing specialists are being developed. Targeted training is one of the recognized areas that can eliminate the shortage of specialists in the industry. In the process of targeted training, three parties take part – the educational organization, the student and the customer. Targeted training is regulated by the State. Targeted training has advantages and disadvantages. The advantages include: the ability of the student to participate in a separate competition, providing housing, a scholarship, a place of practice; employment; disadvantages – if the student was expelled from the educational organization, did not find a job, did not work out the prescribed period, then he is obliged to return the costs to the customer. For an educational organization, targeted admission to training has a disadvantage – low points of applicants for admission compared to the points of applicants in the general competition. Targeted training also plays a social role, namely, it is a «social elevator» for young people and prevents the outflow of young people to work abroad, but to secure young professionals in the field, it is necessary to create decent working and living conditions. The article reflects the current information about the attitude of students of psychological and pedagogical directions to the possibility of concluding a contract of targeted training (the results of a survey of students of psychological and pedagogical directions in 2018, 2019, 2021). Analysis of the results of the study allows us to conclude that only 1/8 of the students of psychological and pedagogical areas of higher education institutions in the region want to conclude a contract for targeted training.

Целевое обучение в средних профессиональных или высших организациях предусматривает заключение трехстороннего договора, где, кроме образовательной организации, сторонами выступают: обучающийся и заказчик (орган власти и управления, орган местного самоуправления, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель). У каждой стороны наступают обязанности: заказчик обязан обеспечить материальную поддержку обучающемуся (оплата обучения, оплата дополнительных образовательных услуг, оплата жилья и др.) и трудоустроить в соответствии с квалификацией; обучающийся обязан освоить образовательную программу, трудиться у заказчика не менее трех лет; образовательная организация направляет обучающегося на практику в организацию-заказчик, как правило, и уведомляет о результатах обучения. Основные документы регламентирующие целевое обучение: Федеральный закон «Об образовании», Постановления, Распоряжения Правительства Российской Федерации об организации приема и обучения по целевым программам [1, 2], распорядительные документы Минобрнауки России [3].

Практика целевого обучения известна с советских времен, подготовка специалистов для регионов подразумевала внеконкурсное зачисление абитуриентов и обязательное возвращение и трудоустройство выпускника в регионе. На постсоветском пространстве обучение по целевым программам было продолжено, но технология приема по целевым программам зашла в тупик, т.к. конкурс был очень низким и количество обучающихся достигло 1/16 от числа студентов. Был изменен порядок квотирования мест целевого обучения, квоты теперь устанавливает Правительство Российской Федерации и предусмотрен конкурс.

В 2020 году Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.10.2020 № 1681 утверждено новое положение о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования, новые правила установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и новая форма типового договора о целевом обучении по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.10.2020 № 1681 действует с 01.01.2021 по 01.01.2027.

Целевое обучение для обучающегося дает преимущества: участие не в общем, а отдельном конкурсе, но если баллы ЕГЭ ниже проходного балла, то абитуриенты не при-

маются на обучение, даже если есть договор целевого обучения; обеспечение жильем, стипендией, оплату дополнительных образовательных услуг; обеспечение местом прохождения практики; трудоустройство (получение компенсации, если заказчик не трудоустроил); возможность заключения нескольких договоров целевого обучения на следующих уровнях образования (СПО, ВО, аспирантура и др.). Преимуществ целевого обучения значительно больше, к минусам можно отнести: возвращение расходов образовательной организации и заказчику в случае, если обучающийся не выполнил условия договора (был отчислен из образовательной организации, не трудоустроился, не отработал положенный срок); договор не может быть расторгнут, если абитуриент был принят в пределах квоты на целевое обучение; выпускник должен отработать по специальности не менее трех лет, иначе налагается штраф за расходы на обучение.

Для образовательной организации целевой прием на обучение имеет недостаток – невысокие баллы абитуриентов при поступлении по сравнению с баллами абитуриентов общего конкурса [4].

Проанализируем на примере 2019 года итоги приемной комиссии и распределения мест в высших учебных заведениях Иркутской области. В 2019 году в рамках приемной комиссии было подано 65489 заявлений на обучение:

- на места за счет бюджетных ассигнований – 49 307 заявлений;

- на места в рамках квоты целевого приема – 1 249 заявлений;

- на места по договорам об оказании платных услуг – 14 933 заявлений.

В 2019 году конкурс на одно место в вузах Иркутской области составил 4 человека. На места за счет бюджетных ассигнований конкурс – 5,5 человек; на места в рамках квоты целевого приема – 1,6 человек; на места по договорам об оказании платных образовательных услуг – 1,9 человек на одно место.

Всего в 2019 году принято обучающихся на 16 894 места:

- на места обучения за счет бюджетных ассигнований – 8 664 человека, из них 797 обучаются на местах по договорам о целевом обучении;

- на места по договорам об оказании платных образовательных услуг – 8 230 человек.

Заключение договоров в вузах Иркутской области распределено между субъектами и организациями следующим образом:

с федеральным органом власти субъекта Российской Федерации – 1080 мест (26%);

с органом государственной власти субъекта Российской Федерации – 282 места (7%);

с органом местного самоуправления – 189 мест (5%);

с государственными (муниципальными) учреждениями – 27 мест (1%);

с государственными корпорациями – 2368 мест (58%);

с государственными компаниями – 110 мест (3%);

с государственными хозяйственными обществами – 2 места (0,1%).

В Иркутской области, как и в целом в Российской Федерации, остро стоит проблема обеспечения образовательных организаций психолого-педагогическими кадрами. В 2019 году потенциальный спрос на педагогов в образовательных организациях Иркутской области составил 2988 человек, из выпускников в образовательные организации Иркутской области трудоустроились только 466 выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования. В 2020 году в образовательные организации Иркутской области трудоустроено молодых специалистов 509 человек при потребности 1079 человек (рис. 1).

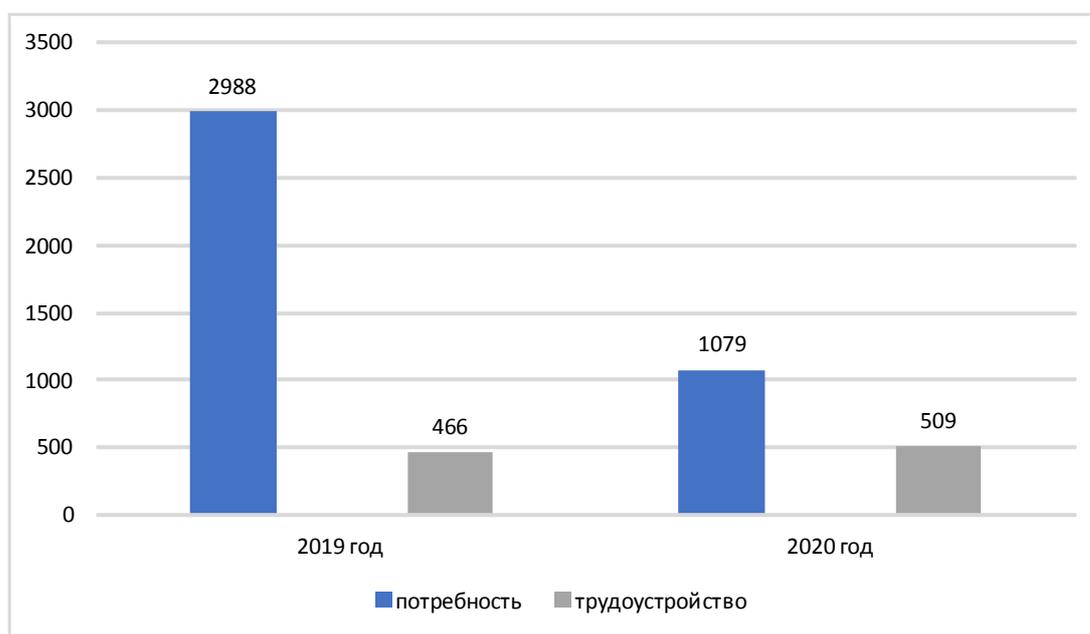

Рис. 1 – Потребность в психолого-педагогических сотрудниках в образовательных организациях Иркутской области и трудоустройство молодых педагогов в 2019 и 2020 годах

Одним из перспективных вариантов признано целевое обучение с возможностью для обучающегося заключения договора о целевом обучении на любом курсе. По запросу Министерства образования Иркутской области Региональным центром мониторинга кадровой потребности специалистов ВО, СПО и взаимодействия с ВУЗами ГАУ ДПО ИО Региональный институт кадровой политики и непрерывного профессионального образования в 2018, 2019, 2021 гг. проводилось анкетирование обучающихся по психолого-педагогическим направлениям в двух вузах региона. Необходимо особо указать на тот факт, что роль целевого обучения не сводится исключительно к решению собственно кадровых вопросов образовательных организаций региона. Так же оно имеет исключительно важное социальное значение в контексте молодежной политики государства (обеспечение «социальных лифтов» для моло-

дежи) и смягчения демографических проблем (предотвращение оттока молодых людей на работу за границей) [5].

Цель исследования: получение актуальной информации об отношении обучающихся психолого-педагогических направлений к возможности заключить договор целевого обучения.

Респондентами выступили обучающиеся педагогических направлений двух высших учебных заведений Иркутской области: ФГБОУ ВО «Братский государственный университет» (БрГУ) и Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ПИ ИГУ). Основным методом исследования – анкетирование.

В декабре 2018 года анкетирование прошли 347 обучающихся педагогических направлений: БрГУ – 171 респондент, ПИ ИГУ – 176 респондентов (табл. 1).

Таблица 1 – Опрос о целевом обучении 2018 года

	БрГУ	ПИ ИГУ
1 курс	48	38
2 курс	35	14
3 курс	38	124
4 курс	50	0
всего	171	176
	347	
планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договора о целевом обучении с гарантией трудоустройства	45/ 26%	31/ 17,6%
	76/ 21,8%	
Количество студентов выпускного курса, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона	21	Не опрашивались

Из общего числа опрошенных в БрГУ на коммерческой основе обучается 6 студентов (3,5 %). Из них ориентированы на работу в системе образования региона 6 человек. Из них количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 6. Из них количество студентов, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 2, что составляет 33 % от числа коммерческих студентов и 1 % от числа опрошенных в БрГУ.

21 обучающийся выпускного курса планирует осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона, что составляет 12 % от числа опрошенных.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных - обучающихся на психолого-педагогических направлениях БрГУ только 68 человек (39%) готовы к работе в системе образования региона.

Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией

трудоустройства – 45, что составляет 26% от числа респондентов.

Результаты анкетирования обучающихся ПИ ИГУ показывают: на коммерческой основе обучается 176 студентов, из них ориентированы на работу в системе образования региона 161 обучающийся (91%). Из них количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 52 человека (29,5%). Из них количество студентов, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 31, что составляет всего 17,6% от числа опрошенных в ПИ ИГУ.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных обучающихся на психолого-педагогических направлениях ПИ ИГУ на коммерческой основе готовы к работе в системе образования региона 161 студент, то есть 91% респондентов.

На выпускных курсах анкетирование не проводилось.

В ходе мониторинга, проведенного в ноябре-декабре 2019 года анкетирование прошли 868 студентов психолого-педагогических направлений: БрГУ – 186 респондент, ПИ ИГУ – 676 респондентов (табл. 2).

Таблица 2 – Опрос о целевом обучении 2019 года

	БрГУ	ПИ ИГУ
1 курс	52	126
2 курс	68	266
3 курс	24	52
4 курс	42	44
Заочное и ускоренное обучение	0	188
всего	186	676
	862	

планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договора о целевом обучении с гарантией трудоустройства	98/ 52,7%	281/ 42%
	379/ 44%	
Количество студентов выпускного курса, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона	31	293

Результаты анкетирования в БрГУ: из общего числа опрошенных на коммерческой основе обучается 23 студента (39 % от опрошенных в БрГУ). Из них ориентированы на работу в системе образования региона 17 человек (73,9 %). Из них количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 17 (73,9 %). Из них количество студентов, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 9, что составляет 39 % от числа коммерческих студентов и 4,8 % от числа опрошенных в БрГУ.

Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 89, что составляет 47,8% от числа респондентов.

31 обучающийся на выпускном курсе планирует осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона, что составляет 19,6 % от числа опрошенных.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных - обучающихся на психолого-педагогических направлениях БрГУ 53% (98 человек) желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства.

По результатам анкетирования в ПИ ИГУ: на коммерческой основе обучается 290 опрошенных студентов. Из них ориентированы на работу в системе образования региона 267

обучающийся (39% от общего числа респондентов и 92% от числа коммерческих студентов). Из них количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 133 человека (49,8%). Из них количество обучающихся, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 76, что составляет 28% от числа коммерческих студентов, но всего 11% от общего числа респондентов ПИ ИГУ.

Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 198, что составляет 29% от числа респондентов.

141 обучающийся на выпускном курсе планирует осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона, что составляет 20,7% от числа опрошенных.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных - обучающихся на психолого-педагогических направлениях ПИ ИГУ 42% (281 человека) желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства.

В марте 2021 года анкетирование прошли 370 обучающихся психолого-педагогических направлений: БрГУ – 145 респондент, ПИ ИГУ – 445 респондентов (табл. 3).

Таблица 3. Опрос о целевом обучении 2021 года

	БрГУ	ПИ ИГУ
1 курс	36	107
2 курс	39	150
3 курс	39	53
4 курс	31	135
Заочное и ускоренное обучение	0	0
всего	145	445
	590	

планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договора о целевом обучении с гарантией трудоустройства	24/ 16,5%	48/ 10%
	72/ 12,2%	
Количество студентов выпускного курса, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона	8	111

Результаты анкетирования в БрГУ: из общего числа опрошенных на коммерческой основе обучается 13 студента (8,9% от опрошенных в БрГУ). Из них ориентированы на работу в системе образования региона 7 человек (53,8%), количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 5 (38,5%), количество студентов, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 7, что составляет 53,8% от числа коммерческих студентов и 4,8% от числа опрошенных в БрГУ.

Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 17, что составляет 11,7% от числа респондентов.

8 обучающихся на выпускном курсе планирует осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона, что составляет 5,5% от числа опрошенных.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных – обучающихся на психолого-педагогических направлениях БрГУ 16,5% (24 человека) желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства.

На коммерческой основе в ПИ ИГУ обучается 95 опрошенных студентов. Из них ориентированы на работу в системе образования региона 67 обучающихся (15% от общего числа респондентов и 70,5% от числа коммерческих студентов). Из них количество студентов, средний балл успеваемости которых не ниже 3,7 – 43 человека (45,2%), количество обучающихся, желающих заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 16, что составляет 16,8% от числа коммерческих студентов и 3,5% от общего числа респондентов ПИ ИГУ.

Количество студентов, обучающихся на бюджетной основе, планирующих осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желающих заклю-

чить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства – 32, что составляет 7,2% от числа респондентов.

111 обучающийся на выпускном курсе планирует осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона, что составляет 25% от числа опрошенных.

Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из числа опрошенных - обучающихся на психолого-педагогических направлениях ПИ ИГУ 10% (48 человека) желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства.

В декабре 2018 года анкетирование прошли 347 обучающихся психолого-педагогических направлений ФГБОУ ВО «Братский государственный университет» и Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет». Планируют осуществлять дальнейшую трудовую деятельность в системе образования региона и желают заключить договор о целевом обучении с гарантией трудоустройства 21,8% студентов. В целом, в ноябре-декабре 2019 года анкетирование прошли 862 обучающихся психолого-педагогических направлений ФГБОУ ВО «Братский государственный университет» (БрГУ) и Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ПИ ИГУ). Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из общего числа опрошенных порядка 44% желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства. В марте 2021 года анкетирование прошли 590 обучающихся психолого-педагогических направлений ФГБОУ ВО «Братский государственный университет» (БрГУ) и Педагогического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (ПИ ИГУ). Результаты анкетирования позволяют сделать вывод, что из общего числа опрошенных порядка 12,2% желают заключить договоры о целевом обучении с гарантией трудоустройства (рис. 2).

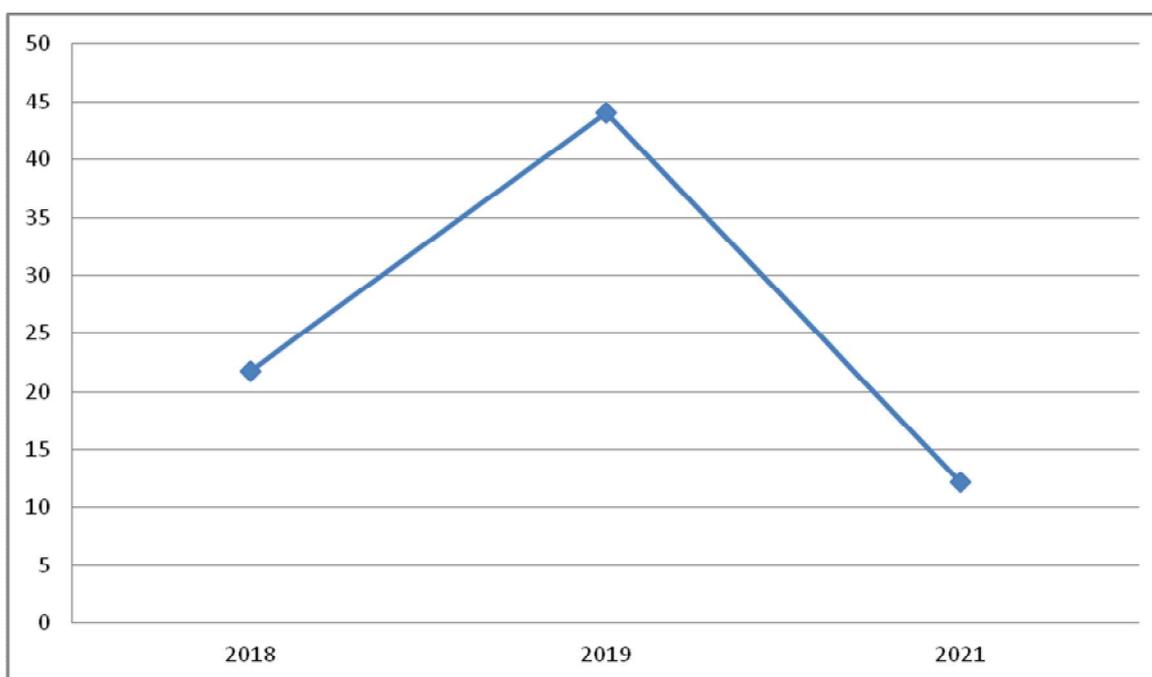

Рис. 2 – Обучающиеся, желающие заключить договор целевого обучения, в %

Целевое обучение заняло достойное место в системе профессионального образования, и продолжается наработка опыта по устранению нестыковок между муниципалитетами, как заказчиками, образовательными организациями, как потребителями, учебными заведениями, как исполнителями заказа, и обучающимися [6]. Интересы, роли, позиции и ответственность участников многостороннего процесса целевого обучения еще находятся в стадии определения [7]. Связь с выпускниками позволяет совершенствовать процесс обучения посредством анализа и учета мнения выпусков и совершенствования образовательного процесса [8].

Национальный проект «Образование», а именно федеральные проекты (ФП) «Учитель будущего» и «Цифровая образовательная сре-

да» являются серьезным обеспечением полноценной подготовки; последующего трудоустройства; совершенствования, полученных навыков в вузе; выпускников педагогических направлений. В образовательную сферу предполагается в течение 6 лет направить 674 млрд рублей. ФП предусматривают повышение квалификации педагогических работников (50%), стажировки на основе современных цифровых технологий [9].

Для закрепления молодых педагогов на местах работы требуется наличие современных условий труда и быта (жилье, заработная плата, возможность использовать современные информационные технологии и связь, качественные учебно-методические материалы, в том числе учебники и т. д.).

Литература

1. О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2013 г. № 1076: постановление Правительства РФ от 21 марта 2019 г. № 302. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 19.05.2021).
2. Квота приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на 2021 год: распоряжение Правительства РФ от 28 ноября 2020 г. № 3161-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 19.05.2021).
3. Об утверждении порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры: приказ Минобрнауки России от 21.08.2020 № 1076. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 19.05.2021).
4. Блог инспектора народного образования. URL: <https://eduinspector.ru/2020/11/01/abiturient-2021-postuplenie-na-tselevoe-obuchenie-po-novym-pravilam/> (дата обращения: 31.04.2021).

5. Елина Е. Г., Аникин В. М. Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselevoe-obuchenie-sotsialnye-riski-i-ih-preodolenie> (дата обращения: 31.04.2021).
6. Горелова И. Н. Значение целевого обучения для регионального пространства формирования трудовых ресурсов. Ученые Омска – региону: науч. текстовое электрон. изд. локального распространения: материалы III Регион. науч.-техн. конф. (Омск, 6-7 июня 2018 г.). ОмГТУ. Омск. 2018. С. 129–133.
7. О целевом приеме и целевом обучении в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях: письмо Министерства образования и науки РФ от 7 декабря 2016 г. № ЛО-1841/05. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 23.05.2021).
8. Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. №4. С. 71-75.
9. Паспорт национального проекта «Образование»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 19.05.2021).

Сведения об авторах:

© **Большедворская Марина Владимировна** – кандидат социологических наук, доцент, методист, Иркутский колледж экономики, сервиса и туризма, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: zzz4013@mail.ru.

© **Блинникова Анна Валерьевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной информатики и документооборота, Иркутский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: annoy@list.ru.

Information about authors:

© **Bolshedvorskaya Marina Vladimirovna** – Candidate of Social Sciences, associate Professor, Methodologist, Irkutsk College of Economics, Service and Tourism, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: zzz4013@mail.ru.

© **Blinnikova Anna Valeryevna** – Candidate of Philosophy, associate Professor of the Department of applied Informatics and documentation, Irkutsk state University, Russian Federation, Irkutsk, e-mail: annoy@list.ru.

УДК 378.184

И. В. Павлова, О. М. Лаврова

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ АДАПТАЦИОННОГО ИНКУБАТОРА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: модель адаптационного инкубатора, социокультурная адаптация, иностранные студенты

В рамках национального проекта «Образование» предполагается решить проблемы развития образования в целом и высшего образования в частности. Российское высшее образование высоко ценится в мире благодаря своей фундаментальности, доступности и большому разнообразию предлагаемых основных образовательных программ. Носуществует ряд препятствий для успеха в области экспорта российского образования. В частности, знание русского языка, который изучается в мире в сравнительно небольшом количестве стран по сравнению, например, с английским. Однако, востребованность российского образования на мировой арене заставляет искать новые и совершенствовать имеющиеся пути адаптации иностранных студентов к обучению в российских вузах. В статье на примере Казанского национального исследовательского технологического университета рассматривается ряд общих проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты во время обучения в России, и, в качестве решения, предлагается модель адаптационного инкубатора для социокультурной адаптации иностранных студентов в российском инженерном вузе. Основные проблемы, отмеченные иностранными студентами: недостаточное знание русского языка, отсутствие безопасности и этническая дискриминация в обществе. Иностранные студенты предпочитают общаться со своими соотечественниками и не особо стремятся влиться в российское студенческое сообщество, что приводит к затруднениям с адаптацией иностранных студентов к жизни и обучению в России. Для сбора данных с помощью анкетирования было привлечено 50 иностранных студентов из стран Ближнего зарубежья. Результаты показали, что на процесс адаптации влияют три типа проблем, включая проблемы в обучении, социокультурные проблемы и языковую некомпетентность. Модель адаптационного инкубатора предлагает использовать инновационные методы языковой педагогики, андрагогики и психологии, которые бы помогли иностранным студентам преодолеть социокультурные проблемы в обучении как в российском инженерном вузе, так и за его пределами.

I. V. Pavlova, O. M. Lavrova

DEVELOPMENT OF A MODEL OF ADAPTATION INCUBATOR FOR FOREIGN STUDENTS AT A RUSSIAN ENGINEERING UNIVERSITY

Keywords: adaptation incubator model, sociocultural adaptation, foreign students

Within the framework of the national project «Education» it is planned to solve the problems of the development of education in general and higher education in particular. Russian higher education is highly valued in the world due to its fundamental nature, accessibility and wide variety of offered basic educational programs. But there are a number of obstacles to success in exporting Russian education. In particular, knowledge of the Russian language, which is studied in the world in a relatively small number of countries in comparison, for example, with English. However, the demand for Russian education on the world stage forces us to look for new and improve the existing ways of adapting foreign students to study at Russian universities. Using the example of the Kazan National Research Technological University, the article examines a number of common problems that foreign students face while studying in Russia, and, as a solution, proposes a model of an adaptation incubator for the sociocultural adaptation of foreign students in a Russian engineering university. The main problems noted by foreign students: insufficient knowledge of the Russian language, lack of security and ethnic discrimination in society. Foreign students prefer to communicate with their compatriots and are not particularly eager to join the Russian student community, which leads to difficulties in adapting foreign students to life and study in Russia. To collect data using a questionnaire, 50 foreign students from the countries of the Near Abroad were involved. The results showed that the adaptation process is influenced by three types of problems, including learning problems, sociocultural problems, and linguistic incompetence. The adaptation incubator model proposes to use innovative methods of language pedagogy, andragogy and psychology, which would help foreign students overcome socio-cultural problems in learning both in a Russian engineering university and beyond.

Введение

Глобализация экономики и развитие новых информационных и коммуникационных технологий изменили почти все социальные сферы, включая образование [1]. В настоящее время российская система образования, глубоко связанная с миром труда и социализацией будущего поколения, трансформируется, а её роль переопределяется в свете процессов глобализации. Задачи в области образования меняются в ответ на необходимость конкуренции в глобальной экономике; системы образования оцениваются и сравниваются в соответствии с таблицами рейтингов, а само образование превратилось в «товар», который можно коммерциализировать во всем мире [2]. Но глобализация влечет за собой дополнительные последствия для образования. Глобализация также означает более тесный контакт с различными типами обществ, культур и видов знаний и с увеличением экспорта российского образования, который является одной из основных задач национального проекта «Образование». Одним из способов решения данных задач является привлечение в Россию как можно большего количества иностранных студентов. Фундаментальность российского образования привлекает в наши вузы иностранцев из разных стран. В связи с этим становится актуальным изучение проблем адаптации иностранных студентов к образовательному процессу в российском вузе и к жизни в России в целом.

Успешная социокультурная адаптация способствует, как быстрому включению студентов в учебный процесс, что позволяет решать проблему сохранения контингента учащихся, который существенно сокращается во время первых сессий, так и помогает повысить качество подготовки студентов в вузе [3]. Одними из целей национального проекта «Образование» являются повышение востребованности российских образовательных программ для иностранцев и, в результате – увеличение доходов от экспорта образовательных услуг.

Нами был проведён опрос 50 иностранных студентов первого и второго курсов, обучающихся в Казанском национальном исследовательском технологическом университете, с целью выявления побудительных мотивов для поступления именно в российский вуз. Были опрошены студенты первого и второго курсов из Китая, Туркменистана и Узбекистана. Возраст участников составил 18-19 лет. 90 % из них приехало в Россию в первый раз, а 10 % ранее уже были в нашей стране в качестве туристов.

Большинство опрошенных составляют мужчины (80 %) и студенты второго курса (70 %). Девушки были студентками второго курса. Большинство респондентов являются гражданами бывших республик Советского Союза (90 %), еще 5 человек (10 %) являются студентами из дальнего зарубежья (Китай). Результаты опроса представлены на графике 1.

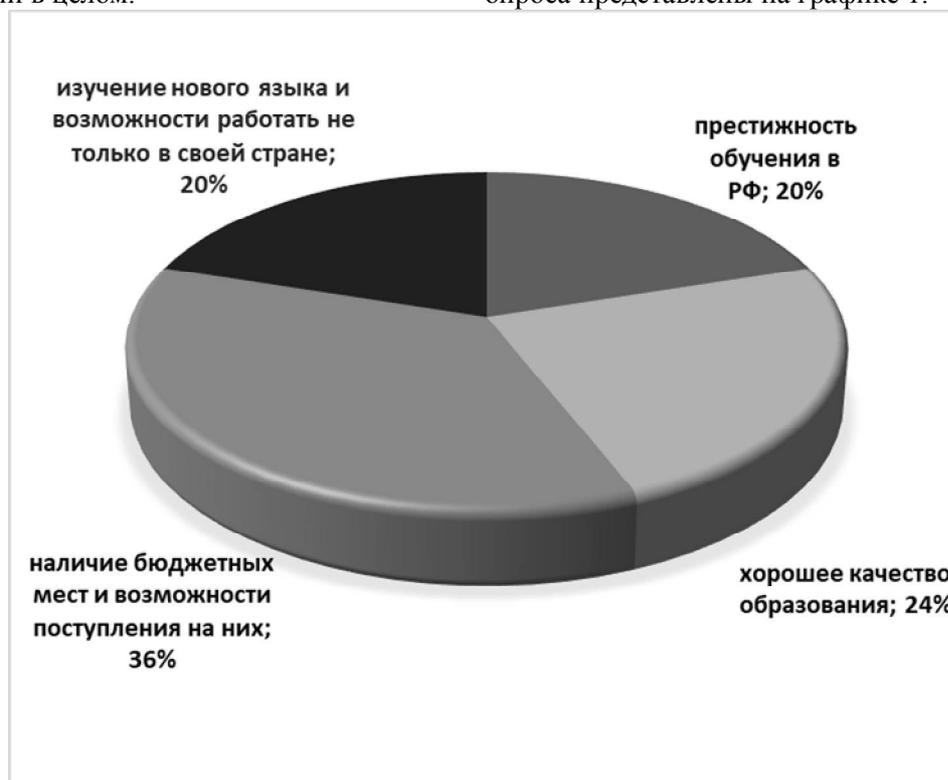

График 1– Побудительные мотивы обучения в российском вузе

Исследования, посвященные проблемам адаптации иностранных студентов в российских вузах, как правило, рассматривают три направления адаптации: психологическую, социокультурную и академическую. Живя и обучаясь в незнакомой социокультурной и академической среде, иностранные студенты сталкиваются с рядом проблем, включая депрессию, стресс, тревогу, бессонницу, культурный шок, одиночество и тоску по дому, новые еду и жилье, языковую некомпетентность, непонимание лекций, разницу менталитетов. Стрессовые факторы среди иностранных студентов не только влияют на их физическое и психологическое благополучие, но и препятствуют возможности участвовать полностью в культурной ассимиляции и получать высокие академические результаты.

Исследование было направлено на изучение того, как иностранные студенты в России справляются с дисбалансом проблем социокультурной адаптации и той поддержки, которую им оказывает университет. Исследование также было направлено на то, чтобы предложить более практичный способ эффективной социокультурной адаптации иностранных студентов путём разработки модели адаптационного инкубатора.

Предыдущие исследования проблем иностранных студентов показали, что они, находясь далеко от своих семей и друзей, часто сталкиваются с проблемами различного типа, включая культурные, социальные и психологические. Ряд исследователей обнаружили, что иностранные студенты иногда сталкиваются с нежелательным взаимодействием, которое влияет на их адаптацию к новой среде, с конфликтами на межэтнической почве, с недостаточным знанием русского языка и, как следствием, низкой академической успеваемостью [4, 5]. Они также выяснили, что иностранные студенты находятся в некоей изоляции, которая вызвана отсутствием у этих них эффективных социальных контактов и взаимодействия с местными студентами. Исследователи пришли к выводу, что, если иностранные студенты будут эффективнее взаимодействовать с местными студентами, они смогут лучше понять российскую культуру и академическую систему и смогут эффективно адаптироваться к среде российского инженерного университета.

Наши исследования, проведенные в Казанском государственном энергетическом университете, подтверждают выводы коллег из других университетов России [6].

Иностранцам студентам приходится не только адаптироваться к новой академической и социокультурной среде, но и приобретать но-

вые навыки. Исследования показали, что иностранные студенты сталкиваются с трудностями в понимании культуры и языка принимающей страны. Выполняя требования новой академической системы, иностранные студенты сталкиваются с многочисленными проблемами, включая оценивание, выбор курса, понимание лекции, общение с преподавателями и самостоятельную работу и т. д. Иностранцам студентам необходимо жить в принимающей культуре и обществе. Их жизнь и деятельность, по идее, не должны быть ограничены окружающей средой университетского городка, но из-за другой культуры и языковой некомпетентности иностранным студентам часто трудно приспособиться к принимающему обществу. [7].

Эти результаты показывают, что актуальность проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов в российских инженерных вузах определяется в первую очередь задачами их дальнейшего обучения как будущих квалифицированных специалистов. Для решения проблем адаптации иностранных студентов в российском инженерном вузе нами была предложена модель адаптационного инкубатора. Данная модель даёт возможность эффективно взаимодействовать с иностранными студентами, как в очном, так в дистанционном формате. Это особенно актуально в период пандемии, когда многие иностранные студенты не смогли приехать из своих стран и вынуждены учиться дистанционно.

Адаптационный инкубатор для иностранных студентов – это площадка, запускающая и координирующая психологическую, социокультурную и академическую адаптацию иностранных студентов в целях их знакомства с культурой России и народов в нём проживающих, улучшения знаний русского языка, предоставления им возможности общения в клубах по интересам и вовлечение их в мероприятия вуза, привитие навыков обучения в российских образовательных учреждениях

Адаптационный инкубатор, базирующийся на платформе MSTeams, будет представлять собой единый информационный портал, на котором студенты смогут найти информацию, необходимую для комфортного проживания и обучения в российском вузе. Это и телефоны службы психологической и юридической, в том числе, визовой поддержки, карту университетских кампусов, информацию о мероприятиях, проводимых в вузе, о клубах по интересам, кружках и творческих коллективах, которые действуют на его территории. Также здесь будут выложены дидактические материалы, разработанные совместно со специалистами психологами и преподавателями русского

языка для иностранных студентов, которые позволят быстрее и качественнее освоить русский язык, так как незнание и недостаточное знание русского языка является, по мнению самих иностранных студентов, одним из главных препятствий быстрой адаптации к новым условиям проживания и главным фактором их низ-

кой академической успеваемости. Здесь же преподаватели, ведущие занятия в группах иностранных студентов смогут найти методические материалы для улучшения понимания и также адаптации к такой работе. Наглядно схема инкубатора приведена на рисунке 1.

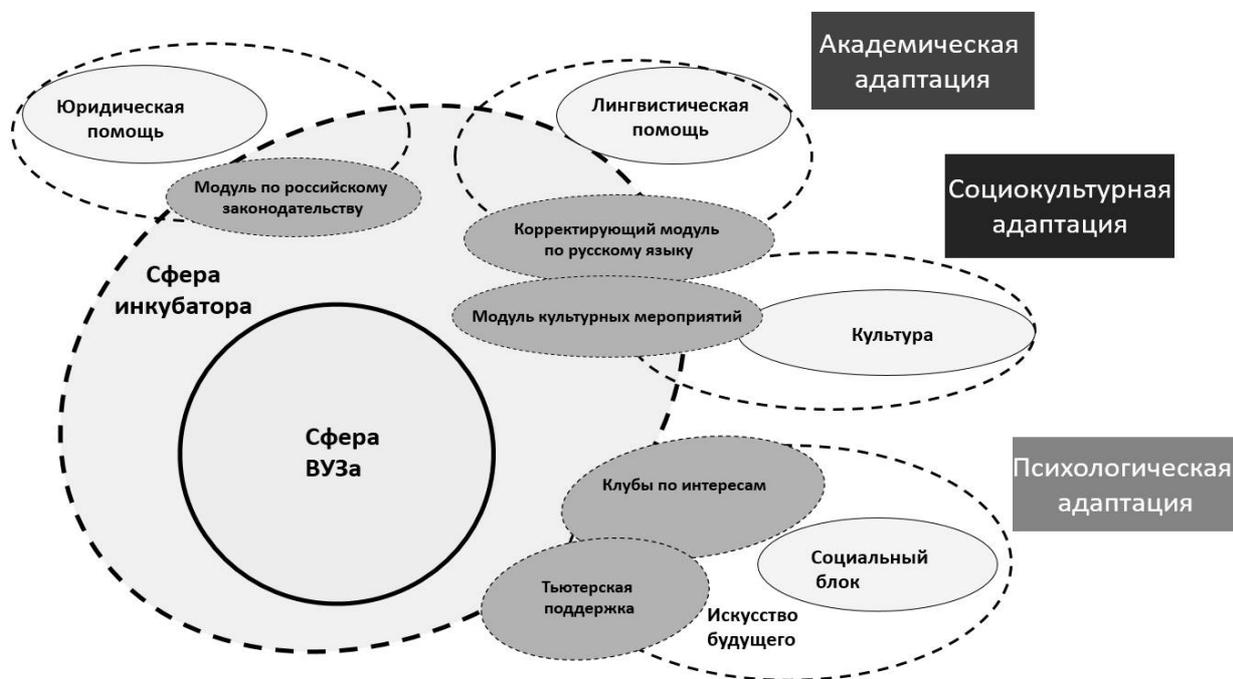

Рисунок 1– Схема адаптационного инкубатора для иностранных студентов в российском вузе

Выводы

Основными целями адаптационного инкубатора являются:

1. Улучшение знания русского языка у иностранных студентов/преодоление языкового барьера.
2. Снижение количества преступлений на межэтнической почве
3. Упрощение миграционных процедур для иностранных студентов.
4. Повышение уровня жизни иностранных студентов в РФ, за счёт упрощения психологической, социокультурной и академической адаптации.
5. Увеличение несырьевого экспорта РФ/привлечение большего количества иностранных студентов.
6. Увеличение внебюджетного финансирования вуза.
7. Увеличение количества ставок для преподавателей.
8. Формирование современной системы подготовки квалифицированных кадров из числа иностранных студентов по приоритетным для Республики Татарстан компетенциям.

9. Мониторинг академических достижений иностранных обучающихся.

10. Мониторинг увеличения количества иностранных абитуриентов, привлечённых нынешними иностранными студентами нашего вуза.

11. Создание образовательных программ с использованием инновационных методов обучения, которые позволят не только повысить у иностранных студентов интерес, вовлечённость и мотивацию к обучению, но и позволят и улучшить знание русского языка и облегчат их взаимодействие с российскими студентами.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что психологическая, социокультурная и академическая адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза– это комплексное явление. Успешность всех выше-названных процессов адаптации обеспечивает адекватное взаимодействие иностранных обучающихся с академической и творческой средой вуза, а также формирование метапредметных знаний, умений и навыков, значимых как для будущей профессии, так и для жизни в целом.

Литература

1. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-45-57>.
2. Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. №4. С.71-75.
3. Фатхуллина Л. З. Роль тьюторства в решении проблемы адаптации студентов-иностранцев к учебе в российском вузе // Управление устойчивым развитием. 2017. №3 (10). С.96-102.
4. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н.Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. 2011. № 8-2. С. 284-288.
5. Дацишин П. Т., Николаенко О. А., Стельмошук П. О. Адаптация иностранных студентов к жизнедеятельности в вузе // International scientific review. 2016. №2 (12). С. 218-220.
6. Павлова И.В., Потапов А.А., Проблемы адаптации иностранных студентов в российском университете / Вестник Таджикского Национального Университета. 2020, в.6, с.152-157.
7. Гусейнова О. И. Социокультурная адаптация иноэтнических мигрантов в зарубежных социологических концепциях // Философия права. 2015. №6 (73). С. 97-101.
8. Kamneva K., Russian Education to Become More Attractive to Foreigners. URL: <https://russkiymir.ru/en/publications/250341/> (дата обращения 03.06.2021).
9. Sanger P. Integrating Project Management, Product Design with Industry Sponsored Projects provides Stimulating Senior Capstone Experiences // International Journal of Engineering Pedagogy. Vol. 1 (2). № 1. 2011. P. 13-18.
10. Pavlova I. V., Potapov A. A., Sanger P. A., Kaybiyaynen A. A. Poster: Socio-cultural Adaptation of Foreign Students at Kazan State Power Engineering University / Educating Engineers for Future Industrial Revolutions. ICL 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing, Vol 1329. 2021. P. 737-744.
12. Набок И.Л. Педагогика межнационального общения: Учебное пособие / М.: Издательский центр «Академия», 2010. 304 с.

Сведения об авторах:

© **Павлова Ирина Викторовна** – кандидат химических наук, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ipavlova@list.ru.

© **Лаврова Оксана Мударисовна** – кандидат химических наук, доцент кафедры органической химии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Lavrovaom@yandex.ru.

Information about the authors:

© **Pavlova Irina Viktorovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ipavlova@list.ru.

© **Lavrova Oksana Mudarisovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Organic Chemistry, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: Lavrovaom@yandex.ru.

УДК 37.018. 43

М. А. Прохоров, Р. А. Юхимук, М. А. Лыкова

МЕТОДИКА ОЦЕНИВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Ключевые слова: педагогическая инновация, дистанционное обучение, эффективность, оценивание

В статье представлены результаты анализа организации образовательной деятельности в Российской Федерации в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Данным исследованием определена доминирующая роль дистанционного (удалённого) формата обучения в рассматриваемых условиях для отечественной системы образования в целом. Также была выявлена тенденция к увеличению доли дистанционных технологий обучения по отношению к традиционным способам его организации, в связи с чем дистанционный формат организации образовательной деятельности рассматривается как новый базис для всей педагогической деятельности, в особенности, для инновационной. Исходя из того, что технологической основой для организации дистанционного обучения выступают специализированные организационно-технические системы, организация эксплуатации которых сопровождается порой существенными экономическими издержками, обоснована актуальность задачи оценивания эффективности педагогических инноваций в условиях дистанционного обучения. На первоначальных этапах решения соответствующей задачи оценивания сложное свойство эффективности педагогических инноваций рассмотрено с позиций системного подхода, теории эффективности целенаправленных процессов и основных принципов исследования операций. В результате разработана методика оценивания, опирающаяся на двухэтапную схему, в соответствии с которой на первом этапе решаются задачи скаляризации, а на втором – детерминизации. В результате определена структура и содержание основных этапов методики оценивания эффективности педагогических инноваций в условиях дистанционного обучения, особенностью которой является представление образовательного процесса как системы, находящейся во взаимосвязи и взаимодействии с внешней средой. Разработанная методика позволяет априорно определять эффективность педагогических инноваций при заданных эксплуатационно-технических характеристиках и условиях функционирования и применения систем дистанционного обучения. Оценка эффективности, полученная с помощью разработанной методики, может быть использована непосредственно как для решения задач анализа качества исследуемых педагогических инноваций, так и для решения обратных задач синтеза.

М. А. Prokhorov, R. A. Yukhimuk, M. A. Lykova

METHODOLOGY FOR EVALUATING THE EFFICIENCY OF PEDAGOGICAL INNOVATIONS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE LEARNING

Key words: pedagogical innovation, distance learning, efficiency, assessment

This article presents the results of an analysis of the organization of educational activities in the Russian Federation in the context of a pandemic of a new coronavirus infection. The research has determined the dominant role of the distance education format of study in the conditions under consideration for the entire domestic education system. A tendency was revealed towards an increase in the share of distance learning technologies in relation to the traditional methods of its organization, in this regard, the distance format of organizing educational activities is considered as a new basis for all pedagogical activities, especially for innovative ones. Proceeding from the fact that the technological basis for the organization of distance learning is specialized organizational and technical systems, the organization of operation of which is sometimes accompanied by significant economic costs, the authors substantiated the urgency of the task of assessing the effectiveness of pedagogical innovations in the context of distance learning. At the initial stages of solving the corresponding problem of assessment, the complex property of the effectiveness of pedagogical innovations is considered from the standpoint of a systematic approach, the theory of the effectiveness of purposeful processes and the basic principles of operations research. As a result, an estimation technique was developed based on a two-stage scheme, according to which scalarization problems are solved at the first stage, and determination at the second stage. As a result, the structure and content of the main stages of the methodology for assessing the effectiveness of pedagogical innovations in the context of distance learning was determined, a feature of which

is the presentation of the educational process as a system that is in interconnection and interaction with the external environment. The developed methodology makes it possible to determine a priori the effectiveness of pedagogical innovations both for the given operational and technical characteristics of distance learning systems, and in the conditions of its functioning and application. The assessment of the effectiveness that was obtained using the developed methodology can be used directly both for solving problems of analyzing the quality of the studied pedagogical innovations, and for solving inverse problems of synthesis.

Пандемия новой коронавирусной инфекции изменила привычное устройство мира. В частности, серьёзные изменения претерпел ландшафт образовательной деятельности (ОД), начиная от дошкольного и заканчивая высшим образованием. Крупнейший за всю историю сбой в функционировании систем образования затронул почти 1,6 миллиарда учащихся, более чем в 190 странах [1,2]. С целью предотвращения полной остановки ОД, а также минимизации возможных негативных последствий, в том числе отложенных, руководство Российской Федерации (РФ) было вынуждено в экстренном режиме организовывать дистанционный (удалённый) формат обучения. В целом, эксперты сходятся во мнении об определённых успехах, достигнутых в этом направлении. Вместе с тем, были выявлены некоторые упущения и наметившиеся парадигмальные изменения в отечественной образовательной системе.

Так, например, стала очевидна зависимость от иностранных платформ организации дистанционного обучения (ДО). На первоначальных этапах перехода к удалённому формату

обучения Министерство просвещения РФ рекомендовало исключительно иностранные платформы (таблица 1) [3], наибольшую популярность среди них приобрёл сервис видеоконференций Zoom. Однако с 31 марта 2021 года российским партнёрам разработчика сервиса Zoom было запрещено продавать его лицензии в государственный сектор РФ [4, 5, 6]. При этом компания Zoom Video Communications никак не объяснила свои действия. В результате пришлось оперативно адаптировать уже используемый формат организации ДО. Сложившаяся ситуация наглядно показала важность, а с учётом возможных социально-экономических последствий полной остановки ОД, стратегическую значимость отечественных систем дистанционного обучения (СДО). Отметим, что в настоящее время уже существует ряд отечественных решений в области СДО, однако, по-прежнему остаются нерешёнными вопросы по их стандартизации, селекции и массовому внедрению. Указанные обстоятельства представляют собой отдельные, самостоятельные направления исследований.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика рекомендованных платформ организации ДО

Характеристика	Skype	Zoom	Discord	Microsoft Teams
Количество обучающихся (бесплатная версия)	50	100	10 (50)	До 250
Возможность организации групповой работы	-	+	+	+
Возможность организации обратной связи	+	+	+	+
Время работы	До 4 часов непрерывно; 10 часов в день; 100 часов в месяц	До 40 минут («один на один» без ограничений)	Без ограничений	Без ограничений
Обязательность регистрации обучающихся на платформе	+	-	+	-
Возможность файлового обмена	+	+	+	+
Возможность «демонстрации экрана»	+	+	+(до 100 Мб)	+
Возможность записи занятия	+(30 дней)	+(40 минут, хранение в облаке или локально)	-	+

В то же время, ведущие специалисты считают, что доля ДО в ОД будет постоянно увеличиваться. В связи с этим, ДО справедливо считать новым технологическим базисом для современной педагогической деятельности, особенно инновационной. При этом, необходимо учитывать, что сам «инструментарий» организации дистанционного обучения – СДО, представляют собой довольно сложные организационно-технические системы, что приводит, в свою очередь, к существенным финансовым издержкам, связанными с организацией их эксплуатации. Все вышесказанное обуславливает необходимость разработки соответствующих подходов к определению целесообразности внедрения и дальнейшего использования, вновь разрабатываемых педагогических инноваций (ПИ) в рамках ДО. Таким образом, возникает актуальная задача оценивания эффективности ПИ при заданных эксплуатационно-технических характеристиках СДО, условиях их функционирования и применения. Причём наибольший практический интерес представляет априорная оценка качества исследуемых ПИ.

Разработка методики оценивания эффективности педагогических инноваций в условиях дистанционного обучения

В последние годы педагогическая теория всё чаще обогащается новыми понятиями и терминами, заимствованными из других предметных областей. Это свидетельствует о тесной связи педагогики с другими науками [7]. В рамках исследования, под ПИ следует понимать принципиально новые способы и методы взаимодействия преподавателей и обучающихся, обеспечивающие эффективное достижение результата педагогической деятельности [8]. Отметим, что в целом ПИ подразумевает некоторое улучшение течения и результатов учебных процессов, однако это не всегда так [9].

Как видно из определения, ПИ возможно интерпретировать как некую операцию в широком смысле [10]. В свою очередь, СДО

$$X_{(n)} = (A_{(n_1)}, B_{(n_2)}, C_{(n_3)}) = (A_1, A_2, \dots, A_{n_1}, B_1, B_2, \dots, B_{n_2}, C_1, C_2, \dots, C_{n_3}).$$

Для того, чтобы свести n -мерный вектор к удобному трёхкомпонентному вектору $X_{(3)}$ необходимо воспользоваться одним из известных способов свёртывания частных (единичных) показателей результатов операции [9, 10].

Тогда качество результатов ПИ будет описываться следующим вектором:

$$X_{(3)} = (A, B, C).$$

справедливо рассматривать как множество взаимосвязанных материальных объектов (технических средств и обслуживающих их групп людей), то есть как определённую целеустремлённую техническую систему [11]. Исходя из выявленного подобия, оценивание эффективности ПИ целесообразно осуществлять в соответствии с методологическими аспектами системного подхода, теории эффективности целенаправленных процессов и основных принципов исследования операций.

Как и любая операция, ПИ обладает главным комплексным свойством – эффективностью, то есть степенью приспособленности к достижению цели. В свою очередь, компонентами эффективности являются [7]:

- результативность (характеризуется получаемым в результате целевым эффектом, например, средний бал рубежного контроля);

- ресурсоёмкость (характеризуется расходом операционных ресурсов всех видов (материально-технических, информационных, временных, людских и т.д.), например, количество привлекаемых педагогов, объём материально-техническое обеспечение);

- оперативность (характеризуется расходом операционного времени (времени потребного для достижения цели), например, потребное количество учебных часов для освоения учебного раздела, темы, модуля).

Исходя из этого, введём следующие обозначения:

$A_{(n_1)}$ – вектор результатов (позитивных эффектов) ПИ;

$B_{(n_2)}$ – вектор затрат ресурсов (негативных эффектов) на получение этих результатов;

$C_{(n_3)}$ – вектор временных затрат на получение этих результатов.

Тогда показатель эффективности (качества) результатов ПИ будет представлять собой n -мерный вектор ($n = n_1 + n_2 + n_3$):

Отметим, что каждая из компонент вектора $X_{(3)}$ зависит от конкретных характеристик СДО и условий её функционирования:

$$X_{(3)} = X_{(3)}(D_{(k)}, E_{(l)}),$$

где $D_{(k)}$ – вектор эксплуатационно-технических характеристик СДО (структурных, организационных, параметрических и т.д.); $E_{(l)}$ – вектор характеристик условий функционирования СДО.

Содержательно цель ПИ заключается в получении требуемых результатов, что соответствует реализации критерия пригодности:

$$G: X_{(3)} \in \{X_{(3)}^{\text{доп}}\} \cong U,$$

где $\{X_{(3)}^{\text{доп}}\}$ – область (множество) допустимых значений вектора $X_{(3)}$, задаваемая директивно (требования «заказчика», Федеральных государственных образовательных стандартов и других нормативных актов); U – достоверное событие (истинное высказывание).

$$\hat{X}_{(3)} = X_{(3)}(\bar{D}_{(k)}, \bar{E}_{(l)}),$$

$$G: \hat{X}_{(3)} \in \{X_{(3)}^{\text{доп}}\} \cong U.$$

Очевидно, что пригодность ПИ есть также случайное событие, по которому судить об эффективности нельзя, поэтому характеристикой степени приспособленности ПИ к достижению цели в условиях реального функционирования может служить исключительно вероятность случайного события (1) при заданной совокупности условий:

$$P_{\text{дц}} = P(\hat{X}_{(3)} \in \{X_{(3)}^{\text{доп}}\}).$$

Таким образом, показателем эффективности ПИ является вероятность достижения цели ($P_{\text{дц}}$), схема алгоритма оценивания которой в соответствии с [10], представлена на рисунке 1.

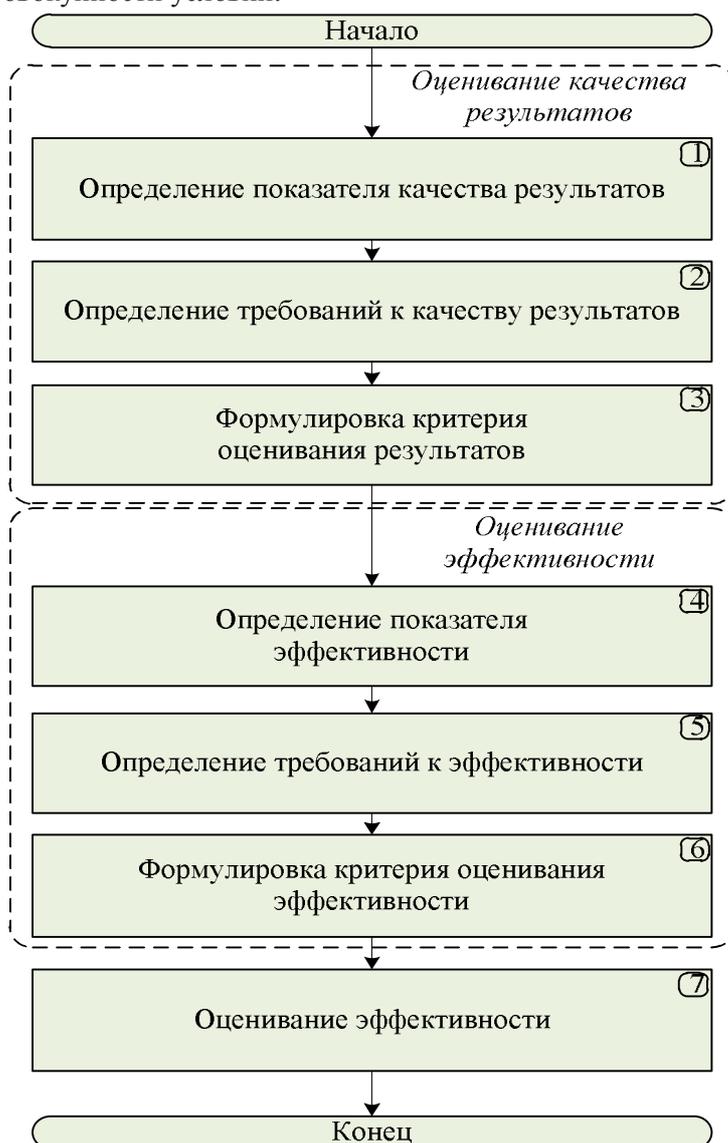

Рис. 1 – Схема алгоритма оценивания эффективности педагогических инноваций

Как видно из представленной схемы, оценивание осуществляется в два этапа. На первом решаются задачи скаляризации путём перехода от вектора $X_{(3)}$ к критерию $X_{(3)} \in \{X_{(3)}^{доп}\}$, а на втором – задача детерминации путём перехода от $\tilde{X}_{(3)} \in \{X_{(3)}^{доп}\}$ к $P_{дц}$.

Опираясь на представленную схему оценивания и исходя из детерминированности требований к результатам ПИ, стало возможным разработать соответствующую методику оценивания эффективности ПИ в условиях дистанционного обучения, структура которой представлена на рисунке 2.

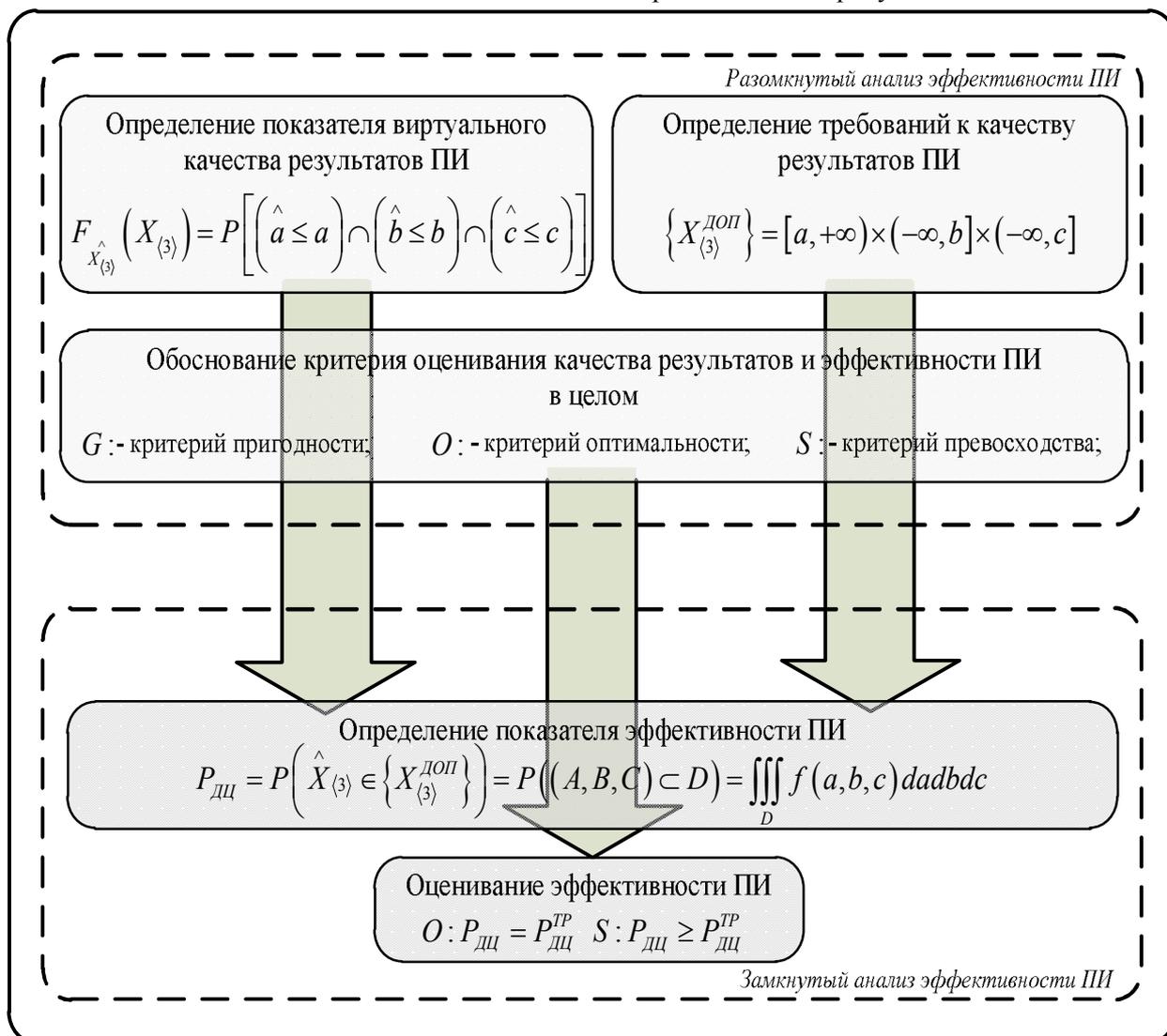

Рис. 2 – Структура методики оценивания эффективности педагогических инноваций в условиях дистанционного обучения

В представленной методике центральным моментом является задача определения закона распределения случайного вектора $\tilde{X}_{(3)}$, представляющая собой самостоятельную проблему, соизмеримую по сложности с концептуально-методологической [10]. На современном этапе развития прикладной математики данную задачу целесообразно решить одним из следующих методов: аналитическим, численным, статистических испытаний, статистического имитационного моделирования [11].

Заключение. Разработанная методика оценивания эффективности ПИ в условиях ДО позволяет априорно определять соответствующие показатели при заданных эксплуатационно-технических характеристиках СДО, условиях её функционирования и условий применения. Практическая значимость решения задачи анализа эффективности ПИ заключается в возможности сравнения различных вариантов СДО, а самое важное, непосредственно для оптимального проектирования самих ПИ.

Литература

1. Концептуальная записка: Образование в эпоху COVID-19 и в последующий период / Организация Объединённых Наций, 2020. 32 с.
2. Алексеев С. А. Трансформация использования информационно-коммуникативных технологий в условиях пандемии Covid-19 3 // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С.37- 42
3. Практические рекомендации (советы) для учителей и заместителей директоров по учебно-воспитательной работе в образовательных организациях, реализующих образовательные программы начального, общего, основного, среднего образования с использованием дистанционных технологий / министерство просвещения Российской Федерации, 2020. 23 с.
4. Zoom запретил пользоваться своей видеосвязью властям России и госкомпаниям. URL: www.cnews.ru/news/top/2021-04-06 (дата обращения 08.05.2021).
5. Zoom запретила российскому госсектору пользоваться своей видеосвязью URL: www.rbc.ru/s/technology_and_media/06/04/2021 (дата обращения 08.05.2021).
6. К чему приведёт отказ Zoom работать с госкомпаниями из России URL: www.news.rambler.ru/s/community/46170300 (дата обращения 12.05.2021).
7. Кирягина М. Е. Педагогические инновации в образовании // Вестник Казанского технологического университета. № 18 2012. С. 282-284.
8. Джумаева С. А., Хайруллаева М. Х. Педагогические инновации в современной системе образования // Научные исследования. № 3(29). 2019. С. 38-39.
9. Полонский В. М. Инновации в образовании (методологический анализ) // Инновации в образовании. № 3. 2007. С. 345-353.
10. Методологические основы теории эффективности / Морозов Л.М., Петухов Г.Б., Сидоров В.Н. – Ленинград им. А.Ф. Можайского, 1982. 236 с.
11. Методологические основы проектирования целенаправленных процессов и целеустремленных систем / Петухов Г.Б., Якунин В.И. М.: АСТ, 2006. 504 с.

Сведения об авторах:

© **Прохоров Михаил Александрович** – кандидат технических наук, начальник лаборатории, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: vka@mil.ru.

© **Юхимук Роман Алексеевич** – младший научный сотрудник, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: vka@mil.ru.

© **Лыкова Мария Александровна** – учитель, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение Средняя общеобразовательная школа № 14, Российская Федерация, Красногорск, e-mail: maria.lykova2112@mail.ru.

Information about the authors:

© **Prokhorov Mikhail Aleksandrovich** – Candidate of Technical Sciences, Head of the Laboratory, Military Space Academy, Russian Federation, Saint-Petersburg, e-mail: vka@mil.ru.

© **Yukhimuk Roman Alekseevich** – Junior Researcher, Military Space Academy, Russian Federation, Saint-Petersburg, e-mail: vka@mil.ru.

© **Lykova Maria Aleksandrovna** – Teacher, Municipal budgetary educational institution Secondary school No. 14., Russian Federation, Krasnogorsk, e-mail: maria.lykova2112@mail.ru.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: многоуровневое образование, психолого-педагогическая подготовка, интегративный подход.

Интегративная психолого-педагогическая подготовка в инженерном вузе является средством формирования не только задаваемых федеральным государственным образовательным стандартом компетенций, но и личностных профессионально значимых качеств. Она имеет свои особенности на каждом уровне образования. В то же время, эффективность такой подготовки возрастает, когда она представляет собой целостную систему. В результате формируется последовательно складывающаяся комплексное новообразование — психолого-педагогическая компетентность. Рассматриваются некоторые особенности интегративной психолого-педагогической подготовки в инженерном вузе на различных уровнях образования: начиная с бакалавриата и заканчивая повышением квалификации преподавателей. Эти особенности не только отражены в нормативных документах, но также обусловлены комплексом различных факторов, связанных с возрастной спецификой, наличием или отсутствием личного и профессионального опыта, предшествующей подготовкой. Процесс профессионализации тесно связан с формированием психолого-педагогической компетентности.

T. A. Starshinova

INTEGRATIVE PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL TRAINING STAGES IN THE FRAMEWORK OF MULTI-LEVEL EDUCATION AT ENGINEERING UNIVERSITY

Key words: multi-level education, psychological and pedagogical training, integrative approach

Integrative psychological and pedagogical training at engineering university is a mean of forming not only the competencies based on the federal state educational standard, but also personal professionally qualities. It has particular characteristics at every level of education. At the same time, the effectiveness of this training increases when it is a holistic system. It results in formation of psychological and pedagogical competence. Some features of integrative psychological and pedagogical training at engineering university at various stages of education are considered: from bachelor's degree professional development. These features are presented in the regulations, focus on various factors related to age specific features, personal and professional experience, prior training. The process of professionalization is connected to the formation of psychological and pedagogical competence.

Особенности интегративной психолого-педагогической подготовки на каждом уровне многоуровневого образования в инженерном вузе обусловлены несколькими факторами: это различный исходный уровень подготовленности обучающихся, их различный индивидуальный профессиональный и жизненный опыт; возрастные особенности развития личности; различные цели обучения; различные наборы компетенций, в формировании и развитии которых эти дисциплины задействованы.

Безусловно, исходная база, в виде наличия предшествующей психолого-педагогической и специальной подготовки, определенного профессионального и вообще жизненного опыта очень важны.

Для бакалавров первого-второго курса она минимальна. Знакомство с данной областью в процессе обучения для них ограничено школьным предметом «Обществознание», ко-

торый включает некоторые соответствующие разделы. Профессионального опыта, как правило, нет. Жизненный опыт небольшой, они чаще всего еще находятся, фактически, под опекой родителей. Также необходимо отметить, что на уровне начальных курсов бакалавриата существенными являются отличия в довузовской подготовке иностранных студентов, и эти особенности также необходимо учитывать. Они изучали в школе другие предметы и в другом объеме, имеют другой культурный опыт. Многие из них, владея русским языком на достаточном для общения и изучения точных наук уровне, не обладают необходимым активным словарным запасом и понятийно-терминологической базой для успешного овладения гуманитарным циклом вузовских дисциплин. Например, согласно проведенному опросу, понятие о темпераменте и названиях его типов имеют около 90 % отечественных студен-

тов бакалавриата, и менее 15 % из студентов, приехавших учиться из-за рубежа.

Магистранты уже изучали определенную совокупность дисциплин, включающих в себя различные компоненты гуманитарного знания, в бакалавриате. Многие из них уже работают, начали реализоваться в профессии. Таким образом, они уже могут соотнести профессиональные требования и свою реальную подготовленность к профессиональной деятельности.

Аспиранты же, пройдя обучение в бакалавриате и магистратуре, в большинстве своем осознают, что выбранная ими стезя подразумевает не только научное исследование в области, допустим, технических наук, но и преподавание. Они уже вполне практически все работают по профессии, часто имеют определенный педагогический опыт того или иного рода.

Как ни странно, преподаватели инженерных вузов иногда имеют психолого-педагогическую подготовку менее обширную, чем аспиранты и даже магистранты, либо она осталась далеко в прошлом и забылась. Зато у них обширнейший практический педагогический и жизненный опыт, методические наработки, они многое вывели эмпирически, осознанно или на уровне профессиональной интуиции.

Существенную роль в организации интегративной психолого-педагогической подготовки играют и возрастные особенности обучающихся, поскольку такая подготовка в своем содержании и методах очень сильно (по сравнению, например, с естественно-научной) опирается на индивидуальный опыт и зависит от сформированности тех или иных личностных и когнитивных подструктур, стадии профессионального и личностного становления, что делает необходимым дифференцированный подход в обучении [1]. Возрастные особенности, влияющие на процесс профессионализации и обучения психолого-педагогическим дисциплинам, имеют многоаспектный характер и проявляются во многих областях (профессиональной, социальной, личностной, когнитивной и других).

К тому же, в XXI в. произошли значительные изменения в процессах профессионализации и социальной адаптации. На уровне бакалавриата, соответствующего юношескому возрастному периоду, проблемой, в частности, является достаточно длительная экономическая и психологическая зависимость от родителей, позднее, по сравнению с другими, уже работающими (а не обучающимися в вузах) сверстниками взросление. Критичность по отношению к мнению старших, которая всегда была характерна для этого возраста, усугубилась влияни-

ем масс-медиа и, прежде всего, интернет-пространства, которое для многих становится важным источником образцов социального и квазипрофессионального поведения. Поэтому особенно важно дать ему достойные образцы для подражания как в лице деятелей науки, так и в лице самого преподавателя, обладающего необходимым набором профессионально значимых качеств личности, широким кругозором и знанием предмета. Важной когнитивной характеристикой данного возраста является возникновение так называемых метакомпонентов мышления и рост интегральности всех познавательных процессов [2]. Поэтому данный период благоприятен для доведения до студента бакалавриата понятия о целостной картине мира, взаимосвязи психолого-педагогического знания и узкопрофессионального, «встраивания» в его когнитивные структуры и семантические поля информации о профессионально значимом гуманитарном знании. В личностном плане это период, когда человек достаточно сильно поглощен собой, своей уникальностью, активно познает себя, свои сильные и слабые стороны, интересуется саморазвитием, происходит развитие я-концепции, достижение идентичности и гармонизация самооценки. Поэтому любые психологические тесты, в том числе – направленные на выявление качеств и свойств, влияющих на процесс обучения, а в будущем – на профессиональную деятельность, вызывают большой интерес и способствуют усвоению учебного материала через практику. Также данный возрастной период очень значим с точки зрения формирования преобладающих моральных и нравственных ценностей, в том числе – ценностей непрерывного образования через всю жизнь.

Для этого периода также характерен интерес к дополнительному образованию, в том числе – в области психологии и педагогики. Причем этот интерес двоякий: с точки зрения получения дополнительной квалификации, которая может помочь в будущем трудоустройстве и карьерном росте, и с точки зрения самосовершенствования, самопознания, желания обучающегося по техническому направлению «добрать» человековедчески направленного материала. В ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» хорошо развита система дополнительного образования студентов по таким направлениям.

На уровне магистратуры, которая соответствует периоду молодости, нормативным для данного возраста событием является некоторое отделение от родительской семьи, обретение постоянной работы и некоторой финан-

совой и эмоциональной независимости. Человек сам начинает принимать большинство решений в учебно-профессиональной и личной жизни. Самостоятельность мышления, переход от дуалистического мышления к признанию существования различных точек зрения по одному и тому же вопросу позволяет обучающимся лучше понять неоднородность психолого-педагогического знания, наличие в нем различных научных течений. Ранее неоднозначность взглядов в гуманитарном знании вызывала раздражение, теперь – интерес, что облегчает донесение многообразия взглядов на психологию учебной и профессиональной деятельности, образование, профессионализацию. И итогом когнитивного развития в данном возрасте становится способность выработать собственную позицию, собственную точку зрения на процессы образования и развития человека в целом, собственное профессиональное развитие. Интерес к профессии становится более предметным, знания и навыки, приобретаемые в вузе, рассматриваются не как элемент общего развития, а с более практической точки зрения полезности для профессиональной деятельности. Поэтому в процессе обучения психолого-педагогическим дисциплинам большое значение приобретают такие формы и методы, как дискуссия, диспут, профессионально ориентированная деловая игра с проигрыванием квази-профессиональных ситуаций, профессионально ориентированные задания, позволяющие осознать необходимость интегративной психолого-педагогической подготовки для будущей профессиональной деятельности, проработать так называемые *Soft skills*.

Аспиранты – это уже совсем взрослые люди, со сложившимися взглядами и убеждениями, находящиеся на стадии профессиональной адаптации. Они понимают необходимость психологии и педагогики для своей профессиональной деятельности в части преподавания. Но не всегда хорошо осознают связь между теорией и практикой. Поэтому для них особенно актуальны задания, связанные с рефлексией своего многолетнего пути, пройденного в качестве обучающегося, и сопоставления этого опыта с начальным опытом преподавательской деятельности. В силу еще достаточно молодого возраста, у них высокая гибкость и нестереотипность мышления. Также они уже достаточно подготовлены в своей специальной области, имеют определенный научный кругозор и могут найти, усвоить и принять интегративные связи между их научной областью, техническим, естественно-научным знанием и знанием о человеке. Большой творческий потенциал и высокая интеллектуальная активность позво-

ляют им с удовольствием выполнять различные творческие задания.

Преподаватели инженерного вуза, проходящие переподготовку и повышение квалификации, имеют несколько особенностей, значимых для организации процесса обучения. Хотя большинство из них имеют хороший практический опыт преподавания, большинство не обладает системными знаниями в области педагогики и психологии. Еще более важным для организации процесса их обучения является тот факт, что разброс по возрасту (от 23 до 85 лет) и педагогическому стажу (от менее чем 1 года до 53 лет) среди слушателей очень велик. Таким образом, в том, что касается слушателей, проходящих курсы повышения квалификации в части психологии и педагогики, не приходится говорить о каком-либо одном уровне их методической подготовленности, одной стадии профессионального развития, общности ситуации возрастного периода. В то же время, все же можно выделить некоторые общие черты. Это уже взрослые люди, со сложившейся Я-концепцией, которая может быть рассмотрена как пересечение трех множеств: Я как личность; Я как член семьи, Я как профессионал. Они имеют сложившуюся профессиональную самооценку, как правило, завышенную. В большинстве своем уверены в собственной компетентности. У многих уже имеются профессиональные деформации, такие как догматичность, непререкаемость собственного мнения, стремление руководить. И часто с неохотой признают, что чего-то не знают. В то же время, для многих актуальным является кризис собственной профессиональной идентичности, желание найти новые пути профессионального развития и точки роста. Для них особенно важным является в процессе обучения с одной стороны, опора на их эмпирический опыт, а с другой – возможность сменить социальную роль преподавателя на роль обучающегося, взглянуть на свою профессиональную деятельность новыми глазами. Они ищут ответы не только на вопросы повышения эффективности своей профессиональной деятельности, у некоторых есть запрос также и на корректировку жизненных целей. Поэтому в области педагогики и психологии их интересуют два уровня теоретического содержания и практических заданий: сугубо прикладной, современные методики и технологии обучения, воспитания, взаимодействия со студентами и общий, методологический, связанный с собственным профессиональным саморазвитием.

Соответственно, несколько различаются цели обучения интегративным психолого-педагогическим дисциплинам на различных

уровнях образования.

Основными целями обучения интегративной психолого-педагогической подготовки, отраженными в рабочих программах по таким дисциплинам, на уровне бакалавриата являются, например:

- а) формирование базовых знаний в области психологии и педагогики;
- б) обучение основам применения психологических и педагогических знаний и умений в профессиональной деятельности для работы в команде, самообразования и саморазвития;
- в) раскрытие сущности педагогических явлений и процессов, происходящих в образовании, обучении, воспитании, с точки зрения педагогической науки;
- г) раскрытие сущности психологических явлений и процессов, основных закономерностей развития психики.

Для магистерских программ в качестве целей, например, по дисциплине «Инженерная педагогика и психология», в рабочей программе указаны:

- а) формирование знаний о психолого-педагогических основах инженерной деятельности;
- б) обучение технологиям и методам организации учебного процесса;
- в) обучение способам применения активных и интерактивных способов организации процесса подготовки специалистов в условиях внутрифирменного обучения;
- г) раскрытие сущности процессов, происходящих в современном образовании, тенденциях развития инженерной деятельности;
- д) развитие умений организации и руководства работой трудового коллектива;
- е) овладение готовностью к самообразованию и саморазвитию.

Для уровня аспирантуры, что было хорошо показано Шагеевой Ф.Т. и Богоудиновой Р.З., такими «целями является развитие способности самостоятельного осуществления профессионально-педагогической деятельности, связанной с решением сложных профессиональных задач в условиях исследовательского университета» [3]. Эта цель достигается через формирование знаний о современных проблемах профессионального образования, его сущности, целях, задачах в соответствии с приоритетными направлениями государственной политики РФ в сфере образования; формирование четкого представления об основных профессионально педагогических задачах, способах их решения; обучение способам проектирования и анализа учебно-профессионального процесса; формирование готовности проектировать и ре-

ализовывать содержание учебных программ на практике, умение планировать учебные занятия; овладение готовностью к реализации образовательной деятельности.

Если же говорить о переподготовке и повышении квалификации преподавателей, то, к примеру, в дополнительной программе повышения квалификации, разработанной автором, «Психолого-педагогическое сопровождение интегративной профессиональной деятельности научно-педагогических кадров в инновационном вузе», в качестве цели реализации программы задано совершенствование слушателей в области психолого-педагогической подготовки, повышение профессионального уровня и готовности к эффективной педагогической и учебно-методической профессиональной деятельности обучению, воспитанию, методическому обеспечению учебного процесса в инновационном вузе.

Эти цели обучения различны не только по своим формулировкам, но и по своей сущности.

Для бакалавриата это формирование базовых знаний и навыков в области педагогики и психологии, которые в будущем могут быть применены в профессиональной деятельности инженера.

Для магистратуры – углубление во взаимосвязь инженерной деятельности и психолого-педагогического знания, еще более ярко выраженная профессиональная направленность, акцент на ту составляющую их профессии, которая связана с руководством трудовым коллективом, организацией внутрифирменного обучения и другими разнообразными задачами, которые современный инженер встречает на производстве.

Для аспирантов, которым присваивается квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь», предполагается, что в будущем их профессиональная деятельность будет, с высокой долей вероятности, включать в себя в равной степени научно-исследовательскую деятельность в своей специальной области и деятельность педагогическую. Соответственно, их интегративная психолого-педагогическая подготовка должна быть углубленной, фактически, на уровне, позволяющем говорить о полноценном педагогическом образовании. Выделение аспирантуры в качестве третьего уровня высшего образования с формулированием требований к ней на уровне федерального государственного образовательного стандарта и присвоением квалификации в этом смысле сыграло положительную роль, так как позволило уйти от странной ситуации, когда в вузах, прежде всего технических, преподают люди, глубоко

знающие свой предмет, но не имеющие никакого представления о педагогике и психологии.

Тем не менее, такое преобразование формата аспирантуры произошло только в последние несколько лет. До этого психолого-педагогическая составляющая в подготовке аспирантов непедагогических специальностей была гораздо слабее выражена. Поэтому в вузах, особенно инженерных, работает достаточно много преподавателей, фактически не имеющих педагогического образования. И для них очень существенной является переподготовка и повышение квалификации, затрагивающее не только содержание области их научного исследования и преподаваемого ими предмета, но и гуманитарную основу их профессиональной деятельности. В данном случае целью таких программ должно являться их профессиональное совершенствование слушателей за счет максимальной интеграции их специального и психолого-педагогического знания.

Но следует обратить внимание, что важнейшей целью, «красной нитью» проходящей через все программы для всех уровней образования, является совершенствование способности обучающихся к самообразованию, самовоспитанию, профессиональному и личностному саморазвитию.

Наборы компетенций, в формировании и развитии которых задействованы психолого-педагогические дисциплины, для каждого из уровней многоуровневого образования в инженерном вузе (бакалавриат, магистратура, аспирантура), заданы на основе федеральных государственных образовательных стандартов и зафиксированы в соответствующих учебных планах и рабочих программах дисциплин.

Если же говорить о преподавателях-слушателях программ повышения квалификации, то развиваемые ими компетенции могут быть различны, но всегда связаны с установленными квалификационными требованиями [4] и профессиональными стандартами.

Приказ Минобрнауки России от 29 марта 2019 года № 178 предусматривает подготовку научно-педагогических работников к реализации образовательных программ в рамках непрерывного образования, овладение ими новыми методами обучения и воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, образовательными технологиями, обеспечивающими освоение обучающимися базовыми навыками и умениями, повышение их мотивации к обучению и вовлеченности в образовательный процесс. Такой подход требует понимания этого процесса как взаимодействия педагога и обучающегося, их совместной деятельности по достижению образовательного резуль-

тата, что непросто и требует осмысления изменений, происходящих с молодежью, социумом, информационным пространством, взаимоотношениями между обучающим и обучаемым. Профессиональная деятельность педагога современного инновационно ориентированного вуза является интегративной, многофункциональной, требует широчайшего набора системно взаимосвязанных друг с другом компетенций. Научно-педагогические кадры в современном инновационном вузе необходимо готовить для выполнения интегративной профессиональной деятельности, формировать у них компетенции: позволяющие выявлять и реализовывать потенциал своего профессионального саморазвития и в ходе непрерывного образования и самообразования, совершенствовать и развивать свой общеинтеллектуальный и общекультурный уровень, владение культурой мышления, способностью к анализу, восприятию, обобщению информации; «формировать способность самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий, новые знания и умения, непосредственно не связанных со сферой деятельности и способность проводить анализ образовательной деятельности организаций посредством экспертной оценки и проектировать программы их развития; развивать готовность к реализации образовательной и воспитательной функций в процессе преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования; формировать готовность выявлять и учитывать личностные особенности обучающихся, влияющие на формирование их профессиональной компетентности и способность осуществлять мониторинг и коррекцию учебной деятельности студентов с целью формирования их профессиональной компетентности и личностного развития; проектировать методическое обеспечение учебного процесса» [5].

Например, программа повышения квалификации «Психолого-педагогическое сопровождение интегративной профессиональной деятельности научно-педагогических кадров в инновационном вузе» реализуется на базе Центра переподготовки и повышения квалификации преподавателей ИДПО ФГБОУ ВО «КНИТУ» в течении многих лет, как в виде самостоятельной программы, так и в качестве программы по специальности для той или иной кафедры, с усилением узкопрофессиональной составляющей. В процессе ее освоения слушатели развивают такие компетенции, как:

– способность совершенствовать и развивать свой общеинтеллектуальный и общекультурный уровень, владение культурой

мышления, способностью к анализу, восприятию обобщению информации;

– способность самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий новые знания и умения, непосредственно не связанных со сферой деятельности;

– способность проводить анализ образовательной деятельности организаций посредством экспертной оценки и проектировать программы их развития;

– готовность к реализации образовательной и воспитательной функций в процессе преподавательской деятельности по основным образовательным программам высшего образования;

– способность использовать систематизированные интегративные психолого-педагогические знания и навыки, обеспечивающие готовность преподавателя к эффективной профессионально- педагогической деятельности;

– способность осуществлять мониторинг, анализ и коррекцию профессионально-педагогической деятельности по обучению и воспитанию с учетом ее индивидуальной психолого-педагогической основы;

– умение выявлять и реализовывать потенциал своего профессионального саморазвития;

– готовность выявлять и учитывать личностные особенности обучающихся, влияющие на формирование их профессиональной компетентности;

– способность осуществлять мониторинг и коррекцию учебной деятельности студентов с целью формирования их профессиональной компетентности и личностного развития;

– способность проектировать методическое обеспечение учебного процесса.

Нетрудно заметить, что эти компетенции отражают последовательно разворачивающуюся систему психолого-педагогической компетентности, формирующейся на различных

уровнях образования в инженерном вузе в процессе интегративной психолого-педагогической подготовки [6]. Таким образом, развитие психолого-педагогической компетентности на всех уровнях многоуровневого образования в инженерном вузе предполагает «послойное» формирование отдельных составляющих ее компетенций.

Полученная конфигурация психолого-педагогической компетентности является индивидуальной, опосредованной как полученной психолого-педагогической подготовкой с особенностями ее индивидуальной траектории, так и личностными и когнитивными качествами профессионала. Такая индивидуальная траектория может быть выстроена, как показывает опыт ФГБОУ ВО «КНИТУ», различным образом, в частности, возможны такие образовательные траектории:

– бакалавриат и дополнительное профессиональное образование, переподготовка на факультете дополнительного профессионального образования – магистратура – аспирантура – педагогическая деятельность, повышение квалификации;

– бакалавриат – магистратура – профессиональная деятельность – повышение квалификации в Институте дополнительного профессионального образования психолого-педагогической направленности;

– специалитет – аспирантура – преподавательская деятельность – переподготовка в области психологии и педагогики.

В любом случае, важным условием эффективности такой подготовки является ее интегрированность в целостный образовательный процесс и взаимосвязь с профессиональной деятельностью. В условиях инженерного вуза наличие системной многоуровневой психолого-педагогической подготовки подтверждает университетский статус такого вуза, его многопрофильность, дает конкурентные преимущества и универсальность его выпускникам на рынке труда.

Литература

1. Низамиева Л. Ю., Старшинова Т. А., Иванов В. Г. Интеграция психолого-педагогического и информационно-технологического знания как средство реализации дифференцированного подхода // Вестник Казанского технологического университета. 2008. №6. С. 298-301.
2. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С.57-62.
3. Шагеева Ф. Т., Богоудинова Р. З. Профессионально-педагогическая подготовка аспирантов в исследовательском университете // Казанская наука. 2016. №10. С. 181-183
4. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 N 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные ха-

рактеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования». URL: https://www.isuct.ru/sites/default/files/common/uchsovet/nsi/prikaz1n_110111.pdf (дата обращения 18.06.2021).

5. Приказ Минобрнауки России от 29.03.2019 N 178 «Об определении перечня приоритетных направлений обновления навыков и приобретения компетенций гражданами с учетом региональных и отраслевых потребностей на 2019 год». URL: <http://fgosvo.ru/news/4/4216> (дата обращения 18.06.2021).

6. Старшинова Т. А. Педагогическая интеграция как системное явление // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №16. С. 234-236.

Информация об авторе:

© **Старшинова Татьяна Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: tstar@any.com.ru.

Information about the author:

© **Starshinova Tatyana Aleksandrovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: tstar@any.com.ru.

ПРОЯВЛЕНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ ВТОРИЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований 19-013-00308 «Саморегуляция как ресурс жизнестойкости субъекта в условиях смены вида профессиональной деятельности»

Ключевые слова: молодежь, жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, вторичная профессиональная адаптация, смена видов профессиональной деятельности

Рассмотрены проявления жизнестойкости молодых людей в ситуации освоения нового вида деятельности и вторичной профессиональной адаптации. Жизнестойкость рассматривается как важнейший личностный ресурс, обеспечивающий продуктивное преодоление стрессогенных ситуаций. Благодаря жизнестойкости человек способен даже в самых напряженных условиях получать удовольствие от собственной деятельности («вовлеченность»), чувствовать себя субъектом собственной жизни («контроль»), извлекать опыт и применять его в новых условиях («принятие риска»). Целью исследования являлось выявление предикторов жизнестойкости молодежи в условиях вторичной профессиональной адаптации. В качестве респондентов были привлечены обучающиеся по магистерским программам Северо-Кавказского федерального университета в возрасте от 23 до 35 лет, всего 104 человека. Эмпирический материал собран с помощью компьютеризированного тестирования на основе использования стандартизированных тестовых методик. С помощью множественного регрессионного анализа выявлены предикторы жизнестойкости и ее компонентов. Установлено, что жизнестойкость в ситуации вторичной профессиональной адаптации поддерживается за счет активации регуляторных процессов моделирования и оценивания результатов. Способность выделять внешние и внутренние условия, значимые для достижения цели, а также сопоставлять перспективные цели и достигнутые результаты определяют готовность справляться с высокой стрессовой нагрузкой и напряжением. Отмечается, что в ситуации смены видов профессиональной деятельности проявляется зависимость между жизнестойкостью субъекта и сбалансированностью его аффективной сферы. Обсуждается влияние адаптационного потенциала, трудовой мотивации и предпочитаемых копинг-стратегий на успешность преодоления молодыми людьми трудностей вторичной профессиональной адаптации.

E. A. Fomina, V. A. Solomonov

THE MANIFESTATION OF THE HARDINESS OF YOUNG PEOPLE IN A SITUATION OF SECONDARY PROFESSIONAL ADAPTATION

Key words: youth, hardiness, involvement, control, risk taking, secondary professional adaptation, change of professional activities

The article considers the manifestations of the hardiness of young people in the situation of mastering a new type of activity and secondary professional adaptation are considered. Hardiness is viewed as the most important personal resource that ensures productive overcoming of stressful situations. Thanks to hardiness, a person is able, even in the most stressful conditions, to enjoy his own activities («involvement»), to feel like the subject of his own life («control»), to gain experience and apply it in new conditions («risk taking»). It has been established that hardiness in a situation of secondary professional adaptation is maintained by activating the regulatory processes of modeling and evaluating the results. The ability to identify external and internal conditions that are significant for achieving a goal, as well as to compare promising goals and achieved results predetermine the readiness to cope with high stress load and tension. It is noted that in a situation of changing types of professional activity, a relationship is manifested between the hardiness of the subject and the balance of his affective sphere. The influence of adaptive potential, work motivation and preferred coping strategies on the success of young people overcoming the difficulties of secondary professional adaptation is discussed.

Введение. По данным социологических исследований, порядка 26,2 % молодых людей участвуют в программах профессиональной пе-

реподготовки, рассчитывая сменить профессию [10, с. 235]. Еще одним способом, позволяющим реализовать горизонтальную профессио-

нальную мобильность, выступает обучение по программам магистратуры. Студенты магистратуры в большинстве имеют опыт трудовой деятельности и нескольких профессиональных проб, знакомы с требованиями работодателей, способны обоснованно оценить необходимость практических навыков и знаний. Для многих из них магистратура открывает не только карьерные перспективы, но и выход в новую профессиональную сферу. Таким образом, реальное количество молодых людей, активно ищущих свое место в профессиональном мире, оказывается еще большим.

Для магистрантов и слушателей профессиональной переподготовки к проблемам вторичной профессиональной адаптации добавляются трудности освоения образовательной программы. Не будем забывать, что в молодом возрасте решаются и другие основополагающие жизненные задачи – поиск спутника жизни, создание семьи, расширение репертуара социальных ролей. Правомерно, что количество задач, их сложность и разнообразие заставляет обращать внимание на те ресурсы, которые позволяют молодым людям справляться с высокой стрессовой нагрузкой и напряжением.

Благодаря работам Д. А. Леонтьева и его коллег, было показано, что к числу важнейших личностных ресурсов относится жизнестойкость, а исследования жизнестойкости субъекта в разных жизненных ситуациях прочно вошли в проблемное поле социо-гуманитарных наук [6, 7]. Благодаря жизнестойкости человек способен даже в самых напряженных условиях получать удовольствие от собственной деятельности («вовлеченность»), чувствовать себя субъектом собственной жизни («контроль»), извлекать опыт и применять его в новых ситуациях («принятие риска»).

На сегодняшний день исследованы особенности жизнестойкости различных поколений россиян, включая подростков и молодежь студенческого возраста [11, 13; 14, 15, 3, 4 и др.]; выявлены многочисленные аспекты жизнестойкости студентов и субъектов труда, относящихся к различным профессиональным сферам [2, 5 и др.]; подготовлены обзорные материалы, характеризующие феномен жизнестойкости. В данной работе предпринята попытка исследовать проявления жизнестойкости молодых людей, чья жизненная ситуация сконцентрирована на освоении новой профессиональной деятельности и адаптации к ней.

Цель исследования – выявление предикторов жизнестойкости молодежи, в условиях вторичной профессиональной адаптации.

Методы исследования. В исследовании приняли участие обучающиеся по магистерским программам СКФУ в возрасте от 23 до 35 лет, всего 104 человека. Эмпирический материал собран с помощью компьютеризированного тестирования на основе использования стандартизированных тестовых методик.

В состав пакета методик вошли: Тест жизнестойкости, адаптация теста С. Мадди, выполненная Д. А. Леонтьевым, Е. И. Рассказовой (ТЖ) [6]; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ), разработанный под руководством В. И. Моросановой [9]; Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина (МЛЮ-АМ)[8]; Методика диагностики копинг-стратегий Heim E. (E. Heim) [16]; Пятифакторный опросник личности (ПОЛ) в адаптации А. Б. Хромова [12]; Анкета для определения типа трудовой мотивации работника, разработанная в русле одноименной концепции В. И. Герчикова (ТКТ) [1]. Использование данного пакета методик обосновано нами ранее [16].

Статистическая обработка результатов была проведена с помощью программы MS Excel 2016, статистического пакета IBM SPSS Statistics версия 25.0 и IBM SPSS AMOS версия 25. Использовались процедуры описательной статистики, корреляционный анализ, множественный регрессионный анализ методом пошагового исключения переменных в вычислениях, а также моделирование структурными уравнениями.

Результаты исследований. Эндогенными переменными выступили показатели жизнестойкости **респондентов**, а экзогенными – показатели саморегуляции, адаптивности, копинг-стратегий, трудовой мотивации и личностных особенностей.

На рисунке 1 приведена структурно-логическая модель жизнестойкости магистрантов, характеризующаяся хорошими индексами согласия, они расположены под моделью. Погрешности измерений обозначены, как «е», ошибки модели.

Жизнестойкость определяет оптимистичные способы взаимодействия с миром и окружающими людьми, препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовой ситуации, позволяет не снижать продуктивность деятельности.

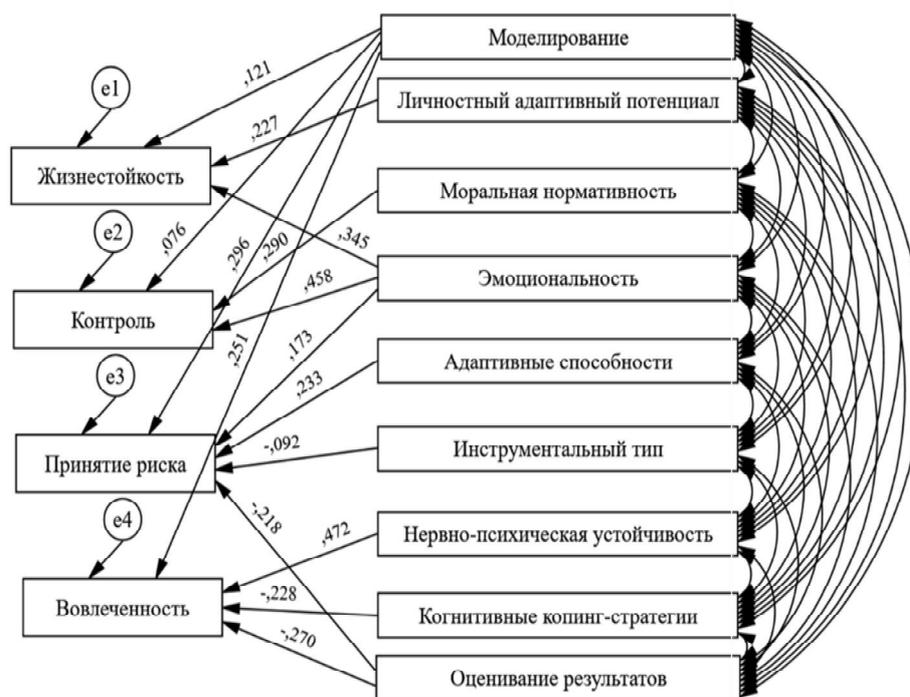

Рис. 1 – Структурно-логическая модель проявления жизнестойкости молодежи в ситуации вторичной профессиональной адаптации

К числу предикторов жизнестойкости относятся «моделирование» (ССПМ) (0,121), «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» (ПОЛ) (0,335), «личностный адаптивный потенциал (МЛО-АМ) (0,227). Молодые люди, находящиеся в условиях вторичной профессиональной адаптации, проявляют жизнестойкость за счет способности выявлять значимые для достижения цели внешние и внутренние условия; баланса аффективной сферы; эффективной социально-психологической адаптации в рамках общепринятых социальных норм.

Предикторами показателя «вовлеченности» являются «нервно-психическая устойчивость» (МЛО-АМ)(0,472), «моделирование» (ССПМ) (0,251), когнитивные копинг-стратегии (Е. Heim) (-0,228), «оценка результатов» (ССПМ) (-0,270). Способность получать удовольствие от собственной деятельности положительно связана с устойчивостью к неблагоприятным условиям среды; способностью выявлять значимые для достижения цели внешние и внутренние условия; и отрицательно – с привлечением когнитивных ресурсов в ситуации совладания; с контролем, оцениванием и коррекцией результатов своей активности

Предикторами показателя «контроль» выступают «моделирование» (ССПМ) (0,076), «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» (ПОЛ) (0,458), «моральная

нормативность» (МЛО-АМ)(0,290). Потенциал человека в выборе собственной деятельности и влияния на ее результат определяется развитостью регуляторного процесса моделирования, равновесием аффективной сферы и ориентацией на общепринятые социальные нормы.

Предикторы показателя «принятие риска» оказались наиболее многочисленны, это: «моделирование» (ССПМ) (0,296), «адаптивные способности» (МЛО-АМ)(0,233), «эмоциональность – эмоциональная сдержанность» (ПОЛ) (0,173), «инструментальный» тип профессиональной мотивации (ТКТ) (-0,92), «оценка результатов» (ССПМ) (-0,218). Готовность активно усваивать знания из опыта и использовать их положительно связана с регуляторным процессом моделирования; способностью адаптироваться к требованиям среды; балансом аффективной сферы; и отрицательно – с мотивацией удовлетворения потребностей за счет адекватной цены труда; с индивидуальной развитостью и адекватностью оценки себя и результатов своей деятельности.

Выводы. Ключевую роль в поддержке жизнестойкости молодежи в ситуации освоения новых видов профессиональной деятельности и вторичной профессиональной адаптации играет способность выделять значимые для достижения цели внешние и внутренние условия в текущей ситуации и перспектив-

ном будущем, что составляет сущность регуляторного процесса моделирования.

Развитость регуляторных процессов – моделирования и оценки результатов как способности адекватно оценить себя и результаты своей деятельности на основе устойчивых субъективных критериев, – выступает важнейшим фактором, влияющим на проявления жизнестойкости молодежи в ситуации освоения новых видов профессиональной деятельности и вторичной профессиональной адаптации. При этом развитая способность к оценке результатов выполняет своего рода защитную функцию, не позволяя бесконтрольно погружаться в текущую деятельность.

Используя возможности горизонтальной профессиональной мобильности, молодые люди руководствуются стремлением улучшить свое предыдущее положение, обеспечить свою жизнь самостоятельно. С другой стороны, нацеленность на финансовый результат противоречит готовности извлекать опыт, что снижает жизнестойкость и ухудшает процесс вторичной адаптации.

Для сохранения жизнестойкости молодежи важен баланс эмоциональной сферы и отвержение когнитивных копинг-стратегий как препятствующих вовлеченности в жизненный процесс.

Литература

1. Герчиков В. И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53-62.
2. Земскова А. А., Латышев О. М. Сравнительный анализ личностных особенностей курсантов и студентов, обучающихся по специальности «Инженер пожарной безопасности» // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2018. № 4. С. 101-107.
3. Калашникова М. Б., Никитина Е. В. Жизнестойкость как необходимая личностная характеристика современных подростков // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 4 (102). С. 51-55.
4. Климов А. А. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с личностными ценностями студентов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология», 2011. № 2(10). С. 14-23.
5. Леоненко Н. О. Смысловая регуляция в психологической структуре жизнестойкости студентов педагогического вуза // Педагогическое образование в России. 2014. № 4. С. 149-153.
6. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., Смысл, 2006. 63 с.
7. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18-37.
8. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина / Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Ред. и сост. Райгородский Д. Я. Самара, 2001. С. 549-558.
9. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. – Москва: Психологический институт Российской академии образования, 2015. 304 с.
10. Попова Е. С. Молодежь на рынке труда: смена профессии как адаптация к новой экономике // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума Будущее сферы труда: достойный труд для всех (г. Уфа, 4-5 февраля 2019 г.) / под ред. Г.Р. Баймурзиной, Р.М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 233-238.
11. Постникова М. И. Особенности жизнестойкости молодежи // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 298-310.
12. Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. 23 с.
13. Федотова В. А. Детерминанты жизнестойкости у трех поколений современной России // Российский психологический журнал. 2020. № 17(1), С. 74-91. doi: 10.21702/rpj.2020.1.6
14. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Исследование мотивов и факторов, оказывающих влияние на выбор вуза абитуриентами // Управление устойчивым развитием. 2018. №1. С. 45-49.
15. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Особенности формирования социальной активности и гражданской активности у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. №3. С. 40-47.
16. Фомина Е. А., Польченко О. В. Диагностика особенностей жизнестойкости и ее регуляторных механизмов в условиях смены видов профессиональной деятельности // Личность: ресурсы и потенциал. 2019. № 4. С. 38-44.

17. Fomina E. A., Solomonov V. A. Features of personal vitality manifestation in new type of professional activity development // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSB. 2020. V. 92. P. 366-373. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.48>
18. Heim E. Coping und Adaptivitat: Gibtesgeeignetesoderungeeignetes Coping // Psychother., Psychosom., med. Psychol. 1988. № 1. P. 8-17

Информация об авторах:

© **Фомина Елена Алексеевна** – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, fea30@mail.ru.

© **Соломонов Владимир Александрович** – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, vlas67@mail.ru.

Information about the authors:

© **Fomina Elena Alekseevna** - PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, fea30@mail.ru.

© **Solomonov Vladimir Aleksandrovich** – PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, vlas67@mail.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2021 №3 (34)

май-июнь

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – Л. З. Фатхуллина

Свободная цена

Подписано в печать 30.06.2021

Формат 60×84 1/8

Бумага офсетная
15,0 уч.-изд. л.

Печать ризографическая
Тираж 200 экз.

15,25 усл. печ. л.
Заказ 0107/2

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вестфалика»
(ИП Колесов В.Н.)

420111, г. Казань, ул. Московская, 22. Тел.: 292-98-92, e-mail: westfalika@inbox.ru